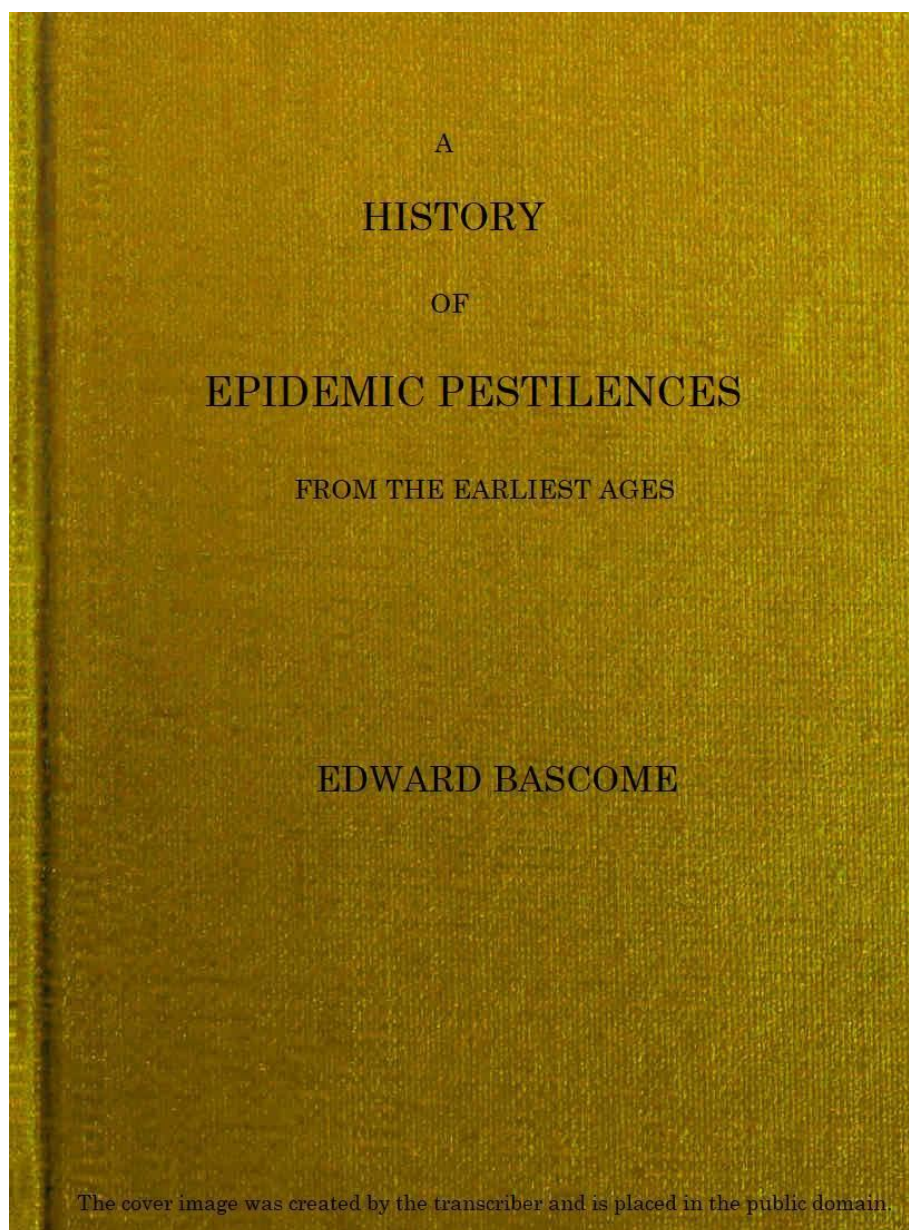


История эпидемических моров. От
самых ранних веков, 1495 лет до
рождения нашего Спасителя до 1848
года. С исследованиями их природы,
причин и профилактики

Эдвард Баском



The Project Gutenberg eBook of A History of Epidemic Pestilences.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: A History of Epidemic Pestilences

Автор: Эдвард Баском

Дата выхода: 16 января 2022 [eBook #67182]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: John Churchill, 1851

Кредиты: Карин Спенс, Тургут Динсер и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A HISTORY OF EPIDEMIC PESTILENCES ***

ИСТОРИЯ ЭПИДЕМИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ С ДРЕВНИХ ВЕКОВ, 1495 лет до рождения нашего Спасителя по 1848 год: С ИССЛЕДОВАНИЯМИ ИХ ПРИРОДЫ, ПРИЧИН И ПРОФИЛАКТИКИ.

ЭДВАРД БАСКОМ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ.

"Всеокружающие небеса, жизненный воздух,

большой со смертью: и если гнилой юг

Будь закрыт, и пусть ни одна конвульсивная агония

Не сотрясают глубокие основы мира.

В тюрьме чума, тайный яд часто

Развращает воздух, воду и землю".

Искусство сохранения здоровья.

ЛОНДОН:

ДЖОН ЧЕРЧИЛЛЬ, ПРИНСЕС-СТРИТ, СОХО.
1851.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ

ГРАФУ ВАЛДЕСБЕРИ,

И

ДОКТОРУ. ДЖОНА КОНОЛЛИ, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ.

Милорд,

Мой дорогой сэр,

Не имея возможности передать вам чувство долга, связанное с тем, что мне выпала честь посвятить эту работу людям вашего высокого положения и выдающихся заслуг, я вдвойне хочу выразить свое восхищение вашей *безмерной доброжелательностью*, проявляющейся не только в вашей общественной деятельности в целом, но и в особенности - одно в исхождении, другое в исполнении положений закона о защите и добром внимании к тем несчастным созданиям Божьим, которых ему угодно было поразить тяжелейшим из человеческих недугов, лишением или ущемлением благороднейших способностей человека - Причина.

То, что ваши труды принесли неисчислимую пользу страдающему человечеству, слишком хорошо известно, чтобы я мог комментировать или восхвалять вас.

Я искренне желаю, чтобы вы оба жили долго и в здравии, чтобы довести до конца "начатое вами доброе дело" и чтобы вы могли наслаждаться заслуженной репутацией, вытекающей из этого,

милорд,

и

Мой дорогой сэр,

С глубочайшим уважением,

Ваш покорный,

смиранный слуга,

Автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Считая, что каждый обязан содействовать благу своих ближних в той мере, в какой позволяет ему его опыт...

"Non sibi sed toti mundo se credere natum;"

И полагаясь на практические знания, приобретенные за четверть века пребывания в не самых гостеприимных климатических условиях, Автор был вынужден предложить публике следующие страницы, как свои профессиональные рассуждения на тему, глубоко интересную для каждого сообщества, - тему одновременно всеобъемлющую и неясную, - всеобъемлющей, поскольку она включает в себя рассмотрение огромного разнообразия болезней под названием "Эпидемический мор" - "потомство ненастного неба и легионов гниющей саранчи", - и неясной, поскольку касается неопределенности, которая всегда должна присутствовать во всем, что связано с явлениями жизни и смерти.

Автор постарался представить в честном обзоре различные мнения самых выдающихся историков (профессиональных и иных) и хотел бы внушить своим читателям, что по вопросу, охватывающему столь широкое поле, *как влияние атмосферы, возникающее в результате нарушения стихий, вместе с безграничным разнообразием обстоятельств человеческого общества, как возбуждающая и предрасполагающая причина болезни*, настоящий том должен быть прочитан и рассмотрен как единое целое; Ибо только путем сравнения всех явлений, представленных в нижеследующей "Истории моров", можно прийти к каким-либо справедливым или рациональным выводам, - выводам, которые полностью подтверждаются замечательными совпадениями наблюдений и комментариев историков не только самых ранних веков мира, но и более современных времен.

Автор стремился путем тщательного изучения примирить расхождения историков в датах - расхождения, очевидно, вызванные различиями в начале года у разных людей или народов.

В заключение, - каким бы догматичным ни казался автор своим читателям в том, что он выдвинул относительно природы, причин и т.д. эпидемических моров, он просит заверить их, что написал по честному убеждению; и с этим заверением он оставляет предмет в руках тех, кто способен оценить его усилия в пользу здравого смысла.

Ὁ οἶδαμεν λαλοῦμεν, καὶ ὃ ἑώρακαμεν μαρτυροῦμεν.

"Мы учим, что знаем, и свидетельствуем, что видели".

Уайк Хаус, Брентфорд.

ИСТОРИЯ

САЙТА

ЭПИДЕМИЙ МОРОВОЙ ЯЗВЫ.

ГЛАВА I.

С 1495 Г. ДО Н.Э. ПО 540 Г. Н.Э.

Πλείη μὲν γὰρ γαῖα κακῶν, πλείη δὲ θάλασσα-.

Νοῦσοι δ' ἀνθρώποισιν ἔφ' ἡμέρῃ ἢδ' ἐπὶ νυκτὶ

Αὐτόματοι φοιτῶσι.

Гесиод.

Земля полна недугов, и полно море,

Которые обрушиваются на нас и ночью, и днем.

Записано, что в месяце Адар, который, согласно нашему исчислению времени, соответствует периоду между серединой февраля и мартом, концом еврейского года, - в царствование фараона IV., царя Египта, в 2509 году мира (1495 год до христианской эры), на 80-м году жизни Моисея, священного историка и великого вождя израильского воинства, начались многие ужасные чудеса в мире природы, особенно волнения стихий, которые сменились мором, губительным для людей и зверей в низменных землях Египта. Этому ужасному мору предшествовали страшные волнения стихий - град, гром и молния, жара и засуха, появление насекомых и т. д.; ведь лето после влажной зимы было жарким и сопровождалось сильными холодными ночными росами, чередовавшимися с дождями. Погода была очень переменчивой; чрезмерная жара и горячие ветры изнуряли жителей днем, а холодные влажные росы охлаждали их ночью: атмосфера была настолько наполнена огненными элементами, облаками пыли и песка, что люди и скот находились в непосредственной опасности задохнуться и были вынуждены искать убежища от этих сухих бурь и штормов. 10-го числа наступила всеобщая тьма, продолжавшаяся три дня, а 14-го начался смертоносный мор, который одним внезапным и всеобщим уничтожением смахнул с лица природы миллионы людей.

В 1471 году до н. э. от страшной моровой язвы были уничтожены ропотники и мятежники в компании Кораха, Дафана и Авирама в лагере в Кадеше, в пустыне Паран, в количестве 14 700 человек; а через девятнадцать лет после этого (1452 год до н. э.) от такой же моровой язвы погибли буйные и пьяные поклонники Ваала-Пора, 24 000 мужчин и женщин.

В 1310 году до н. э., за шестьдесят лет до Троянской войны, остров Эгина посетила эпидемия моровой язвы, от которой погибло огромное количество людей.

В 1141 году до н. э. жителей Ашдода, расположенного на берегу моря между Газой и Иоппией и называемого в Новом Завете Азотом, посетил эпидемический мор, названный эмеродской болезнью - поражением кишечника, или злокачественной дизентерией.

Во времена Давида, в 1017 году до н. э., разразился мор, который за три дня уничтожил 70 000 человек. Примерно к этому периоду относится первая страшная эпоха испанской эпидемиологии. Период, однако, указывается по-разному; некоторые определяют его как 1100 год до н. э., в то время как другие авторы упоминают, что он произошел во время великой чумы, или голода, в Египте. *Двадцать пять лет* без перерыва длилась засуха в Испании; источники пересохли, реки перешли в брод, их воды почти застоялись; не было ни

пастбищ для зверей, ни плодов для людей; так велика была бесплодность земли, что почти не было зелени, кроме нескольких оливковых деревьев на берегах Эбро и Гвадалквивера. Таково, говорит историк, было меланхоличное состояние нашей древней Испании; "полное ужасных смертей, чумы и несчастий всех видов, которые, вместе с эмиграцией в другие земли, почти обезлюднили нашу страну".

Плутарх упоминает о сильном море, случившемся в Риме в 790 году до нашей эры, вскоре после убийства Татия: он был настолько стремительным и смертельным, что был представлен как почти мгновенный; скот, как и люди, были сметены, и вся природа выглядела одной пустыней и заброшенной: в этот ужасный период, как говорят, шел дождь из крови или багровых насекомых, которые превратили воды в цвет крови, как это случилось в Египте во время правления фараона: урожай не удался, и страна Кампания, можно сказать, была опустошена мечом, голодом и мором. Плутарх также рассказывает об эпидемии моровой язвы, которая поразила жителей Италии, особенно столицы империи, во время правления Нумы Помпилия, Езекии в Иудее и Сеннахериба в Ассирии в 710 году до н.э.: от этой моровой язвы погибло 185 000 человек из ассирийской армии при осаде Иерусалима, что вынудило нападавших снять осаду и вернуться в Ниневию, даже после того, как они взяли все главные города Иудеи, включая Либну, расположенную примерно в двенадцати милях к юго-западу от Иерусалима. Именно в этот период Нума Помпилий учредил Салии, коллегию жрецов Марса, которые несли священные щиты в процессии, чтобы остановить мор.

Ливий описывает другой мор, который случился в Риме во время правления Тулла Хостилия, 694 г. до н. э. Зосима, офицер во время правления Феодосия Младшего, говорит о распространении моровой язвы в Риме во время правления Тарквина, около 671 г. до н. э.; Дионисий Галикарнасский, Муратор и Функций также упоминают о сильном голоде и моровой язве в Риме, около 545 г. до н. э., в результате которого почти обезлюдил Велитраэ, древний город Лация на Аппиевой дороге, примерно в двадцати милях к востоку от Рима. В это время среди их скота начался мор, который уничтожил огромное количество животных, и среди жителей Лациума произошел такой хаос, что вольски были вынуждены обратиться к римлянам с просьбой заново заселить их города. Рим также пострадал в следующем году, как и Кампания, знаменитая своим озером Авернус, которое выпускало такие ядовитые пары, что птицы не подходили к его берегам: этот мор не щадил ни возраста, ни телосложения и не поддавался никаким средствам. Она появлялась внезапно, быстро уничтожала свои жертвы, а при наступлении устойчивых холодов исчезала так же внезапно, как и появлялась.

Около 594 до н. э. В этом году от сильной моровой язвы погибла третья часть жителей Иерусалима.

Геродот и Юстин сообщают о гибели армии Ксеркса, отступавшей в Азию после поражения в битве при Саламине, от страшной моровой язвы, которая поразила как сухопутные, так и морские войска, особенно армию под командованием генерала Мардония, около 480 до н. э.: число жертв составило 150 000 человек. В этот период Диодор Сикул пишет, что древние испанские войска были самыми верными и храбрыми и почти всегда составляли силу карфагенских армий: он продолжает: "Они (карфагеняне) взяли сокровища и солдат, которые своей доблестью помогли республике в самые критические времена войны. Испанские солдаты переносили трудности с несгибаемым мужеством и, будучи от природы крепкими, не были запуганы ни моровой язвой, уничтожившей другие карфагенские армии того времени, ни 150 000 трупов жертв чумы, которые без погребения устилали равнины. Все эти обстоятельства не помешали им явиться с оружием в руках и потребовать капитуляции Сиракуз от их первого тирана, в то время как остальные войска, позорно покинутые своими вождями, обратились в стремительное бегство и сдались по собственному желанию.

История ничего не говорит о средствах, которые были приняты для лечения этой ужасной моровой язвы в Сиракузах, и не показывает, почему только испанцы пользовались иммунитетом от этой болезни, достойной увековечивания в истории. Однако Виллальба упоминает некоторые физические причины, которые, по его мнению, способствовали замечательному избавлению испанцев от страшного мора: он утверждает, что древние испанцы были трезвой расой, а, по мнению всех авторитетов, трезвость - мощное средство защиты от болезней. Филарк, гражданин Афин, был необычайно поражен этим фактом: Среди богатых людей, которые жили экономно, пили только воду и были одеты в самые богатые одежды, умеренность и телесная чистота имели огромное значение для поддержания осязаемого и неосязаемого потоотделения; Эти функции секреции и экскреции необходимы для того, чтобы составные части крови сохраняли свою чистоту, вес, нормальное состояние электричества и естественную текучесть, от которых зависит сохранение здоровья и способность противостоять болезням во время эпидемий, как утверждают юристы-медики и как практиковали древние испанцы". Он продолжает: "Баня также является эффективным средством для удаления примесей, которые противостоят осязаемому и неосязаемому потоотделению; и похоже, что в Испании задолго до Второй Пунической войны баня была в общем фаворе". Вспомним бессмысленную насмешку Диодора Сикула над привычкой испанцев мыть все тело мочой, а Гален говорит, что в Сирии избегают чумы, просто выпивая эти жидкие экскременты. О том, что испанцы использовали мочу в качестве местного лосьона, мы узнаем из трактатов о банях и других предметах древней Испании. Доктора Рибейро и Санчес с некоторым основанием утверждают, что использование белья в Европе привело к тому, что мор стал реже случаться; таким образом, как бы способствуя чистоте, которой древние добивались с помощью своих общественных бань. Этой же причине мы можем приписать редкость нападения на испанцев вышеупомянутой страшной моровой язвы. Катулл, Силий Италик и Граций Фалиск превозносят паровые бани древних сетаби: в общем, говорит Виллальба, трезвость, личная чистота, купание в общей воде, мытье мочой, паровые бани, ношение льняной одежды и стойкость - все это способствовало иммунитету от болезней наших испанских предков.

Аппо 476 до н. э. В течение этого и последующих лет, говорит Флориан де Окампо, в Испании время от времени происходила серия моров и других мелких заболеваний, от которых погибало множество людей. Карфагеняне, чтобы умиротворить гнев богов, которым они приписывали эти смертельные визиты, приносили человеческие жертвы, делали надрезы на руках и ногах, а также на других частях тела; они также умерщвляли скот всех видов, в зависимости от тяжести моровой язвы.

Орозий, другой испанский писатель, а также Дионисий рассказывают о появлении страшной чумы в Риме, которая вызвала огромную смертность, в 463 году до н. э. Это было тяжелое время, говорит историк, люди и звери страдали одинаково. Болезни предшествовали сильная жара и засуха, бедствия и усталость войны, которые значительно усилились из-за толп соотечественников и стад скота, принятых в стенах города, чтобы избежать опустошения и грабежей латинян и герников, которые тогда опустошали страну. Эпидемия сначала охватила лошадей и рогатый скот, затем людей, причем главными жертвами стали бедняки: она началась около календ сентября и свирепствовала до конца ноября. Жертвами болезни стали два консула - Сервилий и Эбутий, а также многие другие известные римляне.

Ливий и Дионисий сообщают, что в 452 году до н. э. почти половина жителей Рима была уничтожена моровой язвой *лоимикиэ*, которая также распространилась на ики, вольсков и

сабинов и вызвала среди них большую смертность. В результате всеобщего бедствия и оцепенения земля осталась невозделанной, и беды голода грозили захлестнуть тех, кто пережил эпидемию. За этой эпидемией последовала другая, более страшная; она продолжалась с 443 по 438 год до н. э. Со временем Рим так часто страдал от повторяющихся эпидемических моров, что Ливий назвал его "urbs assiduis exhausta funeribus".

На втором году Пелопоннесской войны, в 435 году до н. э., эпидемический мор разразился в Афинах, где жители афинской территории теснились в городе, чтобы избежать опустошения лакедемонян: он уничтожил 5000 человек из первой части их армий и огромное количество бедняков, и продолжался без перерыва в течение пяти лет. Он начался ближе к концу открытой весны, после суровой зимы, бушевал четыре последующих лета и осени, был особенно смертелен для их армий при осаде Эпидавра и Потидеи и продолжался всю суровую зиму". Фукидид, Лукреций, Анахарсис, Плутарх и Гиппократ рассказывают о похожей моровой язве, опустошавшей Персию примерно в тот же период. Артаксеркс, царь Персии, послал за великим врачом Коса и Греции, чтобы тот приехал и остановил распространение болезни, но Гиппократ благородно ответил персидскому монарху такими словами, обращаясь к Гистаспу, префекту Геллеспонта: "На посланное тобой послание, которое, как ты утверждаешь, исходит от царя, напиши царю, как я кратко отвечаю: "Мы пользуемся провизией, одеждой, домами и всем необходимым для жизни в изобилии; и я не вправе ни пользоваться богатством персов, ни освобождать варваров от болезней, пока они могут быть врагами Греции. Прощай". Фукидид описывает симптомы болезни бегло, Лукреций - более подробно, и из этих историков мы делаем вывод о следующих болезненных явлениях. Вторжение было внезапным и неожиданным; болезнь началась с сильной головной боли, огненной красноты глаз, сменившейся болями и воспалением горла, затрудненным и неприятным дыханием, чиханием и охриплостью, сильной лихорадкой с неутолимой жаждой: бдительность и бред или ступор, рвота желчью, полное упадок сил и срочный поток кишечника были отмечены на второй стадии болезни. На первой стадии стул был темным и жидким, наблюдались икота, кровотечения из десен, горла, носа, желудка и кишечника, судороги: на теле больных также наблюдались пустулы или язвы синюшного оттенка. Эта желчная чума или мор в Афинах проявляла, из предыдущих рассказов, симптомы, аналогичные симптомам желчной ремиттирующей лихорадки в Америке и Вест-Индии, и, похоже, возникала по схожим причинам.

Историк, рассказывая об этом бедствии, обращает наше внимание на причины моровой язвы. Он говорит: "Поскольку у них не было домов, а весь летний сезон они жили в шалашах, где едва хватало места для дыхания, мор уничтожил их с величайшим смятением, так что они лежали кучами, умирающие на мертвых, а мертвые на умирающих: они валялись друг на друге на общественных улицах или лежали, истекая потом, около каждого фонтана, куда они пробирались, чтобы утолить нестерпимую жажду, которая их снесла. Храмы, которыми они завладели, были полны мертвых тел тех, кто там скончался".

В 427 году до н. э. жестокий мор или чума распространились почти по всему миру. Мариана и другие испанские писатели говорят, что она началась в Египте и, пройдя через все промежуточные страны, достигла Испании: смертность в большинстве мест началась среди скота. Из различных рассказов следует, что сначала от этой напасти пострадали сельские жители, а затем и жители городов. Anno 404 до н. э. Карфаген был почти обезлюжен, как сообщают Юстин и Диодор Сикула. Карфагеняне, отправленные в экспедицию под командованием Гимилько, чтобы подчинить восставшую Сицилию, были уничтожены мором в огромном количестве; он был настолько смертельным, что, по словам одного писателя, Окампо, не спаслись ни майоркинские пращники, ни кельты, ни андалузцы, ни африканцы;

многие падали замертво, как только заражались. Дурная политика, когда их мертвые тела оставляли непогребенными на равнинах, на съедение собакам и т. д., в немалой степени способствовала распространению и распространению эпидемии. Этот мор отличался такими примечательными симптомами, как жестокая дизентерия, сильная лихорадка, острые боли во всех частях тела, страдания и сильная депрессия как ума, так и тела. Подобные бедствия сопровождали экспедиции и длительные кампании в теплом климате в наше время, о чем свидетельствуют наши экспедиции в Египет, Фландрию, Брабант, Вест-Индию и т. д.

В 393 и 383 годах до н. э. армии Галлии и Рима были поражены моровой язвой. В последний год в Андалусии и на южном побережье, от Пиренеев до мыса Сент-Винсент, в течение многих месяцев стояла сильная засуха; наступил сильный голод, сопровождавшийся моровой язвой.

В 366 году до н. э. Рим вновь посетил мор: он свирепствовал в течение трех лет и унес великого Камилла с множеством его людей. Когда болезнь достигла своего апогея, по некоторым данным, ежедневно умирало 10 000 граждан: она ужасно свирепствовала в сентябре, октябре и ноябре, и тщетно прибегали к помощи сивиллиных книг и лектистерний. В довершение бедствий и несчастий земля разверзлась посреди Рима, что привело к трагической и суеверной гибели Марка Курция, который ради спасения города бросился в страшную пропасть, на месте которой вскоре возникло озеро Альба.

Орозий, описывая этот мор, говорит: "Это был такой мор, который обычно происходит от нерегулярных сезонов, сильной засухи, жары весной, влажности летом и осенью"; из этого следует, что нерегулярные сезоны вызывали мор в атмосфере, согласно доктринам Гиппократ, который в те дни диктовал медицину всему миру, и приводили к моровой язве.

Аппо 362 до н. э. Сицилийская война закончилась после смерти Дионисия Великого, и Карфагенская республика послала капитана по имени Бостан в качестве губернатора Майорки, Менорки, Иберии и Форментеры, чтобы он вступил в переговоры с сагунтийцами и переманил их на свою сторону.

Город Сагунтум, ныне называемый Мурвиедро, посетила эпидемия моровой язвы. В городе ощущалась острая нехватка провизии, умирало много людей, даже среди знати. Народ был охвачен горем и унынием, о чем магистраты доложили новому правителю. Можно сделать вывод, что мор свирепствовал с особой жестокостью, поскольку он затронул высшие чины.

В 346 году до н. э. и в 405 году от основания Рима произошли чрезвычайные наводнения, нанешие огромный ущерб скоту, полям и зданиям. Все города вдоль побережья Средиземного моря также страдали от землетрясений; больше всего пострадал Сагунтум, главный город. В 332, 296 и 291 гг. до н. э. Рим снова посетил мор, который был особенно смертелен для племенных женщин и племенного скота. Аналогичное нашествие обрушилось на Рим в 272 году до нашей эры.

Аппо 237 г. до н. э. Стихийные волнения в виде землетрясений, сильная засуха и недостаток пищи привели к большой смертности среди скота и мужчин в Испании, особенно в Кадисе.

Аппо 218 до н. э. Тяготы войны и вынужденные марши карфагенских армий по пути к осаде Сагунтума, а также непоколебимая и храбрая защита, изнурявшая нападавших, (говорит Марианна) вызвали среди них сильный мор. Кроме того, в нескольких провинциях Испании были землетрясения и мор, а также сильные бури на море, выбрасывавшие на сушу

огромное количество рыбы, некоторые из которых были неизвестны до этого случая. Была также смертельная эпизоотия среди собак и птиц.

Аппо 216 до н. э. Летом этого года в окрестностях Карфагена начался смертельный мор. Предполагалось, что эта гнилостная болезнь возникла из-за многолюдности всех мест, из-за множества моряков и солдат, находившихся там в то время, из-за плохой обработки земли, нехватки и плохого качества провизии, а также из-за застойного озера, которое всегда считалось источником болезни. В течение значительного периода болезнь ограничивалась местом ее возникновения, но через некоторое время ею стали болеть и другие провинции. Жертвами этой страшной болезни становились как богатые, так и бедные: пострадали некоторые главные семьи, а среди многочисленных жертв - Гамилька, жена Ганнибала, и их потомство.

В 206 году до н. э. на землях близ Капуи случился сильный мор, которому предшествовали огромные стаи саранчи. Тот же историк Ливий рассказывает, что римский и родосский флоты, стоявшие на якоре в Фазелисе в Памфилийском заливе в разгар лета и находившиеся в неблагоприятной обстановке, страдали от моровой язвы, особенно гребцы, которые подвергались тяжелому труду и воздействию палящих лучей солнца. Он продолжает, что жестокий мор опустошил всю Италию в 182 и 181 годах до н. э. Это продолжалось несколько лет; в течение шести месяцев была сильная засуха и, как следствие, неурожай кукурузы, затем последовали ужасные бури, пагубные сезоны и ужасные волнения стихий, холод, сырость, влажность и сухость, вредные испарения и гнилостные выдохи. За этим необычным сезоном последовал великий мор среди скота и жителей Рима летом и осенью 177 года до н. э. Этот мор продолжался четыре года, с 177 по 173, в течение которых стаи саранчи опустошали Апулию, как в предыдущем году были охвачены Понтийские провинции. Они были настолько разрушительны, что Сицинию претору было поручено с войском прогнать их!

"Pestilentia quæ priore anno ingruerat in boves, eo verteret in hominum morbos; qui inciderant haud facile septimum diem superabant: qui superaverant longinquo, maximæ quartanæ implacabantur, morbo. Servitia maxime moriebantur, eorum strages per omnes vias insepultorum erat. Ne liberorum quidem funeribus subficiebat. Cadavera intacta a canibus ac vulturibus tabes absumebat; satisque constabat, nec illo, nec priore anno in tanta strage boûm hominumque vulturiûm usquam visum." В переводе этого остроумного отрывка говорится о том, что мор, который сначала напал на скот, затем перекинулся на людей - те, кто пережил седьмой день, сделали это с большим трудом и впоследствии были поражены болезнью (или лихорадкой) в форме кватры. Больше всего пострадали бедные и низшие слои населения, их мертвые туши валялись на дорогах, - собаки и стервятники оставляли нетронутыми туши, которые были поглощены тлением, - ни в этом, ни в прошлом году не было видно ни одного стервятника". Из этой наглядной детали мы можем заключить, что сначала нападению подверглись полевые звери, а затем люди; что на седьмой день болезнь переживала своего рода кризис, заканчивавшийся либо смертью, либо хроническим заболеванием, как мы видим в наши дни; т. е. чахоткой, водянкой, болезнями. чахотка, водянка, болезни печени и селезенки, а также агое; - что она была наиболее смертельной среди низших слоев населения, которые обычно больше страдают во времена дефицита и по другим причинам более подвержены болезням, таким как холод, сырые жилища и плохое питание; - что плотоядные животные сами были больны, отказываясь прикасаться к трупам; фактически, зараженные провинции были полностью покинуты стервятниками; - и наконец, что болезнь была похожа на нашу желтую, желчную, ремиттирующую лихорадку по всем ее симптомам, как мы видим, она встречается среди нас в различных местах - Вост-Индии, Америке и т.д.

Орозий рассказывает о другой эпидемии, которая опустошила Рим в 144 году до нашей эры.

В 140 году до христианской эры, когда война Вириафа была завершена, проконсул К. Помпей Руф начал блокаду Нумантии (ныне Алжир). Задумав наполнить воздух мепитическими парами, он решил повернуть русло реки Дору и затопить ее водами всю страну, что должно было не только испортить атмосферу своими влажными выдохами, но и вызвать голод, уничтожив всю растительность. Однако эти попытки оказались бесплодными, так как нумантийцы, будучи крепким и воинственным народом, сопротивлялись последствиям попыток проконсула. Предвидя его намерения, они в изобилии снабжали себя провизией, которую перехватывали у римских легионов; с другой стороны, римские солдаты сами стали жертвами своих мер: среди них разразился мор - злокачественная дизентерия, по тяжести и смертности равная той, что в свое время опустошила армию Лукулла.

После этого периода, примерно в 134 году до н. э., Сципион Эмилиан, прозванный Нумантинским, организовал свою армию и, установив восхитительные правила гигиены и семиотики, благодаря которым он сохранил свою прежнюю силу и здоровье, начал опустошать равнины Нумантии, Вакки и Палестины. Недостаток воды в последнем месте (Палестине) заставил их сделать колодцы для получения питьевой воды, но, к сожалению, полученная вода оказалась такого характера, что вызвала злокачественную эпизоотию, которая уничтожила их лошадей и других домашних животных: мор среди их скота усилился, и они были вынуждены сменить место жительства на равнины Нумантии, чтобы перезимовать там.

Аппо 130 до н. э. Знаменитые нумантинцы, которых так боялись римляне из-за их доблестного сопротивления, были не менее страшны для греков, чем ужасный мор, царивший в Нумантии. Грек Аппиан Александрий говорит о них с восхищением и ужасом. Нумантинцы, до сих пор сопротивлявшиеся испорченному воздуху, в конце концов так истощились из-за нехватки пищи, их запасы были израсходованы, что, продержавшись несколько дней на выделанных шкурах животных, они впали в страшную необходимость стать антропофагами, и от питания телами тех, кто пал, защищая их страну, возникла чума, которая ускорила падение их города.

Аппо 126 до н. э. Эпидемия моровой язвы с большой смертностью царил в Африке. Орозий, Юстин и Ливий, описавшие ее, объясняют этот мор зловонием, исходившим от гнилых трупов мертвой саранчи, которую сильный восточный ветер принес в таком количестве, что она пожирала все зеленое, вплоть до коры деревьев; затем южный ветер загнал ее в Средиземное море, и она, будучи снова вымыта на берег в теплое время года, сгнила и произвела этот ужасный мор, который уничтожил 800 000 человек только в Нумидии. На морском побережье Карфагена погибло 200 000 человек. О таких ужасных визитах насекомых, которые и по сей день существуют на Востоке в определенные сезоны, неся с собой разрушения, лорд Карнарвон дает описание в своей "Истории Португалии и Галлии". Оно передаст довольно хорошее представление об их разрушительности и печальных последствиях. Говоря о природных выставках, свидетелем которых он был в Африке, он пишет следующее: "Падение саранчи - это самое ужасное, что только можно себе представить, самый страшный бич, который в восточных и северных странах считается самым неизменным проявлением Божьего гнева". Путешествуя вдоль западного побережья Африки, я однажды стал свидетелем этого ужасного бедствия. Эти твари тысячами и десятками тысяч падали вокруг нас и на нас вдоль песков, по которым мы ехали, и на море, бившееся у наших ног; однако мы были удалены от их самого гнетущего влияния, потому что

в нескольких сотнях ярдов справа от нас, затмевая воздух, надвигалось огромное бесчисленное воинство, медленно и неуклонно продвигаясь по прямой линии и в мощной движущейся колонне. Падение саранчи из этой центральной колонны было столь велико, что когда корова, находившаяся прямо под линией полета и безуспешно пытавшаяся пастись на поле, приблизила рот к траве, тут же поднялся такой плотный рой, что ее голова на мгновение оказалась почти скрыта из виду, и пока она шла, озадаченная этой страшнее египетской чумы, из-под ее ног поднимались тучи саранчи, видимые даже на расстоянии, как тучи пыли, приводимые в движение ветром в бурный день. На краю поля я увидел земледельцев, склонившихся над своими посохами и с безнадежным видом вззирающих на это воинство смерти, которое, подобно ангелу-разрушителю, пронеслось над землей, обрекая на гибель все перспективы года; ибо где бы ни проносилась эта колонна, под ее увядающим влиянием погибали золотые славы урожая и исчезали листовые почести леса. Стояли эти разоренные люди, молчаливые и неподвижные, потрясенные масштабами своего бедствия и в то же время сознающие свою полную неспособность контролировать его, а дальше, где в непосредственной близости от наступающей колонны лежали леса, горели верески и пылали деревья, что свидетельствовало о всеобщем ужасе перед визитом, который несчастные жители пытались предотвратить столь страшным средством. Они верили, что дым от горящего леса, поднимаясь в воздух, помешает прямому маршу колонны, приведет ее в смятение, выгонит саранчу в море и тем самым избавит страну от ее опустошающего присутствия".

Во время гражданских войн, разжигаемых Силлой и Марием, римские войска потеряли 10 000 человек от чумы в 89 году до нашей эры.

Аппо 60 до н. э. Испания, по мнению нескольких древних и современных писателей, как зарубежных, так и отечественных, была одной из стран, наиболее подверженных страшной болезни проказы. Соваж утверждает, что во Франции не было прокаженных, кроме тех, что приезжали из Испании и Америки. Сенертус утверждает, что в Испании и Африке слоновость (проказа) встречается чаще, чем в любой другой части света. Доктор Касаль придерживается этого мнения, как видно из его "Естественной и медицинской истории княжества Астурия"; и, наконец, академические мемуары Севильи говорят о ее существовании в этих странах, как о причине их общения с арабами и евреями, не отрицая, однако, что на распространенность этой болезни могла повлиять особенность конституции Испании. Так, ее сухая и жгучая температура в значительной степени способствовала распространению этой страшной болезни, особенно в королевстве Андалусия и княжестве Астурия. Предполагается, что употребление свинины и других соленых продуктов, столь часто используемых в качестве диетических блюд в древней Испании, сыграло мощную роль в увековечивании болезни, поскольку мнения Убилиса и других врачей свидетельствуют о том, что эти виды пищи являются мощными генераторами болезни. Первое появление проказы в Испании совпадает с ее занесением в Италию, после того как она была распространена в армии Помпея Великого примерно за шестьдесят лет, более или менее, до пришествия Христа. Сыновья знаменитого полководца отправились с армией своего отца из Италии в Испанию, чтобы остановить вторжение Цезаря, и это, по всей вероятности, стало причиной первого внедрения болезни в эту страну, - по крайней мере, так считают некоторые авторы.

Аппо 49 до н. э. Продолжающиеся проливные дожди и бурные сезоны, подобных которым никогда не видели древнейшие жители, вызвали страшные наводнения на реках Чинка и Сегре. Сразу после этого появились эпидемии чумы, свойственные атмосфере, насыщенной влагой и ядовитыми выдохами. Пастухи были вынуждены уводить свои стада, чтобы спасти их

от воды, что, вместе с возросшими ценами на кукурузу и другие продукты питания среди соседнего населения, умножило несчастья армии Юлия Цезаря, которой пришлось бороться не только с храбростью помпеянцев, но и с испытаниями голода и моровой язвы. Их бедственное положение было бы еще более тяжелым и плачевным, если бы некоторые из соседних племен, недавно ставших их союзниками, не помогли им жизненно необходимыми вещами, которые были отправлены под конвоем 500 илеаонов, племени, занимавшего берега Эбро.

Во времена Марка Антония, 30 г. до н. э., свирепствовал мор такого масштаба, что, кажется, он охватил весь мир. Дион Кассий упоминает об этом море, который продолжался пять лет, уничтожив огромное количество жителей Иерусалима: он также был очень разрушительным в Риме и в Палестине. Прославленный триумvir умер примерно в этот период от моровой язвы, о чем упоминает Нуэстро Алонсо Фрейласский в своей "Истории моров".

Следующий рассказ об эпидемическом море, который мы имеем, приводится у Тацита, который сообщает, что на Востоке, в Малой Азии, через четырнадцать лет после начала христианской эры, свирепствовал мор; примерно в это время произошло сильное землетрясение; также упоминается, что была замечена комета, хвост которой, как говорят, одним махом снес дюжину городов сразу. Другой мор, как сообщает Суетоний, свирепствовал с огромной смертностью в Вавилоне: он заставил множество евреев переселиться в Селевкию. Этот год ознаменовался большим голодом, во исполнение пророчества Агава (Деян. xi. 28). Во время правления Клавдия Цезаря в этот период мор свирепствовал в Греции и Италии.

Плиний и Тацит рассказывают о тех периодах смертности с 40-го по 53-й и 54-й год, когда большинство офицеров Рима умерли от моровой язвы: "ex omnium magistratuum genere plerique mortem obierunt". Именно в 40 году произошло великое извержение Этны, которое отпугнуло Калигулу от Сицилии. Также случился страшный голод, который вместе с мором распространился из Италии почти до Индии. Вавилон был почти обезлюдел примерно в этот период. - В 88 г. н.э. мор унес 30 000 человек из населения Рима. Тацит дает впечатляющий рассказ о разрушительных последствиях этой чумы. Дома были заполнены мертвыми телами, а улицы - похоронами; ни возраст, ни пол, ни состояние не были свободны от нее; рабы и плебеи были внезапно унесены ею среди причитаний их жен и детей, которые также были охвачены болезнью, когда оказывали помощь больным и оплакивали безжизненные тела умерших. Плиний, Орозий и другие авторы описывают этот период эпидемии как чрезвычайно смертоносный. Землетрясения, извержения вулканов, испускающих сернистые пары, наводнения, бури и другие ужасные стихийные бедствия характеризовали этот период на всем обитаемом земном шаре. В июне появилась комета; 1 ноября из кратера Везувия вырвался мощный поток раскаленной лавы, затопивший страну; Геркуланум и Помпеи затонули в одно мгновение: эти города с их жителями были погребены под единой вселенской массой. Гром и молнии пронзали небеса, а пепел и дым от горящего залива, выброшенные в воздух, долетали до Рима, Сирии и Африки, жители которых дрожали от страха, что мир будет уничтожен или превратится в хаос; рыба в соседних морях погибла. Этим бедствиям предшествовала долгая засуха в Италии в течение лета; а осенью 80 г. н. э. в Риме разразился страшный мор, который в течение некоторого времени ежедневно уничтожал 10 000 горожан. Через восемь лет после этого, в 88 году н. э., эпидемический мор появился на севере Англии и продолжался некоторое время; в 92 году он унес 150 000 человек в Шотландии.

Филон, еврейский философ, дает описание "лоймической" эпидемии, которая произошла в том же веке, и хорошо передает способ распространения и обстоятельства, характерные для

оспы. Он говорит: "Облака пыли, внезапно обрушившиеся на людей и скот, произвели на всей коже сильное и трудноизлечимое изъязвление; тело немедленно покрылось эфлоресценциями (ἐξανθήσεις) или гнойными фликтенами, которые выглядели как волдыри, возбужденные тайным огнем внизу. Люди, неизбежно испытывавшие сильную боль и всеобщую болезненность от язв и воспалений (φλοῦσες), страдали не только телом, но и умом от тяжелого недуга, так как сплошная язва наблюдалась с головы до ног". Эти замечания Филона служат комментарием к Исходу, гл. ix, ст. 9: это будет "нарыв, вырывающийся наружу". В завершение он замечает, что это заболевание должно быть причислено к язвенным болезням (ἐν τοῖς λοιμώδεσι νόσοις), или как нанесение вреда испорченной атмосферой (πλήρῃ ἀπ' αἰέρος καὶ οὐρανοῦ). Из отрывка в "Римской истории" Диона Кассия следует, что некий способ прививки был опробован в правление Домициана, 92 г. н. э., и возрожден в правление Коммода.

В 110 году н. э. в Шропшире, в Англии, произошло сильное землетрясение. Через четыре года после этого, в 114 году, аналогичный толчок, но более сильный, произошел в Китае, что привело к уничтожению большого количества имущества и гибели многих людей. В тот же период в Уэльсе свирепствовал мор, который унес 45 000 жителей после жаркого лета и ненастной осени. В те времена часто случались сильные наводнения, особенно на реке Северн: однажды огромное количество людей утонуло в ее русле, когда было уничтожено 5000 голов скота. В 115 году н. э. сильнейшее землетрясение разрушило город Антиохию. Через пять лет после этого, 120 г. н.э., Никомедия и несколько соседних городов были поглощены; а 128 г. н.э. Кесария и Некрополь постигла та же участь от сильного землетрясения.

В 133 г. н. э. в Англии была сильная засуха, и Темза почти высохла. За этим состоянием последовал мор; а через тринадцать лет после этого Шотландию посетила эпидемия, которая сильно погубила ее жителей.

Аравия была опустошена мором в 158 году от Рождества Христова. Болезнь появилась в Риме во времена правления Марка Аврелия Антонина и Луция Вера, ей предшествовала более разрушительная чума в Азии, которая, как утверждал великий Аммиан Марцеллин, герой философии, возникла из-за дурного воздуха из маленького ящика, который открыл римский солдат при взятии Селевкии. Это мнение соответствовало суеверию того времени. В тот период стихии были сильно нарушены: колебания физического мира, разливы рек, волнения земли, опустошения от саранчи, гусениц и всех видов насекомых, голод, гнилостные испарения, большие неполадки и неравномерность времен года предвещали приближение ужасного мора, который в том же году опустошил Рим: его симптомами были жгучая лихорадка и гангрена конечностей, особенно ног. Эти времена также были отмечены войнами и слухами о них: 450 000 римлян были убиты в Сирии и на Кипре иудеями. Четырнадцать городов были разрушены землетрясениями, среди которых была Антиохия со 100 000 жителей: 580 000 человек погибли от меча, голода и моровой язвы.

Аврелий Виктор, говоря об императоре М. Антонине, дает яркое описание тех бедственных времен. Он говорит: "Если бы он не был рожден для этих времен, все дела Римской империи были бы разрушены наверняка, как от одного падения; ибо нигде не было покоя от оружия, и войны пылали по всему Востоку, Иллирику, Италии и Галлии. Движения земли с уничтожением городов, затоплением рек, густыми морами, видами саранчи, населявшими поля; поистине, ничего нельзя сказать или придумать, от чего смертные раньше изнемогали в жесточайших муках, которые не бушевали бы во время его правления".

В 173 году н. э. в Англии была суровая зима и, как следствие, голод; летом следующего года начался мор, который продолжался до осени и последующей зимы. В этом году, а также в 175 и 178 годах Рим посетила эпидемия моровой язвы, которая произвела большие опустошения среди солдат. Через пять лет после этого он снова был поражен болезнью, а в 195 году н. э. чума воцарилась во всей Италии. "Великий мор, - говорит историк, - свирепствовал во всей Италии, а в Риме стал наиболее жестоким из-за большого скопления людей, собравшихся со всех концов света. Император, по совету своих врачей, удалился в Лаурентум, прохладное место, красиво затененное лаврами, полагая, что сладкий запах этих растений противодействует заразе. Жителям города врачи также советовали закладывать нос и уши сладко пахнущими мазями и пользоваться духами, чтобы предотвратить действие человеческих выделений и заразного воздуха. Однако эти меры предосторожности, как и следовало ожидать, оказались малоэффективными: болезнь не прекращалась, и люди и скот продолжали гибнуть от нее целыми толпами. В течение значительного времени в Риме ежедневно умирало пять тысяч человек, а голод с мором продолжались в течение трех лет". (См. Геродиан, Дион Кассий и др.).

В 203 году н. э. произошло извержение Везувия.

В 211 году на Британских островах появилась чума, которой предшествовало землетрясение и большое наводнение на реке Трент. В 218 году н. э. разлилась река Твид, а через четыре года после этого начался страшный мор, уничтоживший 100 000 жизней в Шотландии.

Смертельный мор охватил весь мир в 250 году н.э. Италия, Эфиопия, Египет, Азия, Франция, Испания и различные другие части подверглись огромному опустошению от болезней. "В течение двенадцати лет после этого", - говорит Зосима, - "язвенная лихорадка преследовала скифов и пожирала скудные остатки человеческого рода". "Мор загрязнил лицо земли", - говорит Иорнанд, ученый историк.

В 252 году н. э. Александрия и другие районы пострадали от эпидемического мора, который с большой яростью продолжал опустошать их в течение двенадцати или пятнадцати лет. Этот мор, однако, не был единым заболеванием, а состоял из нескольких различных видов, таких как дизентерия, *ignis sacer*, или цинга, тифомания, возвратные лихорадки и т. д. Согласно Цедрену, в то время наблюдались необычные выдохи и росы, напоминавшие ихор мертвых тел: "Отсюда, - говорит он, - постоянные лоймои с другими тяжелыми и неуправляемыми расстройствами (*βαρέα καὶ ἀνίατα νοσήματα*), которые уничтожали множество людей".

262 г. Н.Э. Во время правления Галлиена ежедневно погибало 5000 граждан Рима. Киприан, епископ Карфагена, человек эрудированный (см. репринт, Fell, fol. Oxon. Amst. 1700), подробно описывая симптомы этой ужасной язвы, пишет: "Симптомами были: упадок духа, истощение сил, непрекращающиеся произвольные опорожнения, жестокая лихорадка кишечника, с разрушением зрения, слуха и чувств". Аврелий Виктор говорит об этой болезни, что она быстро распространилась по всему Риму и возникла от тяжелых забот и душевной депрессии, а также от пагубного состояния атмосферы. Здесь мы можем узнать все ужасные симптомы той разрушительной болезни холеры, которая, начавшись в 1817 году, опустошила четыре четверти земного шара и продолжалась в течение нескольких лет. В этом году в Европе, Азии и Африке произошло несколько землетрясений, сопровождавшихся трехдневной тьмой. В 272 году н. э. произошло очередное извержение Везувия.

292 г. н. э. - мор и голод в Англии и Уэльсе; с большой силой свирепствовал в этих местах и 310 г. н. э., унеся в последнем 40 000 человек.

В 302 г. н.э. эпидемический мор (*loimos*), которому предшествовал голод, разразился в Сирии. Рассказ Георгия Цедрена об этом эпидемическом заболевании схож с рассказом Евсевия; он говорит: "В это время на людей обрушилось почти все зло, которое можно перечислить, - голод, лоймос и засуха, а также несчастье от некоего заболевания; это была язва, название которой объясняется ее родством с огненной сибирской язвой, распространявшейся по всему телу: Она оказалась очень опасной во всех отношениях для больных, но, особенно поражая в большинстве случаев глаза, вызвала слепоту у тысяч мужчин, женщин и детей". Никифор говорит об этой болезни: "Она возникла от голода и называлась сибирской язвой; это была язва, втягивающая или вытягивающая влагу, с невыносимым зловонием, которая, распространяясь по телу, доходила до век (κavθoi) и с силой поражала их, вызывая слепоту как у мужчин, так и у женщин". Далее Евсевий и Цедрен сообщают, что армия Галлиена в Армении была поражена мором, который распространился на все города восточных провинций и даже на деревни и одинокие дома. Большая смертность среди бедняков объяснялась скорее голодом, чем болезнью; они были вынуждены питаться сеном, травой, кореньями и т. д. Богатые люди, однако, не избежали этой напасти, но также были унесены в огромном количестве. Император Диоклетиан, согласно Цедрену, умер от этой болезни: "Он страдал от сильных болей во всем теле, жестокий флогос поражал его внутренности, и его плоть плавилась, как воск. В ходе болезни он полностью ослеп; его горло и язык гноились, так что изо рта выходили черви, и он источал запах, не менее отвратительный, чем запах мертвых тел в могилах". Это заболевание, очевидно, было похоже на оспу.

В 325 году н. э. эпидемический мор, которому предшествовал голод, охватил всю Британию и многие другие части света. В 336, 355, 358, 362, 367, 368 и 375 годах смертельные болезни, сопровождавшиеся голодом и землетрясениями, вновь обрушились на Британские острова. Только в Уэльсе в последнем году от моровой язвы умерло 43 000 человек. Ужасное землетрясение произошло в Македонии, а в Азии и Греции было поглощено 150 городов. Аммиан Марцеллин упоминает о чуме, вспыхнувшей в Амиде, городе Персии, во время его осады Сапором, которую приписали бедствиям войны и разложению непогребенных тел, валявшихся на улицах, равнинах и т. д.

В 361 году н. э. в Италии был страшный голод. Через четыре года после этого, в 365 году, сильные толчки землетрясения, сопровождавшиеся наводнениями вокруг Средиземного моря, нанесли большой ущерб. В июле в Александрии утонуло 50 000 человек. Италия и Сирия страдали от чумы, которая продолжалась до 394 года. Наводнение на Ниле почти разрушило города Александрии и Ливии; дожди, бури и засуха обрушились на Иудею, которую также посетили огромные стаи саранчи. Эти явления сменились жестоким мором. С интервалом в сентябрь и ноябрь произошло несколько землетрясений, которые разрушили многие места в Европе. В 400, 407, 417 и 419 годах мор опустошил Азию, Африку и Европу; сильное землетрясение потрясло Кибир и уничтожило множество деревень в ее окрестностях; в 419 году землетрясение поглотило несколько городов в Палестине. 442 г. н. э., в этом году мор унес огромное количество людей в Англии. 446 г. н. э. 17 сентября в Константинополе произошло сильное землетрясение, сопровождавшееся пожаром, мором и голодом, что привело к большим бедствиям. Стены города с семнадцатью башнями были разрушены. В 458 году н. э., 14 сентября, землетрясение разрушило почти всю Антиохию. Примерно в тот же период мор снова разразился в Англии и в других регионах, как рассказывает Эчард. Греческий церковный историк Никифор и другие авторы утверждают, что она более сильно распространялась в Каппадокии, Галатии и Фригии. Исодор рассказывает, что голод и болезни в Испании в 443 году н. э. были столь велики, что люди с яростью питались друг другом.

С 450 по 467 год в Риме свирепствовал мор; он вновь посетил город в 473 году н.э. За год до этого, в 472 году, 11 ноября, в полдень, произошло извержение Везувия, который выбросил пламя, видимое в Константинополе, заслонил солнце в полдень и опустошил всю Кампанию: на вершинах домов на расстоянии многих миль лежал пепел глубиной в четыре дюйма. В 480 году н. э. в Константинополе произошло сильное землетрясение, продолжавшееся сорок дней и вызвавшее большие разрушения жизни и имущества. Эпидемический мор поразил Шотландию; Азия и Африка почти обезлюдели из-за эпидемических болезней.

В 502 г. н. э. Шотландию посетила эпидемическая болезнь, которая уничтожала людей и зверей. 512 г. н. э., произошло извержение Везувия. В 517 году н. э. Палестина пострадала от моровой язвы, как и жители Уэльса через десять лет после этого, в 527 году. За год до этого, в 526 году, Антиохия с несколькими другими городами была почти разрушена землетрясением; она также пострадала от подобного посещения через два года после этого, в 528 году, когда 4800 ее жителей были похоронены в ее руинах.

В 540 году н. э. в Италии разразился такой страшный голод, что родители были вынуждены есть своих детей. Примерно в тот же период, во время правления Юстиниана, разрушительный мор опустошал большую часть Европы и Азии на протяжении более полувека. Сначала его считали чумой в ее обычной форме, сопровождавшейся опухолью в паху, подмышечных впадинах или за ушами; но с течением времени выяснилось, что он состоит из различных заболеваний, соответствующих по своим основным признакам, согласно описанию Евагрия, "истинной чуме". Эти расстройства состояли из пестилеальной или скарлатинозной ангины и дизентерии, а также оспы и кори. Показано, что эта смертельная эпидемия продолжалась в Азии до 590 года. По подсчетам некоторых авторов, число погибших во время этой эпидемии достигает двух миллионов человек.

ГЛАВА II. С 543 ПО 1330 ГОД Н.Э.

В 543 году н. э. случился страшный голод, во время которого, по словам Прокопия, 50 000 рабочих умерли от голода в узкой области Пиценум, и еще большее число - в южных провинциях. В одном месте поселились семнадцать путешественников; их убили и съели, а двух женщин, замеченных в совершении этого зверского преступления, зарезали. Землетрясения происходили по всему миру. В 544 году дизентерия, продолжавшаяся до 548 года и напоминавшая по тяжести настоящую чуму, произвела большие опустошения во Франции.

В 552 году н. э. в Константинополе произошло сильное землетрясение, причинившее большой ущерб. Через девять лет после этого, в 561 году, аналогичный толчок произошел в Риме, а также в Константинополе. В следующем году стояли такие сильные морозы, что Дунай замерз.

Франция, Германия, Италия и другие страны Европы - фактически весь населенный земной шар - ужасно страдали от моровой язвы в годы правления нашего Господа 565-66, 583, 587, 589-90-91, 596-610: в течение 580 года Антиохию снова потрясло сильное землетрясение. В этот период, в 589 году, в Испании, пишет святой Григорий, епископ Турский, свирепствовал необычный мор, главными симптомами которого были прыщи или гнойники с пузырями в паху: он произвел такой большой хаос, что дома стали похожи на множество могил, а город -

на одно огромное кладбище: предполагалось, что эту болезнь привезли из Марселя на корабле, поскольку она свирепствовала там годом ранее. Святой Григорий в своей "Истории франков" также приводит такие сведения об этом периоде моровой язвы: "В пятый год правления короля Чилдеберта (580 г. н.э.) великие наводнения, бури, землетрясения, град и несколько чудес сменились ужасной чумой; почти все районы Франции были охвачены дизентерией, при которой больные страдали от сильной рвоты, лихорадки, головной боли и мучительных болей в пояснице: то, что они выделяли изо рта, было зеленым или желтоватым". Эта эпидемия была особенно смертельной для младенцев и детей: "*Parvulos adolescentes arripuit letoque subegit: perdidimus dulces et charos nobis infantulos*" и т. д. Король Чилдеберт с трудом оправился, но потерял двух сыновей. Аустригильда, королева Орлеанская, слегла с болезнью; она до последнего сохраняла свирепый и мстительный дух того времени, потребовав от короля Гунтрана обещания предать смерти двух ее врачей, если они не спасут ее; вскоре после ее смерти оба они были зарезаны по приказу короля. Граф д'Ангулем также умер от моровой язвы; труп выглядел черным и обугленным, как будто его положили на угли костра.

Паулюс Диакон описывает лигурийский мор, свирепствовавший в этот период, в 566 году н. э., во времена Нарсеа: "*Cœperunt nasci inguinibus hominum vel in aliis delicatioribus locis glandulæ in modum nucis seu dactyli, quas mox sequebatur febrium intolerabilis æstus, ita in triduo homo extingueretur: sin vero aliquis triduum transegisset, habebat spem vivendi. Erat autem ubique luctus, ubique lacrymæ*" и т. д. В заключение он приводит следующие отрывки: "*Nulla vox in rure, nullus pastorum sibilus, nullæ insidiæ bestiarum in pecudibus, nulla damna in dominos volucris. Sata transgressa metendi tempus, intacta expectabant messorum: vinea amissis foliis, radiantibus uvis, illæsa manebat. Nulla erant vestigia commeantium; nullus cernebatur percussor, et tamen visum oculorum superabant cadavera mortuorum. Pastoralia loca versa fuerunt in sepulturam hominum, et habitacula humana facta fuerunt confugia bestiarum.*"

Прокопий, греческий историк из Кесарии, секретарь Белисария, генерала во время правления Юстиниана, описывает некоторые важные факты этой моровой язвы, которая опустошила весь мир; она длилась четыре месяца в Константинополе, и, когда она была в самом разгаре, предполагается, что в этом городе ежедневно погибало 10 000 человек. Никифор также описывает этот период моровой язвы и отмечает, что "на дверях и снаружи домов, на одежде и на утвари появились небольшие следы; ко всем вещам прилипли какие-то белые корочки особого осадка из воздуха, как сырая плесень на стенах домов и роса на траве".

В 590 году в Риме, во времена папы Пелагия Второго, был распространен ужасно разрушительный мор, а также в Испании. Было замечено, что воздух пропитан неким туманом и едкостью, которые при раздражении вызывали чихание; отсюда обычай приветствовать чихающего человека выражением "*Dominus tecum*" или другим подобным выражением - практика, дошедшая до наших дней. В следующем, 591 году Британия пострадала от сильного моровой язвы, а также Тюрени и провинции Арагон и Виварес. Эта болезнь называлась *inguinaria*, потому что пузыри образовывались, прежде всего, в паху. В 610 году в Мекке свирепствовала оспа.

В 614 году н. э. в Италии свирепствовал эпидемический слоновость, а через три года после этого - эпидемический мор, напоминающий настоящую чуму.

В Сирии, Аравии и т. д. в 639 и 640 годах н. э. свирепствовал сильный мор.

В 654 году н. э. Константинополь был опустошен сильной моровой язвой.

В 664 году от Рождества Христова внезапный мор (*man-syalm*), опустошив южные берега Британии, поразил провинции нортумбрийцев и, распространяясь в течение долгого времени во всех направлениях, уничтожил огромное количество людей. В следующем, 665 году, она достигла Италии, вызвав огромное количество жертв. Фордум (*Scriptores*, xv. vol. iii. page 646) приводит слова греческого историка о том, что в 669 году н. э. по всей Европе царила страшная смертность, которая не обошла стороной и самые отдаленные острова, Великобританию и Ирландию. Англия также сильно пострадала от моровой язвы в 672 году н.э., в этот же период всеобщая болезнь появилась в Сирии и Месопотамии. В 679 году н. э. Англию и Ирландию вновь посетил мор, начавшийся в июле и продолжавшийся до конца сентября. В следующем году от аналогичного опустошения пострадал Рим, а в 683 году н. э. Англия вновь пережила тяжелую эпидемическую болезнь, которая продолжалась три года. В 685 году н. э. Сирия и Ливия были опустошены болезнью. Ирландия пострадала от сильной эпидемии в том же году.

Из необычного фрагмента истории, сохранившегося в записях церкви Майо, мы узнаем, что "*ignis sacer*", или мор, вызванный голодом, был похож на мор "*man-syalm*", который свирепствовал среди британцев после ухода римлян из Британии (664 год).

Согласно записям, два короля Эрина созвали главных священнослужителей и мирян на совет в Теморе в связи с общим голодом, поскольку земли не хватало для поддержания растущего населения. Вожди (*majores populi*) постановили, что духовенство и миряне должны соблюдать пост, чтобы они могли единодушно *просить Бога в молитве удалить каким-нибудь видом моровой язвы обременительные толпы низших людей* и таким образом дать остальным возможность жить более обеспеченно. "*Omnes majores petebant ut nimia multitudo vulgi per infirmitatem aliquam tolleretur, quia numerositas populi erat occasio famis.*" Святой Джеральд и его единомышленники предположили, что умножение плодов земли более соответствует Божественной природе и не является более трудным делом, чем уничтожение ее обитателей. В связи с этим была внесена поправка: "Молить Всевышнего не сокращать число людей до тех пор, пока оно не будет соответствовать обычному количеству кукурузы, а увеличить плоды земли, чтобы они могли удовлетворить потребности людей". Однако вельможи и духовенство во главе со святым Фешиным подавили оппозицию и призвали к моровой язве на низшие слои народа. Согласно летописям, Божий суд немедленно обрушился на нечестивых авторов прошения. Два короля, создавшие съезд вместе со святым Фешином, короли Ольстера и Мюнстера, а также треть знати были перебиты мором - "*Budhe connail*", который одни называли "*pestis flava*", другие - "*infirmitas icteritia*".

В 685 году н.э. произошло извержение Везувия.

В 690 году от Рождества Христова дожди обрушились на Италию: шесть лет спустя, в 696 году, мор воцарился в Константинополе, а в 703 и 713 годах Шотландия также страдала от эпидемий моровой язвы. В 714 году н. э. оспа вызвала огромную смертность в Испании.

В 717 году н. э. в Константинополе от моровой язвы погибло 30 000 человек: она снова появилась в 724 и 729 годах. В 732 году огромное количество людей погибло от моровой язвы в Норвиче в Англии, а также в Сирии.

В 740 году н. э. мир снова посетил страшный мор, который продолжался с разной интенсивностью 260 лет, до 1000 года. В этот период, в 749 году, землетрясение разрушило многие города в Сирии. Среди многих авторов, пишущих на эту тему, Бароний, П. Диакон, Цедрен и Магденбург упоминают об эпидемии моровой язвы, свирепствовавшей в Калабрии, Неаполе и Константинополе; в последнем смертность была настолько велика, что живые не

могли похоронить своих мертвецов: повозки сгрудились в огромную общую выемку земли, а огромное количество людей осталось непогребенными. Шорт упоминает о распространении смертельного мора в Уэльсе в 762 году н. э., который затем охватил всю Англию и продолжался до 771 года. Только в Чичестере, как утверждается, погибло 34 000 человек. Мор свирепствовал во Франции в 779 году н. э. и вторгся в Шотландию в 784 году. Ланцизий и Бартиан в своих "Анналах" рассказывают о возникновении болезни в разных частях света, которая уничтожила огромное количество скота, особенно в Германии, где смертность была велика среди рогатого племени. В апреле 801 года н. э. в Риме обрушился собор Святого Павла; во Франции, Германии и различных частях Италии также произошло сильное землетрясение. Так сильно похолодало в 806 г. н. э., что Рона замерзла: холод был от 18 до 20 градусов по Цельсию ниже нуля. Ланцизий и Бартиан также рассказывают о моровой язве, которая возникла из-за обильных дождей и холодной сырой погоды в 817 и 820 гг. н.э. и распространилась по всем владениям Галлии. От избытка влаги урожай погиб, и наступил голод. Следующая зима была очень суровой: Рейн и Дунай в течение *тридцати дней* оставались сплошным ледяным покровом, а весной начались эпидемии моровой язвы, которые продолжались все лето и осень. Следующая зима, в 822 году, была очень суровой: снег лежал на земле двадцать девять недель и причинял большие разрушения как людям, так и зверям. Летом последовала долгая засуха, а ее следствием стал мор: он был настолько смертоносным, что в 825 году н.э. во Франции и Германии погибли почти все жители.

В 853 году в Шотландии разразилась эпидемия моровой язвы: через два года после этого произошли землетрясения и сильные штормы; а в 856 году н. э. случилось землетрясение и огромное наводнение Тибра, которые сопровождались сильными эпидемиями ангины, ангины и т. д., как записано Барониусом, Муратором, Шортом и Магденбургом. В 859 году н. э. Средиземное море настолько замерзло, что по Адриатическому морю ездили повозки. В 863 году эпидемический мор опустошил Шотландию, а в 874 году мириады кузнечиков или саранчи, огромного размера, с шестью ногами и двумя зубами, твердыми как кремнь, пронеслись по Галлии. Они пожирали все зеленое, а затем были загнаны в Британский канал сильным восточным ветром; их мертвые тела были выброшены на берег, где они разлагались, и поэтому предполагается, что они стали причиной эпидемии моровой язвы, которая уничтожила третью часть морских жителей Галлии. В 883 году голод и мор поразили Италию, а в следующем году в Оксфорде свирепствовал мор, который также порастил скот, уничтожив его огромное количество. Вскоре после этого, когда Альфред Великий только закончил восстановление Лондона, который был сожжен и разрушен датчанами, случилась чума, которая свирепствовала по всей стране в течение трех лет, унеся многих великих людей и государственных министров, а также других людей. Примерно в то же время, 896 г. н. э., в Галлии, Германии, Италии и других местах Европы случился смертельный голод и мор, вызванные неблагоприятным временем года. Через двенадцать лет после этого, в 908 году н. э., наступили такие сильные морозы, что большинство рек в Англии замерзло. В 912 году н. э. большая часть Лондона была вновь уничтожена огнем. В 922 году н. э. в Шотландии распространилась моровая лихорадка, которая привела к смертельному исходу.

В 929 году н. э. наступила суровая зима. Темза замерзала в течение тринадцати недель: последовал страшный голод и болезни; а в 937 году в Англии некоторое время снова свирепствовал мор, вызванный сильной жарой и долгой засухой.

В 940 году н. э. на севере Европы среди скота появился эпидемический мор тяжелого характера, который привел к гибели многих животных. За мором среди скота последовала болезнь среди людей, от которой только в Шотландии погибло 40 000 человек. В 964 году армия императора Оттона была почти полностью уничтожена моровой язвой.

Злокачественная лихорадка или чума царила в Лондоне в 965 году, а в 976 году в Лондоне, а также в Италии случился страшный голод. В 981 году большая смертность царила среди лакедемонян; а через шесть лет после этого, в 987 году, Англия страдала от злокачественных лихорадок, которые уничтожили многих ее жителей, в то время как некий флюс вызвал большую смертность среди скота. В 993 году н. э. произошло извержение Везувия. В 997 году в Англии были смертельные лихорадки и агу, а в 1005 году начался мор в форме настоящей чумы, который продолжался три года в разных частях земного шара, и от него погибло более половины человечества. Тысячи людей умерли от голода в Италии. 1007 г. н. э., очередное извержение Везувия.

Несмотря на большую продолжительность только что отмеченного периода моровой язвы (260 лет), в 1009 г. н. э. на землю обрушились дожди и мор, который начался среди саксов. В 1012, 1019, 1020, 1021 и 1024 годах последовали ужасные сезоны моровой язвы. В 1017 году н. э. в Аквитании в течение трех дней шел дождь цвета крови.

В 1025 году лето было сырым и холодным, и мор свирепствовал в Англии и других частях Европы.

В 1027 году н. э. необычайная судорожная болезнь, которую называли "танцем святого Иоанна или святого Вита" из-за вакхических прыжков, которыми она характеризовалась, и которая придавала заболевшим, исполнявшим дикий танец, кричавшим и пенившимся от ярости, вид одержимых, - впервые проявилась у некоторых людей возле монастырской церкви Кольбиг, недалеко от Бернбурга. Согласно часто повторяемой традиции, восемнадцать крестьян, имена некоторых из которых сохранились до наших дней, накануне Рождества нарушили богослужение, танцую и бранясь на церковном дворе; после этого священник Рупрехт наложил на них проклятие, согласно которому они должны были танцевать и кричать целый год без остановки. Говорят, что это проклятие полностью исполнилось, так что несчастные страдальцы погрузились по колени в землю и все это время оставались без пищи, пока их не освободили благодаря заступничеству двух благочестивых епископов. Говорят, что после этого они погрузились в глубокий сон, который длился *три дня*, и четверо из них умерли, а остальные продолжали всю жизнь страдать от дрожи в конечностях. Это предание, очищенное от прикрас коварных священников, показывает, что болезнь была тем, что мы сейчас называем хореей или пляской святого Вита.

В 1029 и 1031 гг. н. э. эпидемический мор вновь охватил Европу, особенно Англию и Галлию, после того как бурные времена года, нашествие саранчи, метеориты, извержения вулканов, кометы, нестерпимые колебания погоды и голод причинили огромный ущерб.

В 1033 году н. э. в Англии свирепствовал мор, а через два года после этого, в 1035 году, в июне месяце наступили такие сильные холода, что все зерно и фрукты были уничтожены. В следующем году произошло еще одно извержение Везувия. В 1042 году н. э. во время сбора урожая выпал обильный снег; во многих частях Европы в течение всего года шли обильные дожди; море захлестнуло Фландрию, и страшное буйство стихий стало предвестником голода и моровой язвы в Англии, Галлии, Германии и т. д.; скот и люди были уничтожены в равной степени. В следующем, 1043 году, произошло еще одно извержение Везувия, а также одно в 1048 году н.э. В 1063 году н. э. река Темза замерзала в течение четырнадцати недель. В 1064 году от моровой язвы, плеврита, лихорадки и т. д. погибли многие сотни тысяч сарацин, шедших на захват Рима: эта эпидемия моровой язвы продолжалась до 1066 года. В 1067 году н.э. в Испании участились случаи проказы, и Руй Диас де Вильяр впервые основал в Валенсии лазарет для прокаженных, который назывался "Сид Кунпандор". Примерно в этот период страшная чума унесла большую часть жителей Египта и Аравии. В следующем, 1068

году, в Йорке и Дареме (Англия) свирепствовал сильный мор, а ужасная чума опустошила Константинополь. 1075 г. н. э. В этом году был такой сильный холод, что Темза замерзла с ноября по апрель следующего, 1076 г.; за исключением нескольких дней, в течение всего этого периода почти не было оттепели. В 1077 году н. э. Лондон был почти уничтожен пожаром. Примерно в этот период и два года спустя голод, мор и саранча произвели большой хаос в Италии, России, Фландрии и в Англии.

В 1087-88 и 1089 годах в Англии, Галлии и Германии были очень дождливые, холодные лета и экстремальные зимы, когда мор и голод причинили много бед этим странам. Также голод и эпидемии болезней наблюдались в Италии. В последнем, 1089 году, во Франции эпидемически распространилась эризипелас, вызвавшая большую смертность. В 1090 году н. э. по всей Англии произошло страшное землетрясение, за которым последовал большой дефицит фруктов и поздний, непродуктивный урожай. В следующем году в нескольких частях Англии разразилась сильная буря; ветер был юго-западный, особенно в Уинчелском, Глостершир, где был повален шпиль церкви; было много грома и молний; распятие с изображением Богородицы было разбито на куски. 5 октября во время грозы небо на несколько часов заволочло густым туманом. Через несколько дней после этого, 17-го числа, гроза с юго-запада разрушила около 500 домов Лондоне: она сорвала крышу с церкви Боу, а в Олд-Саруме повалила шпиль и многие жилые дома.

В 1093 году н.э. в Сирии произошло огромное наводнение, в результате которого погибло огромное количество жителей и скота, в том числе волов и лошадей. В 1096-97, 1100, 1103-4 и 1105 годах н. э. в нездоровые времена года случались мор и голод; в Англии, Палестине и Голландии шли обильные дожди, случались страшные наводнения, суровые зимы, ненастное лето, переменчивая осень, множество червей (papiliones) и сильные ураганы, в которых от набегов моря утонуло 100 000 человек. Именно в этот период, 1100 г. н. э., были затоплены земли Годвина, графа Кента, которые по сей день называют "песками Гудвина". В 1104 году была замечена комета. Болезнь, которая преобладала в Англии, была эпидемической эризипелатозной лихорадкой, при которой конечности больных были покрыты черными и синюшными пятнами, как карбункулы при чуме. Через два года после этого начались лихорадки, флюсы и т. д., и мор продолжался в различных частях Европы в 1108-9, 1110-11 годах. В 1107 и 1110 годах появилась комета. В 1113 году н. э. вода в реке Медуэй так сильно упала, что самые маленькие лодки не могли плавать по ее руслу. Темза в тот же период была настолько низка между Тауэром и Лондонским мостом, что женщины и дети переходили ее вброд. Из-за сильного отлива океана пески на несколько миль от берега были обнажены на целый день: мор опустошил Иудею. В 1116 году н. э. в декабре в разных частях Англии, особенно в Шропшире, произошли сильные землетрясения. За два года до этого, в 1114 году, в Англии несколько мостов, построенных из дерева, были разрушены льдом, когда он оттаял после сильных морозов.

С 1120 года начался период эпидемии, равный по интенсивности и разрушительности периоду между 740 и 1000 годами (период в 260 лет), которому предшествовали голод, мор и т. д., и продолжавший опустошать различные части земного шара до 1392 года (272 года), краткое описание которого, взятое из хроник, покажет его масштабы и смертность.

С 1120 по 1125 год н. э. в Англии свирепствовала эпидемия эризипеласы с огромной смертностью, и было подсчитано, что от нее в те годы погибла треть населения. В 1126-27 и 1128 годах н. э. в Англии снова свирепствовал разрушительный мор. В 1130 году н. э. в сентябре в Шропшире произошло сильное землетрясение. В 1133 году н. э. По замерзла от

Кремоны до моря, а в следующем, 1134 году, произошло землетрясение, когда король Генрих собирался отплыть в Нормандию, когда из некоторых разломов земли с огромной силой вырвалось пламя огня. 2 августа произошло извержение Везувия, 1136 г. н. э., а в следующем году сильное землетрясение поглотило город Катанию с более чем 15 000 жителей. В Англии снова случился страшный мор, продолжавшийся двенадцать лет, с 1133 по 1146 год; к страданиям жителей добавился голод, и много скота было уничтожено из-за болезни и недостатка кормов.

С 1150 по 1169 год стояли суровые зимы и засушливое лето; часто случались наводнения и землетрясения; голод и мор охватили весь мир, особенно Шотландию, Ирландию, Италию, Галлию, Сицилию, Иудею, Азию и Африку. В 1164 году н. э. произошло большое наводнение во Фрисландии, которое охватило почти всю страну и уничтожило огромное количество жителей. 1167 г. н. э. Дворец Генриха II в Дублине, в котором он провел свое Рождество, был построен из плетня, с соломенной крышей, а боковые стенки - из глины. 1172 г. н. э. В Англии была большая смертность от дизентерии, а через два года после этого были сильно распространены оспа, корь, эпидемический катар, скарлатина, хандра и плеврит; подобные болезни свирепствовали и в других частях света с 1175 по 1193 год. В 1179 году, около Рождества, в местечке под названием Оксен-холл, недалеко от Дарлингтона, в епископстве Дарем, земля поднялась, как высокая башня, и так оставалась несколько часов, как вдруг она снова опустилась вниз с ужасным шумом и образовала глубокую яму, которая продолжается до сих пор: предполагается, что колодцы, которые сейчас называют Адскими котлами, образовались в результате этой природной судороги. В 1183 г. н. э. и в последующие годы сильный мор поразил Англию, а в Риме свирепствовала чума. В 1185 году землетрясение разрушило церковь в Линкольне; в то же время от толчков пострадали и другие места по соседству. Кастилия, и в первую очередь город Леон, пострадали от жесточайшей чумы, которая не щадила ни пол, ни сословие, посещая как дворцы, так и лачуги бедняков. Многие епископы были унесены с собой.

1190 ГОД Н.Э. Старый летописец Джеффри де Винсоф описывает ужасный голод и мор, случившиеся в 1190 году "в армии крестоносцев при осаде Акры из-за злодейства маркиза Монферрата, губернатора Тира, который не только отказывался снабжать солдат продовольствием, но и не позволял горожанам посылать им провизию". Голод и нехватка были столь велики, что "умеренная мера пшеницы, которую человек мог нести под мышкой, продавалась за 100 ауреев, курица - за двенадцать солей, а яйцо - за шесть динаров. Люди были вынуждены питаться своими лошадьми, которых заставляли убивать, не отказываясь даже от внутренностей. Люди высокого ранга и сыновья великих людей питались даже травой, а травы, которые они раньше презирали и считали непригодными для употребления человеком, из-за сильного голода стали самыми приятными для голодающих. У общественных печей постоянно шла борьба за хлеб, а знатные люди, страдая от голода, становились ворами и крали буханки из лавок пекарей". К их несчастьям добавились проливные дожди, и среди них разразился мор, такой, что ежедневно умирало по тысяче человек. Де Винсоф говорит: "Необычные ливни, которые шли постоянно и непрерывно, так пагубно влияли на солдат, что от избытка болезни их конечности распухли, все тело было поражено, как при водянке, а от жестокости болезни у некоторых из них расшатались и выпали зубы". Но лишь немногие из заболевших выздоровели. Каждый раздел этого старинного труда, описывающий этот мор, заканчивается яростным проклятием маркизу за его дезертирство и вероломство.

В 1193 и 1194 годах в Италии был голод, а в Англии свирепствовал мор, продолжавшийся до 1196 года. "Простой народ погибал во всех кварталах от недостатка пищи, а затем

последовал жесточайший мор в виде острой лихорадки, которая уничтожила такое количество людей, что почти никого не осталось для прислуживания больным; обычные похоронные службы прекратились, и во многих местах были сделаны большие рвы, в которые бросали мертвых. В 1196 г. в княжестве Каталония был сильный голод и чума, а в 1199 г. в Кордове свирепствовала эпидемическая лихорадка, во время которой, по наблюдениям знаменитого врача Аверроэса, каждый больной, которому пускали кровь перед очищением, неизменно умирал" (Chron. W. Humford, vol. ii. p. 546-7).

Англия вновь сильно пострадала от эпидемического мора в 1200 году, а также в следующем году. В 1205 году н. э. в Англии с 14 января по 22 марта стояли сильные морозы.

В 1206 году н. э., в последний день февраля, произошло затмение солнца, которое продолжалось шесть часов - темнота была такой же кромешной, как в полночь. За этим явлением последовали обильные и продолжительные дожди, наводнения и сильные эпидемии моровой язвы в Испании.

Годы 1210-1213, 1217, 1218 и 1220 были отмечены обычными сезонами, за исключением Испании, Италии и Фрисландии. В первом случае, в Испании, в 1217 году, засуха была настолько сильной, что не только уничтожила урожай, но и пастбища выглядели как выжженные; следствием этого стал голод, сопровождавшийся болезнями людей и скота. Говорят, что в Италии чума оставила в живых едва ли десятую часть жителей, а в Дамiette, как утверждают, из 70 000 человек в живых осталось только три. В 1218 году во Фрисландии произошло наводнение, которое уничтожило скот, дома и многих людей. В 1221 году чрезмерные дожди, наводнения, морозы и сильная жара вызвали голод и мор, которые почти опустошили всю Европу; в некоторых странах живые изнемогали, хороня мертвых, а в некоторых городах едва ли кто уцелел после страшных разрушений.

В 1222 году в Англии была сильная гроза с молнией, которая разрушила несколько церквей; лето было очень сухим; мороз и глубокий снег в апреле уничтожили цветение фруктов; осенью страну заливали дожди и пронизывали бурные ветры; чума свирепствовала с неудержимой яростью в Германии, Венгрии, Галлии, Египте и других странах; животные также страдали от болезней. Зима 1225 года была суровой, последовавшей за великой засухой. В 1224 году наступило засушливое время, и среди овец наблюдался большой падеж.

В 1228 году обильные дожди, за которыми последовало жаркое лето, а затем суровая зима вызвали смертельные болезни, а наводнение во Фрисландии уничтожило 100 000 человек.

Наводнение на Тибре, случившееся в 1230 году, утопило весь нижний город Рима, река поднялась даже до ступеней церкви Святого Петра: Июль и август, последовавшие за , были очень жаркими; начался голод, а затем мор, который продолжался до 1235 г. н.э. Англия также страдала от моровой язвы, которая уничтожала население; предполагается, что в тот год только в Лондоне от голода умерло 20 000 человек. Примерно в этот период проказа стала настолько распространенной в Англии, что о ней было принято несколько законодательных актов.

В 1230 году, когда король Дон Хайм захватил остров Майорка, страшный и смертоносный мор распространился не только среди бедных и несчастных, но и среди высших сословий; всего за один месяц умерло несколько дворян и лиц из первых семей Арагона и Каталонии. Опустошение, которое вызвал этот страшный мор, было таково, что почти обезлюдил остров, и вынудило короля послать галеры в Каталонию в поисках колонистов; он отдал приказ дону Педро Корнелю за 100 000 реалов привезти из Арагона 150 дворян, кабальеро

или дворян. Этот мор усилился вместе с другой, не менее смертельной болезнью, а именно "священным персидским огнем или огнем святого Антония", так что этот великий монарх, заботясь о безопасности своего народа, учредил на острове своим мандатом от 13 сентября того же года госпиталь святого Антония для приема и лечения всех страдающих от столь ужасного недуга, как это следует из истории королевства Майорка, написанной летописцем или историком доном Винсенте Мутон. В подражание этому учреждению и тому, что было основано в Кастро-Ксересе в 1214 году, для тех же целей были возведены другие больницы в Мадриде, Сарагосе и в других провинциях королевства. Через двадцать три года после этого в городе Севилья был основан еще один госпиталь, названный в честь святого Лазаря, подобный тому, что был построен в городе Валенсия в 1067 году. В "Анналах Севильи", написанных Зуритой и доном Алонсо Мельгадо, говорится, что этот госпиталь был основан королем Алонсо Мудрым. Примерно в это же время, в 1230 году, Данию, Италию и Галлию посетила сильная эпидемическая моровая язва, как и различные другие части Европы; она продолжалась до 1236 года.

В 1233 году н. э. в течение тринадцати дней гремел гром и светало, шли проливные дожди, которые уничтожили всю растительность в Англии, следствием чего стали голод и болезни. В это время большинство домов в Лондоне были построены из дерева и плетня и крыты соломой; окна были без стекол, не было ни дымоходов, ни дощатых полов; для королевской постели использовалась обычная солома. Средиземное море замерзло; груженные повозки также пересекали Адриатику перед Венецией. В 1234 г. н. э. и в следующем, 1235 г., Темза в Вестминстере поднялась так высоко, что адвокатов и других членов суда вывозили из зала в лодках. В 1237 году н. э. вспыхнула танцевальная болезнь, подобная той, что была распространена в 1027 году в Кольбиге. 1027 г. в Кольбиге, вспыхнула среди 100 детей в Эрфурте; говорят, что их внезапно охватил этот необычный недуг, и они пошли, танцуя и прыгая, по дороге в Армштадт; когда они прибыли туда, то упали без сил на землю, и, согласно рассказу старой хроники, многие из них умерли, после того как их забрали домой родители, а остальные до конца своих дней страдали от постоянного тремора. Годы 1238 и 1239 также были разрушительными в Европе.

В 1240 году н. э. на побережье Англии погибла рыба; наступили ненастные времена, и в разных частях страны появился мор. Через два года после этого, в 1242 году н. э., из-за обильных дождей река Темза вздулась и затопила местность вокруг Ламбета со стороны Суррея. Следующий год был отмечен появлением метеоров и засухой; в разных частях Англии свирепствовал смертельный мор. В 1247 году н. э. в Англии снова случился мор; он разразился в сентябре. 1249 г. н.э. землетрясение обрушило собор Святого Михаила на холме без Гластонбери; сильный толчок был также примерно в тот же период в Сомерсетшире.

В том же 1249 году страшный мор опустошил армию Людовика Крестоносца, вызванный, по словам историка Жоанвиля, разложением мертвых тел тех, кто был убит в двух великих сражениях, произошедших за несколько дней до этого. Сарацины сбросили их в реку, а когда они поплыли, то были задержаны низким мостом, который служил средством сообщения между двумя дивизиями французских войск. Река была завалена ими от берега до берега, так что воды не было видно на расстоянии хорошего броска камня от моста вверх. Благочестивый король приказал вытащить тела христиан из реки и похоронить их в глубоких могилах; тела сарацинов были задвинуты под арку моста и поплыли вниз к морю. Это происходило во время Великого поста, и все это время, будучи обязанными по своему вероисповеданию питаться рыбой, солдаты не могли получить ничего другого, кроме угрей - прожорливых рыб, которые питались мертвыми телами. По словам Жоанвиля, вспыхнувшая

среди них болезнь иссушила плоть на ногах до костей, а кожа стала черной от загара, как земля, или как старый сапог, долго пролежавший за сундуком (очевидно, разновидность сухой гангрены). Вдобавок к этому жалкому расстройству у тех, кто страдал от него, была еще одна болячка во рту, вызванная поеданием такой рыбы, которая разлагала десны и вызывала зловонное дыхание: очень немногие избежали смерти, подвергшись такому нападению; а самым верным симптомом того, что болезнь смертельна, было кровотечение из носа; когда оно происходило, никто не выздоравливал. К их страданиям вскоре добавился голод, поскольку врагу удалось так заблокировать их, что лодки с провизией не могли добраться до них. Беспорядок в армии настолько усилился, что цирюльники были вынуждены отрезать очень большие куски плоти от десен, чтобы их пациенты могли есть. Смертность была очень велика, но какое количество людей погибло таким образом, Жоанвиль не упоминает.

В 1250 году лето было дождливым и бурным, а за ним последовала суровая зима. Старый город Уинчелси был поглощен морем, а в Сент-Олбансе произошло землетрясение, причинившее большой ущерб. Лето 1251 года было нестерпимо жарким; в Италии свирепствовал голод, а эпидемический мор охватил всю Англию и сопровождался большой смертностью; случилась гроза, во время которой в Виндзоре обрушился дымоход палаты, где лежала королева с детьми, и вся квартира сильно затряслась; большие дубы в парке были вырваны с корнем: молнии были столь ужасны, что превосходили все, что случалось на памяти людей. В 1252 году н. э. поздние весенние заморозки, сменившиеся засухой, уничтожили растительность; в июле прошли проливные дожди; в Михайлов день чума начала свирепствовать в Лондоне и охватила всю Англию, продолжаясь до августа следующего года, представляя собой пример того, как эта болезнь началась осенью, продолжалась всю зиму и закончилась летом. Зима 1254 года была очень холодной; среди овец появился рожь, а среди лошадей - смертельная болезнь под названием "злой язык".

В 1255-56 и 1258 годах приливы и отливы поднимались необычайно высоко; в 1256 году наблюдалась комета; реки вздулись от чрезмерных дождей, бури сравнивали с землей здания, лето было влажным, урожай не удался из-за разрушительной силы стихий, а засуха, голод и мор произвели большой хаос среди жителей Англии; только в Лондоне от голода погибло 15 000 человек. "Осенние наводнения, - говорит М'Куллох, - уничтожили урожай; смертельные лихорадки преобладали, в основном летом, во время собачьих дней, когда только на одно кладбище Святого Эдуарда было перенесено 2000 тел". Длительные засухи сменяли друг друга, и смертность продолжалась до 1257 года. В 1264 году н. э. в Англии из-за смерча погибло много скота, особенно лошадей, а в 1266 году рои пальмерных червей уничтожили всю растительность в Шотландии. В 1269 году было много сезонов; мор уничтожил крестоносцев во время их похода в Святую землю, а французский король и его сын погибли от него. В 1274 году н. э. среди овец вспыхнула страшная гниль, которая продолжалась двадцать пять или двадцать восемь лет и уничтожила почти всех овец в Англии. С 1277 по 1340 год подобные сезоны, наводнения, голод и мор царили в разное время и в разных местах среди жителей Британии, Италии, Польши, Дании, Пруссии, Зеландии, Египта, Германии, Богемии, Испании и т. д.

1278 ГОД НАШЕЙ ЭРЫ. В июне этого года на Мозельском мосту в Утрехте снова случилась мания танцев: 200 фанатиков начали танцевать и не прекращали, пока мимо не прошел священник, который нес причастие больному человеку, после чего, как бы в наказание за их преступление, мост просел, и все они утонули.

В 1283 году н. э. король Франции Филипп вторгся в Испанию с армией, состоявшей из 200 000 пехоты и 8600 кавалерии; в Героне эта армия пострадала от моровой язвы, 4000 человек были унесены ею. Бесчисленные рои мух, которые, как говорят, были размером с желудь,

нападали как на людей, так и на лошадей, многие из которых погибли от их яда. Этот сезон моровой язвы приписывали чуду, сотворенному святым Нарциссом.

Согласно ветеринарным врачам Мартину Аррендондо и Фернандо Кальво, во введении к комментариям знаменитого Франсиско де ла Рейна упоминается эпизоотия большой тяжести, случившаяся в одном из городов королевства Севилья в 1301 году н. э., от которой погибло более 1000 лошадей. Вышеупомянутые авторы черпают свои сведения из параграфа Лауренциска Расиуса в его труде под названием "Гиппиатрия или марескалия", в котором, говоря о болезнях лошадей, он пишет: "Dicta autem infirmitas (febris) epidemialis est, et ex ipsa anno CCCI. fuerunt in urbe mortui plusquam mille".

В 1285 году н. э. в разных частях Англии разразилась сильная гроза: когда король и королева беседовали в своей опочивальне, мимо них пронеслась молния, не причинив им вреда; но она ударила и убила двух их слуг, находившихся в передней комнате. Именно в этот период после пятидесятилетних трудов в Лондон была проведена вода по свинцовым трубам. В разных частях королевства свирепствовала дизентерия, а также эпидемия, напоминающая современный грипп, осложненная симптомами тифа, которая продолжалась более десяти лет. В 1299 году н. э. была замечена комета. Времена года в течение трех лет были негостеприимными; тяжелые катары с флюсами охватили Англию.

1302 г. н. э. В Испании наступила великая засуха, подобная тем, что случались в течение многих веков; последовал голод, а затем мор свирепствовал с большой жестокостью, унося тысячи людей в разных частях страны.

В 1307-8, 1309 и 1310 годах н. э. наступили неурожайные сезоны, следствием которых стал голод, особенно в Англии, Ирландии и Шотландии, с большой смертностью в последней стране. Примерно в этот период в Англии впервые начали использовать уголь. Различные районы Лондона, как показывает Стоу, находились в грязном состоянии, что, наряду с образом жизни и отвратительными привычками жителей, давало достаточно поводов для вспышек моровой язвы. Канава Флит была "такой ширины и глубины", как говорит Стоу, "что десять или двенадцать кораблей флота одновременно с товарами приходили на мост Флит; в течение некоторого времени этот канал был заброшен и стал невыносимой помехой в различных отношениях". Только в 1733 году он был переброшен через арку, когда на нем был построен Флит-маркет. Поуп осуждает грязное состояние Флитского рва в следующих строках своей "Дунсиады":.

"К Брайдвелу все спускаются

(Как утренняя молитва и флагелляция заканчиваются)

Туда, где Флитский ров, с вытекающими ручьями,

Перевозит в Темзу большую дань мертвых собак,

Король дамб, лучше которого нет шлюза.

С более глубоким сободем запятнает серебряный поток:

"Сюда, дети мои! Сюда немедленно прыгайте,

Здесь докажи, кто лучше всех может мчаться сквозь толщу и грязь;

И кто больше всех в любви к грязи преуспел.

Или в темной ловкости нащупывания;

Кто больше всех бросает грязи и широко загрязняет

Поток, пусть еженедельные журналы будут его;

Свинья из свинца тому, кто лучше всех ныряет;

А остальным - по куску угля".

1316 г. н. э. В Англии свирепствовала особая болезнь - лихорадка с тяжелой дизентерией, которая по интенсивности и смертности не уступала настоящей чуме: в то же время ощущалась нехватка, доходящая до голода, пшеница продавалась по 45 с. за четверть, что в те дни равнялось 30 фунтам стерлингов на наши деньги. В 1327 году н. э. была замечена комета; в следующем году 14 ноября произошло землетрясение, самое сильное из всех, когда-либо происходивших в Англии.

1330 г. н. э. Погода в Англии была настолько бурной, а дожди шли так обильно, что сбор урожая не начинался до Михаэля. Налетевший с запада ураган опрокинул несколько домов и нанес большой ущерб, вырвав с корнем огромные лесные деревья. Через пять лет после этого, в 1335 году, в Англии разразился страшный голод, сменившийся мором и сопровождавшийся большой смертностью.

ГЛАВА III. С 1333 ПО 1418 ГОД Н.Э.

Продолжая летопись предшествующих эпох, мы должны теперь записать ряд могучих революций в организме Земли, сопровождавшихся всеобщими и ужасными волнениями стихий.

"Землетрясения, мучительные муки природы,
часто сотрясают изумленные острова; Solfaterre

Или посылает густые, синие, удушливые потоки,
или вспыхивает временным пламенем. Грохот

Дикий грохот в трепещущих скалистых пещерах гор,
подобно ужасному грохоту падающих планет.

Когда дрожат столбы земного шара,
Как высокое какао, обдуваемое свирепым северным ветром,
Смогут ли бедные хрупкие жилища человека

Выдержать страшную конвульсию? Их дорогие дома
(Которые, трясясь, шатаясь, рушась, ломаясь, падают)

Самые смелые бегут; и на открытой равнине
В ужасе, в агонии ждут момента.

Когда, с разрушением огромным, волнующаяся земля

Захлестнет их в своем чреве, поглощающем море.

Не менее испуганы и звероподобные:

Смелый конь дрожит в каждой жилке,

И шатается, обливаясь потом;

Стада пастухов оставляют свою травянистую пищу,

И издают испуганные, тоскливые, полые звуки;

Собака, твой верный ночной страж,

покидает свой пост и жалобно воет.

Широкий океан чувствует

Горные волны, переходя свои обычные границы,

Грозно, громко вторгаются на сушу,

Всепоглощающие: внезапно они отступают,

со всеми своими беспокойными водами; но вскоре

Внезапно возвращаются, с еще большей силой.

Черные скалы белеют, возмущенные берега гудят;

И еще быстрее, еще дальше они удаляются.

Огромные вспышки озаряют все небо

объемным пламенем; а голос грома

Из святилища своего, ночью и ужасом объятых,

Поражает виновных и ужасает добрых".

Великие события, о которых мы говорим, начались в 1333 году сначала в Китае. Здесь изнуряющая засуха, сменившаяся голодом, опустошила территорию страны, омываемую реками Кiang и Хоай. Примерно в этот период в Кинсae и его окрестностях обрушились потоки дождя, уничтожившие, как утверждают, более 400 000 человек. Гора Цинчеу, падая, образовала огромные пропасти в земле. Примерно в это же время, согласно дневнику Рамона Вилы, в Барселоне случились страшный голод и мор, которые за очень короткое время унесли 10 000 человек.

В следующем, 1334 году, в окрестностях Кантона произошло наводнение. Вскоре после этого в Тче, после беспрецедентной засухи, начался мор, который унес 500 000 человеческих жизней. Геккер наглядно описывает беспрецедентные и всеобщие волнения этого периода. Вблизи Кингсая произошло землетрясение, а после обвала гор Ки-минг-Чан образовалось озеро, более ста лиг в окружности, где нашли свою могилу тысячи людей. В Хоукуанге и Хо-нане в течение пяти месяцев царил голод, и бесчисленные стаи саранчи уничтожали растительность; голод и мор, как это обычно бывает, следовали за ними по пятам. Примечательно, что одновременно с засухой и повторными наводнениями в Китае в 1336

году на севере Франции наблюдалось множество необычных атмосферных явлений, а в зимнее время - частые грозы; и уже в богатом событиями 1333 году произошло извержение Этны. Согласно китайским летописям, в 1337 году в окрестностях Кيانга от голода погибло 4 000 000 человек; ливни, стаи саранчи и землетрясение, продолжавшееся шесть дней, вызвали невероятное опустошение.

В этот год, 776-й от Эджеры, или 1334-й от христианской эры, Мохамед Бен Абдалла Бен Альхатриб, уроженец города Гранада, будучи врачом и членом прославленной семьи, сведущим во всех видах космографии, приобрел значительный авторитет и важность среди многих мавританских королей Гранады; Но к концу его ценной жизни судьба сложилась неблагоприятно, так как, будучи обвиненным в измене во время правления Эбн Алахмоза, он был брошен в тюрьму и вскоре после этого умер, оставив после себя, среди прочих трудов по медицине и ветеринарному искусству, один о способе предотвращения чумы, который цитируется Казери в его "Biblioteca Árábigo Hispana Escorialense", tom. ii. pp. 71 и 72.

В 1338 году н. э. в Кингсае произошло землетрясение продолжительностью десять дней; в это же время Франция пострадала от неурожая. С этого периода и до 1342 года в Китае происходила череда наводнений, землетрясений и голода. Казалось, что повсюду на вершинах гор бьют родники, а засушливые районы затопляются необъяснимым образом. Большие наводнения происходили также в окрестностях Рейна, во Франции и т. д. В следующем, 1343 году, в Китае обрушилась гора Хонг-тчанг, а через три месяца после этого в Пьен-тчеу и Леанг-тчеу начались дожди и неслыханные наводнения, которые разрушили семь городов:

"Башни, храмы, дворцы

Сброшенные с глубоких фундаментов; крыша на крыше

Раздавлены ужасно, и груды на груды опрокинута,

Падение полное!"

В Египте и Сирии происходили сильные землетрясения, а в Китае они становились с этого времени все более частыми, так как в 1344 году они повторились в Вен-чеу, где море разлилось. Страшное землетрясение произошло в Лиссабоне, где огромное количество жителей погибло от обрушения зданий. В 1345 году н. э. в Ки-тчеу, а также в оба последующих года в Кантоне происходили сильные потрясения, особенно подземные громы. Между тем наводнения и голод опустошали различные районы вплоть до 1347 года, когда ярость стихии в Китае утихла.

Пока свирепствовал мор, от него страдали Китай, Сирия, Греция, Египет, Азия и Африка, 1346 год н. э.; а в следующем, 1347 году, мор, подобный тому, который впоследствии совершил такие опустошения на юге Галлии, Испании и Англии (1348), свирепствовал в Италии и Сицилии.

1345. Гвидо де Гальяко сообщает, что в Испании в марте месяце разразился мор, который, как он утверждает, распространился по всему миру, оставив в живых едва ли четвертую часть человеческой расы. Андрес Лагуна, Мартинес де Лейва, Дуарте Нуньес и другие медицинские писатели с ужасом и изумлением рассказывают об этой страшной чуме, которая, по их словам, продолжалась пять лет.

Абу Гиафар Ахмед Эбн Али Эбн Хатемар, уроженец города Альмерия и один из арабских врачей, который, по словам Казири, был сведущ в истории великих моров, от которых страдал почти весь мир в годы Эгиры 748, 749 и 750, или в христианскую эпоху 1347-48 и 1349, приводит следующий отрывок: "Сначала мор вспыхнул в Африке, откуда распространился по всем частям Египта и Азии и, наконец, напал на Италию, Францию и Испанию; но в городе Альмерия, где он свирепствовал с большой злобой, он продолжался почти одиннадцать месяцев, а именно с начала месяца Рабиу, первого месяца года Эгиры 749, христианской эпохи 1348, до начала следующего года". Труд, содержащий описание этого мора, состоит из десяти глав и называется "Morbi in posterum vitandi Descriptio et Remedia". Дон Мигель Касири упоминает о нем в своем Кодексе 1780 года.

Абу Абдалла Мохамед Бен Альхатриб, уроженец Гранады и брат другого Альхатриба, также написал работу о причинах и лечении моровой язвы, поразившей город Гранаду в год Эгиры 749 и Господа нашего 1348, под названием "Quæsitæ de morbo horribili perutilia"; Казири также ссылается на эту работу в своем Кодексе.

Вилланиус, историк Флоренции, рассказывает о моровой язве, начавшейся в 1346 г. н. э. в Верхней Азии: впервые появилась в Катае; она возникла от мерзко пахнущего пара, предположительно исходившего от некоего огненного тела, которое либо падало вниз из атмосферы, либо извергалось из земли. Этот пар, подобно огню, сжигал все, что стояло на его пути, - животных, лошадей, деревья и т. д., на протяжении пятнадцати дней пути по всей округе; в то же время из атмосферы на землю падали самые мерзкие маленькие зверьки, снабженные ногами и хвостами, а также черви и мелкие змеи в бесчисленном множестве; зловоние и гниение от них заражали сам воздух и все прилегающие области. Возникшая от них моровая язва распространилась по всему миру, опустошив всю Азию, а затем Египет, Грецию и Италию; оттуда она перекинулась во Францию, Испанию и Англию, а в конце концов и в Германию. В одной только Флоренции, говорит Вилланий, погибло 60 000 человек, но святой Антоний считает, что их было 100 000. Примерно в этот период, или в начале 1347 года, преобладал эпидемический мор, в виде плевритов, хинин и пятнистых лихорадок, которые в конце концов закончились настоящей восточной чумой, с бубонами и карбункулами: сообщалось, что в Лондоне за одну неделю было унесено 50 000 человек, и почти столько же умерло в Норвиче. Примерно в этот же период 100 000 человек погибли от моровой язвы в Венеции: Любек потерял 90 000, а в королевстве Испания число умерших от подобной болезни исчислялось 200 000. Этот мор продолжался во многих регионах в течение следующего года.

В начале 1348 года мор повсеместно распространился по Европе и в других частях света; он начался в Сирии, распространился по берегам Понтийского моря, Греции и Иллирии, перешел в Италию и Сицилию, а затем на остров Майорка: по словам Зуриты, он почти обезлюдел менее чем за месяц, унеся с собой более 5000 человек. В том же году, продолжает Зурита, всеобщий мор распространился с Востока до самых границ Запада, охватив королевство Валенсия и княжества Каталонии. В июне она вспыхнула в городе Валенсия, и ее жестокость была такова, особенно в приморских районах, что, как уже было замечено, едва ли какая-нибудь часть Европы избежала ее, - люди умирали внезапно; из Италии она перешла в Сицилию, Сардинию и далее на Майорку. Так велика была смертность в Барселоне, что в июне, во время обычной ежегодной торжественной процессии, на которой присутствовало множество священников и т. д. из Сцио, умерли тысячи людей, и среди них четыре магистрата и почти весь Совет Съенто. В этот период, говорит другой автор, в Европе проявились признаки земных волнений.

Во время правления Эдуарда III в Англии шли дожди с середины лета до Рождества, когда начался период эпидемии. Болезнь, названная "Sorte Diod", - черный мор, или смерть, - причиняла самые ужасающие разрушения; в основном страдали легкие. Фракасториус в своем труде "Сифилис" описывает эту болезнь. Перевод звучит следующим образом:

"Сто лет, дважды сказанные, улетели.

С тех пор как Сатурн смешал с Марсом свой ненавистный свет,

Которые своим пагубным влиянием заразили

Богатые и могущественные народы Востока:

И тогда разбушевался ужасный, доселе неведомый мор,

Который захватил легкие и сделал грудь своим тронem;

Четыре дня тиранил он ужасно,

Когда жизнь пурпурными струями вырвалась наружу и унеслась прочь".

Эта болезнь сопровождалась лихорадкой, затрудненным дыханием и отхаркиванием крови; дыхание было настолько тяжелым, что больные были вынуждены постоянно находиться в вертикальном положении; деглутация была затруднена, сопровождалась покраснением лица и большим беспокойством: в начале болезни кашель был сильным, но без потери крови; через некоторое время отхаркивание становилось кровавым, наступало кровотечение, и смерть наступала через три дня: пятна и абсцессы иногда образовывались, когда болезнь затягивалась до пятого дня. После того как болезнь продолжалась несколько месяцев, легкие больше не поражались, но железы подмышечной впадины и паха, а также околоушные железы опухали и нагноились. В Англии это продолжалось девять лет. За один год на церковном дворе Чартерхаус в Лондоне было похоронено 50 000 человек. После моровой язвы начался мор среди скота, и возникла острая нехватка всех видов провизии. Гренландия была полностью обезлюдена в результате этой эпидемии.

В 1348 году остров Кипр также посетил страшный мор; огромное землетрясение потрясло фундамент острова и сопровождалось таким ужасным ураганом, что жители, убивавшие рабов-магометан, чтобы не быть покоренными ими, в ужасе разбежались во все стороны. Море разлилось, корабли разбились о скалы, и лишь немногие пережили это ужасное событие, в результате которого этот плодородный и цветущий остров превратился в пустыню. Перед землетрясением, как сообщает Дегинь (стр. 225), вредоносный ветер распространял столь ядовитый запах, что многие, одолев его, внезапно падали и умирали в страшных мучениях. Это явление напоминает многие подобные, отмеченные древними авторами. Это особое состояние атмосферы было очевидно для органов чувств; переносимое ветрами, оно распространялось от земли к земле, разнося болезни по целым участкам земли. Кроме того, в этот период, в 1348 году, 25 января произошло беспрецедентное землетрясение, потрясшее Грецию, Италию и соседние страны. Неаполь, Рим, Пиза, Болонья, Падуя, Венеция и многие другие города значительно пострадали; целые деревни были поглощены; замки, дома и церкви были разрушены, и тысячи людей были погребены под их руинами. В Каринтии было разрушено тридцать деревень со всеми церквями; из-под мусора извлекли более тысячи трупов; город Виллах был полностью разрушен, и лишь немногие его жители спаслись; когда земля перестала дрожать, оказалось, что горы сдвинуты со своих мест, а многие деревушки лежат в руинах. Записано, что во время этого землетрясения вино в бочках стало мутным, что можно считать

доказательством того, что произошли изменения, вызвавшие разложение атмосферы; подобные разрушительные землетрясения распространялись вплоть до окрестностей Базеля и повторялись время от времени до 1360 года по всей Германии, Франции, Силезии, Польше, Англии и Дании, а также гораздо дальше на север. В августе 1349 года, пишет Уолсингем, черная смерть разразилась в Саутгемптоне, уничтожив половину населения. По другой оценке (Rymer, Fœdera), в 1348-49 гг. и 1350 г. не выжила десятая часть людей. В королевском эдикте, изданном в декабре 1349 года, говорится: "Non modica pars populi est defuncta"; в другом, 1350 года: "Magna pars populi est defuncta". Этот мор распространился по Франции и Германии и вторгся в северные районы Европы в 1349 году.

В 1350 и 1351 годах нашего Господа болезнь преобладала в Ирландии, Голландии и Англии; ее безошибочными признаками были сильный жар, рвота и отхаркивание крови, кровотечения из носа, рта, ушей, глаз, желудка и кишечника, что указывало на всеобщую дезорганизацию системы. Здесь мы имеем худшие симптомы, наблюдаемые при желчной ремиттирующей или желтой лихорадке Вест-Индии и других регионов. Она охватила всю Германию, Россию, Венгрию, Испанию и Галлию. В Дании она наводила ужас и страх, опустошала Исландию; она продолжалась в течение лета, осени, зимы и весны тех лет; и в течение нескольких лет после этого жестокие перипневмонии свирепствовали в Азии, Египте и различных других частях земного шара. 1352 г. н.э. В течение этого года едва ли четвертая часть студентов Оксфорда пережила чуму. (A. Wood, Ath. Oxon., A.D. 1349-52.) Она с удвоенной силой обрушилась на рабочих и слуг. В том же году огромное количество людей погибло от моровой язвы в Монпелье. В Англии от чумы умерло множество представителей низших слоев общества. Эта болезнь вызвала большие опустошения в Дании, а также в Исландии; гренландские купцы были все уничтожены ею: она захватила монахов и регулярное духовенство всех видов; 133 из 140 членов умерли в одном обществе в Монпелье. Похожая смертность была и в Обществе Магдалины; в Марселе из 140 человек не выжил ни один; в Авиньоне погибли 66 кармелитов. Эта чума началась в монастыре, где обитали переполненные, праздные, сладострастные монахи. Во многих странах сильно страдал скот; на одном пастбище в Англии погибло 6000 овец. Предполагается, что мор и голод унесли в Китае примерно в этот период не менее 900 000 его жителей: в Лондоне на одном кладбище было захоронено 50 000 тел. Следующая оценка смертей в течение вышеупомянутого ужасного периода считалась ниже действительного числа жертв: в Венеции умерло 100 000 человек; Базель - 14 000; Эрфурт - 16 000; Страсбург - примерно столько же; Париж - 50 000; Норвич, в Англии, 50 000; Марсель, за один месяц, 56 000! Флоренция - 60 000; Авиньон - 62 000; Лондон - 100 000; Любек - 90 000; в Испании было уничтожено две трети населения, а Ирландия почти обезлюдела.

В 1355 году н. э. в Англии разразилась эпидемия особого вида безумия; больные бежали в леса и бродили по полям. (Геккер.) Через три года после этого эпидемический мор опустошил Англию, Африку, Кипр, а также Италию и Флоренцию, где, по словам Петрарки, погибло 100 000 жителей. Такой же мор поразил Галлию, Ирландию и Шотландию. Стоу в своей "Хронике" дает очень наглядное описание вышеупомянутого периода моровой язвы с 1348 по 1357 год. Мор он описывает как новую болезнь. Он сказал: "Среди восточных индийцев и тартарийцев начался некий мор, который в конце концов стал настолько всеобщим, заражая средние области воздуха, что уничтожил сарацин, турок, сирийцев, палестинцев и греков чудесной или скорее невероятной смертью; настолько, что те люди, будучи чрезвычайно встревожены ужасом этого, посоветовались между собой и решили принять христианскую веру и таинства; ибо они имели сведения, что христиане, живущие по эту сторону Греческого моря, не так сильно страдают от болезней и смертности, более чем обычно." "В конце концов эта ужасная резня перешла в те страны, которые находятся по эту

сторону Альп, затем в те части Франции, которые называются Гесперия, и так далее, по порядку, в Германию и Голландию; а на седьмой год после ее начала она пришла в Англию и сначала началась в городах и портах, примыкающих к морским побережьям, в Дорсетшире, где, как и в других странах, она сделала страну совершенно безлюдной, так что почти не осталось живых. Затем она перешла в Девоншир и Сомерсетшир, и даже в Бристоль, и свирепствовала так, что жители Глостершира не хотели, чтобы люди из Бристоля каким-либо образом имели доступ к ним или в их страну; но в конце концов она пришла в Глостер, да, и в Оксфорд и Лондон, и наконец распространилась по всей Англии, и так истощила и испортила людей, что едва ли десятый человек из всех родов остался в живых; церковных дворов не хватало и они были достаточно большими, чтобы похоронить своих мертвых: Они выбрали для этой цели определенные поля, среди которых был участок земли, называемый церковным двором Святой Троицы, недалеко от Ист-Смитфилда, открытый неким Джоном Кори. Некий Уолтер Мэнни также приобрел участок земли под названием Спитал Крофт, площадью тринадцать акров, на котором в течение следующего года было погребено 50 000 тел; в Норвиче не менее 37 104 человек, кроме мендикантов и доминиканцев, а в Ярмуте 7502; таким образом, жизнь, которая раньше стоила 700 марок, сократилась до 40 фунтов в год." "Когда этот мор опустошил всю Англию, шотландцы, сильно радуясь, насмехались и клялись: "Мерзкая смерть англичан"; но меч Божьего гнева убил и уничтожил шотландцев в не меньшем количестве, чем других. Он также истребил валлийцев и через некоторое время перешел в Ирландию, где уничтожил множество англичан, живших там; но тех, кто был родом из Ирландии, кто жил в холмистой местности, он почти не затронул, так что мало кто из них умер от него".

1360 ГОД Н.Э. Грозы, сопровождавшиеся проливными дождями и молниями, причинили много вреда в разных частях Англии; дома поджигали, урожай и скот уничтожали, а мор в виде лихорадки и расстройства кишечника уносил множество людей.

Через два года после этого, 21 января 1362 года н. э., в Сцио был установлен праздник и отслужена торжественная месса с богослужением во всех церквях, монастырях и других общественных местах, на которой присутствовал весь местный клир; а 15 февраля был опубликован папский юбилей за упокой душ всех тех, кто погиб от моровой язвы, которая недавно унесла огромное количество людей.

В 1363 году н. э. в Европе наступила ужасно суровая зима, предвещавшая злые времена года. Андалусия была поражена ужасным мором, который, захватив почти невероятное число жителей, отмечен в древних писаниях как вторая смертность, чтобы отличить ее от первой 1350 года, во время которой король дон Алонсо умер в окрестностях Гибралтара. Этот мор произвел такое впечатление на умы всех испанцев, что в надгробной надписи в церкви Святого Пабло мы читаем, что она была возведена во время второго смерча, в 1363 году нашей эры. Через два года после этого, в 1365 году, мор унес 20 000 жителей Кельна и его окрестностей.

С 1368 по 1370 год эпидемический мор опустошал Англию и Ирландию; четыре года после этого он продолжал опустошать Англию. Похожий мор, примерно в то же время, с большой смертностью свирепствовал в Италии и Галлии.

В 1371 году н. э. мор свирепствовал в Барселоне; 13 июня в каждом из приходов этого места были организованы просительные шествия из-за моровой язвы, которая продолжалась в течение года. В этом году была замечена комета.

1372 г. н. э. Мор вторгся в Германию, Египет, Грецию и на весь Восток. Любек потерял 90 000 своих жителей.

1373 г. н. э. Актом парламента было запрещено использование углей, сославшись на то, что дым в Лондоне портит воздух.

В 1374 году от Рождества Христова в Голландии и рейнских провинциях свирепствовала эпидемическая плясовая болезнь святого Гая и святого Иоанна, а среди абиссинцев - аналогичная болезнь, называемая "тарантизм" и "тигретье"; подобная болезнь также преобладала на Шетландских островах, где она время от времени возникала, как утверждается, в течение ста лет до этого. Болезнь также преобладала во Франции, и страдальцев называли "конвульсионерами"; очевидно, это был недуг, который мы сегодня называем пляской святого Витта или хореей, но преобладающий эпидемически. Геккер дает следующий рассказ об этом странном заболевании, которое имело место примерно в этот период в Германии; очевидно, это была болезнь, подобная той, которая вспыхнула в 1027 г. н. э. в Бернбурге, преобладала среди детей в 1237 г. н. э. в Эрфурте, а затем среди взрослых в 1278 г. н. э. в Утрехте. Он говорит, "что последствия "черной смерти" еще не утихли, и могилы миллионов ее жертв едва успели закрыть, когда в Германии возникло странное заблуждение, которое овладело умами людей и, несмотря на божественность нашей природы, увлекло тело и душу в магический круг адского суеверия. Это была конвульсия, которая самым необычным образом приводила в ярость человеческий организм и вызывала изумление современников на протяжении более двух столетий, с тех пор она никогда не появлялась вновь. Его называли танцем святого Иоанна или святого Вита, из-за вакхических прыжков, которыми он характеризовался, и которые придавали пострадавшим, исполнявшим свой дикий танец, кричавшим и пенившимся от ярости, вид одержимых. Она не ограничивалась отдельными местностями, а распространялась по виду страдальцев, подобно демонической эпидемии, по всей Германии и соседним странам на северо-западе, которые уже были подготовлены к ее приему господствующим мнением того времени.

"Уже в 1374 году в Экс-ла-Шапель были замечены сборища мужчин и женщин, приехавших из Германии, которые, объединенные одним общим заблуждением, демонстрировали публике, как на улицах, так и в церквях, следующее странное зрелище. Они образовывали круги рука об руку и, казалось, полностью потеряв контроль над своими чувствами, продолжали танцевать, не обращая внимания на прохожих, в течение нескольких часов, в диком бреду, пока, наконец, не падали на землю в состоянии изнеможения. Затем они жаловались на сильное угнетение и стонали, как в предсмертных муках, пока их не обматывали тряпками, туго завязанными вокруг талии, после чего они снова приходили в себя и не жаловались до следующего приступа. К такому способу обмахивания прибегали из-за тимпании, сопровождавшей эти спазматические бредни, но посторонние люди часто облегчали состояние пациентов менее искусственным способом, стуча и топча по больным местам. Во время танца они ничего не видели и не слышали, будучи невосприимчивыми к внешним впечатлениям через органы чувств, но их преследовали видения, их фантазии вызывали духов, имена которых они выкрикивали; некоторые из них впоследствии утверждали, что чувствовали себя так, будто их погрузили в поток крови, который и заставил их так высоко подпрыгнуть. Другие во время пароксизма видели открытые небеса и Спасителя, восседающего на троне вместе с Девой Марией, в соответствии с религиозными представлениями того времени, которые странным и разнообразным образом отражались в их воображении.

"Там, где болезнь была полностью развита, приступ начинался с эпилептических конвульсий. Больные падали на землю без чувств, задыхаясь и пытаясь отдышаться; у них шла пена изо рта, и, внезапно вскочив на ноги, они начинали свой танец, выделявая при

этом странные движения. Однако болезнь, несомненно, проявлялась очень разнообразно и зависела от временных или местных обстоятельств, в которых современники-медики лишь несовершенно отмечали существенные особенности, привыкшие путать свои наблюдения за природными явлениями с представлениями о мире духов.

"Прошло всего несколько месяцев, прежде чем эта демоническая болезнь распространилась из Экс-ла-Шапель, где она появилась в июле, по соседним Нидерландам. В Льеже, Утрехте, Тонгресе и многих других городах Бельгии танцовщицы появлялись с гирляндами в волосах и подпоясанные тряпками, чтобы, как только пароксизм закончился, они могли получить немедленное облегчение при приступе тимпани. Эту повязку, вставив в нее палку, легко было туго закрутить; многие, однако, получали большее облегчение от пинков и ударов, для нанесения которых находилось множество людей; ведь там, где появлялись танцоры, народ собирался толпами, чтобы удовлетворить свое любопытство страшным зрелищем. В конце концов растущее число пострадавших вызвало не меньшую тревогу, чем внимание, которое им уделялось. В городах и деревнях они завладевали религиозными домами; повсюду устраивались процессии, по их поводу служились мессы и пелись гимны, а сама болезнь, в демоническом происхождении которой никто не сомневался, вызвала повсюду изумление и ужас. В Льеже священники прибегали к экзорцизму и старались всеми доступными им средствами унять зло, которое грозило им самой большой опасностью; одержимые, собираясь толпами, часто произносили проклятия в их адрес и угрожали им гибелью. Они до такой степени запугали людей, что был издан указ, запрещающий носить обувь с квадратными носками, поскольку эти фанатики проявляли болезненную неприязнь к остроносим туфлям, вошедшим в моду сразу после великого смертоубийства 1350 года. Еще большее раздражение они испытывали при виде красных цветов, влияние которых на расстроенные нервы могло бы навести нас на мысль о чрезвычайном соответствии между этим спазматическим недугом и состоянием разъяренных животных; но у танцоров Святого Иоанна это возбуждение, вероятно, было связано с видениями, вызванными их конвульсиями. Были и такие, кто не мог вынести вида плачущих людей". "Через несколько месяцев после того, как этот танцевальный недуг проявился в Экс-ла-Шапель, он вспыхнул в Кельне, где число одержимых составило более пятисот человек; и примерно в то же время в Меце, улицы которого, как говорят, были заполнены одиннадцатью сотнями танцоров. * * * * * Девочки и мальчики покидали своих родителей, а слуги - своих хозяев, чтобы развлечься на танцах одержимых, и с жадностью впитывали яд психической инфекции. Более сотни незамужних женщин были замечены бродящими по освященным и неосвященным местам, и последствия этого вскоре сказались. Банды праздных бродяг, которые умели до мелочей имитировать жесты и конвульсии тех, кто был действительно поражен, кочевали с места на место, ища пропитания и приключений, и таким образом, где бы они ни были, распространяли эту отвратительную спазматическую болезнь, как чуму; ведь при болезнях такого рода восприимчивые люди заражаются так же легко от внешнего вида, как и от реальности. В конце концов возникла необходимость прогнать этих озорных гостей, которые оказались одинаково недоступны и экзорцизму священников, и средствам врачей. Однако только через четыре месяца рейнские города смогли подавить эти самозванства, которые так тревожно усиливали первоначальное зло".

В 1375 г., 20 июня, в Сцио была организована процессия с проклятиями в связи с ужасным мором, который разразился там и свирепствовал более двенадцати месяцев. (См. Sarpanu, "Исторический и хронологический сборник чумы", стр. 66).

В 1379 г. н. э. эпидемический мор свирепствовал в Англии, особенно в северных районах острова. В 1380 г. в Испании произошло всеобщее наводнение, которое привело к эпидемическому мору, характерному для атмосферы, насыщенной влагой. Через три года после этого, в 1383 году, наступил самый фатальный период для Севильи, так как там разразился мор, охвативший всю ее длину и ширину. Старые жители называли это ужасное бедствие третьей смертностью: ему предшествовали наводнения и необыкновенные ливни, которые, несомненно, предрасполагающими причинами к болезни. Сильное землетрясение разрушило несколько церквей в 1382 году.

Мы видели, что 1350 и 1363 годы были названы годами первой и второй смертности. Меры предосторожности, которые были приняты для борьбы с такими бедствиями, заключались в создании различных госпиталей для лечения больных, учрежденных епископом, деканом, церковными и светскими главами. Лекари и хирурги не только своей наукой способствовали облегчению состояния больных чумой, но и личной благотворительностью, а также жалованьем, которое им назначали городские власти. Под покровительством святого Космо и святого Амьена в приходе святого Сальвало был основан госпиталь, патронаж над которым был передан городу.

1384 ГОД Н.Э. В этом году на Майорке разразилась третья чума; она вызвала значительную смертность, согласно рассказу Винсенте Мута в его истории этого королевства. Многие солдаты армии дона Хуана, первого короля Кастилии, находившиеся в гарнизоне в Лиссабоне, заболели из-за резких атмосферных изменений, к которым они не привыкли. Потери и страдания кастильского лагеря росли с каждым днем, сотни людей заболели, и в результате король был вынужден изменить свое положение и перевести армаду в Севилью.

В начале 1386 года в Галлисии сильно заболели солдаты под командованием Торнаса Мораикса: характер эпидемии не совсем ясен, но история утверждает, что смертность была очень велика.

В 1387 году армия короля Португалии и герцога Ланкастера пострадала от сильного мора в Бенавенто, а также в городах Матильяс, Арзон, Вильялобос, Ралес и Вальдерас из-за нехватки провизии. В 1388 и 1389 годах случились сильные бури, которым предшествовала сильная засуха; наступил голод, когда ангина и дизентерия преобладали в Англии и в других частях света. Болезнь поражала в основном детей и продолжалась до 1400 года. В этот период, в 1391 году, болезнь была особенно смертоносной в Англии, сильнее всего она ощущалась в Норфолке и Йорке. За год до этого, в 1390 году, когда король Эдуард был в походе и находился в двух лигах от Шартра, разразилась сильная буря с громом и молниями, которая убила 6000 его лошадей и до 1000 лучших солдат.

В 1394 году н. э. в королевстве Валенсия и в княжестве Каталония от эпидемии моровой язвы, вызванной сильной жарой, умерло около 10 000 человек, большая часть из которых были молодыми, только в городе Валенсия. Этот мор случился во время правления короля Дона Хуана - 1396 год н.э. 9 декабря этого года король дон Мартин удалился в город Перпиньян в связи с тем, что Барселона была охвачена мором.

1400 ГОД Н.Э. Продолжающиеся проливные дожди и бесплодие, вызвавшие голод в Севилье, привели также к большой смертности и моровой язве, от которых население города сильно сократилось. Автор "Анналов Севильи" упоминает, что эта чума случалась в столетние периоды.

1401 Г. Н.Э. Наблюдалась комета. Чума разразилась во Флоренции. В этом году в Лондоне от эпидемической болезни умерло 30 000 человек. Через пять лет после этого Лондон вновь

посетил смертельный мор. В Бурдо злокачественная дизентерия уничтожила 14 000 человек, и аналогичная болезнь была столь же смертельной в Аквитании и Гаскони. В 1407 году н. э. Средиземное море замерзло на пятнадцать недель. 1411 год н. э. Две очень похожие болезни появились во Франции в этом году и были одинаково распространены; первая называлась "Так", вторая - "Ладендо": обе сопровождалась сильным кашлем. При Ladendo, по-видимому, имело место какое-то поражение почек воспалительного характера: боль была сильной, как при приступе камня, и сопровождалась лихорадкой, потерей аппетита и непрекращающимся кашлем, который очень часто заканчивался неприятными выделениями в области носа и рта; болезнь проходила обычно за пятнадцать дней и не сопровождалась опасностью, несмотря на тяжесть симптомов. Через три года после этого эпидемическая болезнь аналогичного характера вновь появилась во Франции, получив название "коклюш": она сопровождалась сильной охриплостью и была настолько распространена, что все общественные дела в Париже были прерваны из-за нее.

1410 Г. Н.Э. В этом году в Севилье разразилась эпидемия моровой язвы; она началась в Ньебле, Гибралеоне и Тригеросе, а затем распространилась на Севилью, где свирепствовала с марта по август. 30 мая и 5 августа в Барселоне произошло землетрясение, и воцарился эпидемический мор, который продолжался до годовщины Рождества Христова.

ГЛАВА IV. С 1418 ПО 1530 ГОД.

В 1418 году Страсбург посетила "танцующая чума", и среди жителей этого города наблюдалось то же увлечение, что и в городах Бельгии и Нижнего Рейна в 1374 году; многие из тех, кто был захвачен при виде пораженных, возбуждали внимание сначала своим растерянным и нелепым поведением, а затем тем, что постоянно следовали за стаями танцоров. Их можно было видеть днем и ночью, проходящими по улицам в сопровождении музыкантов, играющих на волынках, и бесчисленных зрителей, привлеченных любопытством, к которым добавились встревоженные родители и родственники, пришедшие присмотреть за теми из заблуждающейся толпы, кто принадлежал к их семьям.

Самозванство и распутство также сыграли свою роль в этом городе, но, похоже, преобладало само болезненное заблуждение. Поэтому религия могла оказать лишь временную помощь, и городской совет благожелательно отнесся к страдальцам: они разделили их на отдельные партии, к каждой из которых назначили ответственных надзирателей, чтобы защитить их от вреда, а возможно, и сдержать их буйство. Пешком и в каретах их доставляли в часовни святого Вита, расположенные недалеко от Заберна, и Ротештайна, где священники воздействовали на их заблудшие умы мессами и другими религиозными обрядами. После завершения богослужения их торжественной процессией вели к алтарю, где они приносили небольшую милостыню и где, вероятно, многие, благодаря влиянию набожности и святости места, излечивались от этого прискорбного отклонения.

Стоит заметить, что мания танцев не возобновилась у алтарей святого, что только к нему обращались за помощью и что благодаря его чудесному вмешательству ожидали исцеления, которое было недоступно человеческому мастерству. Личная история святого Вита имеет немаловажное значение в этом вопросе. Он был сицилийским юношей, который вместе с

Модестом и Кресцентием принял мученическую смерть во время гонений на христиан при Диоклетиане, в 303 году нашей эры. Легенды о нем неясны, и он наверняка был бы обойден вниманием среди бесчисленных апокрифических мучеников первых веков, если бы перенос его тела в Сент-Денис, а затем в 836 году в Корви не возвел его в более высокий ранг. С этого времени можно предположить, что у его новой гробницы совершалось множество чудес, которые сыграли важную роль в утверждении римско-католической веры среди немцев, и вскоре святой Витус был причислен к четырнадцати святым помощникам (Nothelfer или Apotheker). Его алтари множились, и люди прибегали к нему во всех бедах; они почитали его как могущественного заступника. Однако поскольку поклонение этим святым в то время было лишено всех исторических связей, которые намеренно стирались священством, в начале XV века, а может быть, и в XIV, была придумана легенда о том, что св. Вит перед тем, как склонить шею к мечу, молил Бога, чтобы тот защитил от мании пляски всех, кто будет праздновать день его памяти и поститься накануне, и тогда с небес раздался голос: "Вит, молитва твоя принята". Так святой Вит стал покровителем тех, кто страдал от танцующей чумы, как в свое время святой Мартин Турский был помощником больных оспой; святой Антоний - страдающих от "адского огня"; а святая Маргарита была Юноной Люциной для беременных женщин.

1426 г. н. э. Балтика замерзла, а 28 сентября в Англии произошло сильное землетрясение. Данцик был охвачен мором и голодом, а в следующем году Англия пострадала от эпидемии моровой язвы и сильного землетрясения, которое произошло 14 июля.

В 1429 г. эпидемический мор свирепствовал в Барселоне, о чем свидетельствует пожертвование в 8 фунтов стерлингов и 16 суэльдо, которые были выплачены капеллану за его труд по выносу для погребения мертвых тел, найденных в церквях и других местах.

В 1434 году н. э. в Англии был сильный мороз, который продолжался с 24 ноября по 10 февраля следующего года.

В этом, 1436 году, время года было ненастным и дождливым, в разных частях Европы не хватало кукурузы. Эпидемии кашля, оспы и лихорадки унесли с лица земли многие тысячи людей. Влажность, царившая в предыдущем году в Испании, была чрезмерной; дождь и снег не прекращались в Кастилии с 29 октября 1434 года по 7 января следующего, 1435 года.

Через четыре года после этого, в 1439 году, город Уэска в королевстве Арагон пострадал от такого жестокого мора, что, следуя легковерию того времени, Алонсо де Бургос в своем "Трактате о чуме" говорит, "что болезнь в Уэске уступила лишь торжественному и общему обету, который дал город, праздновать праздник в день Зачатия Девы Марии и соблюдать бдение с абсолютным постом".

В 1438 году н. э. в Англии был голод. Во время шторма 25 ноября сильный порыв ветра сорвал с церкви Серых монахов в Лондоне крышу и почти завалил всю сторону улицы под названием Старая биржа.

1441 ГОД Н.Э. В этом году брат Диего де Эррера пожаловался на зуд, или проказу, по всему телу: врачи объявили болезнь заразной и обязали его жить вне монастыря Мехорада - факт, свидетельствующий о том, что эта болезнь уже существовала в Испании, и что врачи были знакомы с ее особенностями. Эти наблюдения можно найти в житии прославленного сеньора дона Диего де Анайи, архиепископа Гранады.

В 1443 году н. э. в Англии был сильный мороз с 14 ноября по 10 февраля следующего года. Гроза с сильными молниями нанесла большой ущерб церкви Святого Павла и церкви

Уолтем-Кросс; они были подожжены молнией в день Кандлемаса. Примерно с этого времени и до 1450 года голод и мор губительно действовали на миллионы людей, особенно в Италии, Галлии, Германии, Азии и Испании. Примерно в этот же день король Арагона дон Алонсо, прозванный Мудрым, завоевал Неаполитанское королевство. Огромные препятствия, которые возникли на пути к покорению провинций Абруццо, а также страдания, вызванные затяжной и отчаянной войной, подвергли многочисленную кавалерию, занятую на службе, приступам болезней. Большое количество их лошадей погибло от особого вида эпизоотии. Эта огромная смертность заставила короля приказать своему майору Мануэлю Диасу собрать всех ветеринаров кавалерии и хирургов пехоты, чтобы они написали труд о парикмахерском деле, что дало толчок к возобновлению этого полезнейшего искусства, о чем говорится в "Испанской Гиппиатрии", или "Ветеринарии Испании".

1446 г. н. э. 17 апреля море разрушило дамбы в Дорте, в Голландии, и утопило 100 000 человек.

1448 Г. Н.Э. "Из-за обильных дождей предыдущего, 1447 года, - пишет Мартинес де Лейва, - разразился сильный мор, который объясняли избытком влаги, соединенным с небывалой жарой": он свирепствовал в разных частях Испании. 11 октября в Барселоне были вознесены публичные молитвы по поводу этой моровой язвы и других бедствий, таких как землетрясения и т. д. В течение этого года в армии короля Алонсо V., расположившейся в окрестностях Помблена, произошла большая смертность.

1450 г. н. э., в июне, в городе Сарагоса разразился мор . Зурита, который в своих "Анналах Арагона" рассказывает об этом море, почти ничего не сообщает, хотя известно, что он свирепствовал в течение некоторого времени и распространился на Барселону, где продолжался в течение двух лет после этого (1452). В субботу, 22 апреля, власти этого города, Барселоны, отправили государственного гонца в монастыри Святого Жеронимо де ла Мурта, в районе Эбро, де Монте-Алегри, де Поблет, де Санта-Крус и де Эскала-Дей, чтобы попросить братьев умолить Всевышнего избавить их от сильной моровой язвы, которая посетила город. 13 июня этого года королева донна Мария удалилась со своим двором из города, опасаясь моровой язвы.

1456 ГОД Н.Э. В этом году наблюдались две кометы: через три года после этого, в 1459 году, Балтика замерзла настолько, что люди путешествовали по льду из Дании в Любек, Висмар, Росток и Штральзунд.

В 1465 году н. э. мор снова посетил Италию. 6 декабря этого года братья Мигель Капелье и Леонардо Крестиа, члены ордена Святого Франциска из монастыря Иисуса, были уполномочены корпорацией города Барселоны молить Всевышнего об избавлении города от моровой язвы. В следующем году Кадис был почти полностью опустошен чумой. Другие части Испании также страдали от эпидемий моровой язвы; настолько, что 7 января 1466 года Совет Съенто постановил не отмечать праздник Святого Себастьяна из-за эпидемии, бушевавшей в Барселоне. Далее, в четверг, 13-го числа, Совет тридцати двух постановил воздвигнуть образ ангела-хранителя, а 17 ноября после этого было приказано провести торжественную процессию.

1468 г. н. э. В Парме свирепствует эпидемия моровой язвы.

1471 г. н. э. Папа Секст построил в Риме публичный дом, и римские проститутки платили ему еженедельный налог, который составлял 20 000 дукатов в год.

В 1472 году н. э. была замечена комета. В следующем, 1473 году, чрезмерная жара и засуха, которые продолжались в течение трех лет. Примерно в этот же период, в 1474 году, город Валенсия пострадал от сильной эпидемии. Луис Альканьис, известный валенсийский врач, опубликовал трактат на лимозинском языке (языке трубадуров), не указав ни места печати, ни года издания; но, судя по всему, он процветал примерно в этот период (1474), и его трактат был написан в связи с эпидемией, о которой идет речь: он был озаглавлен "Полк сохранения и лечения моровой язвы, составленный местре Луисом Альканьисом, местре в медицине".

В 1475-76 гг. н. э. Дунай в Венгрии перешел вброд, а стаи саранчи уничтожили всю растительность там и в Польше. Второй мор, опустошивший остров Майорка, по свидетельству дона Винсенте Мута, произошел. Губернатор Майорки дон Беренгарио Бланельс создал совет по здравоохранению, чтобы установить правила управления и принять меры по исправлению ситуации. В этот "Морбейра", или Совет здоровья, входили магистрат, рыцарь, врач, хирург, торговец и купец. Был установлен карантин на сорок дней. В этом же году была опубликована работа под названием "De Epidemiâ et Peste, Magistri Vallestii Tarentini, Artium Medicinæque Doctoris eximii", которая была переведена доктором Хуаном Вильяром на кастильский язык. В том же году (1476) Совет ста приказал освятить часовню с проклятием в Сан-Роке в связи с распространением в Барселоне страшной чумы, которая продолжалась с 27 марта по 13 ноября. 13 июля того же года состоялась торжественная процессия, в которой были выставлены тела святого Севера и святого Иннокентия.

В 1477 году, во времена правления их католических величеств дона Фернандо де Арагона и доньи Исабель де Кастильи, разразился страшный мор проказы, который, можно сказать, стал эпидемическим, настолько многочисленными были случаи заболевания. Обязанность осматривать больных и изгонять их из городов и деревень была возложена исключительно на священников, в соответствии с божественной властью, изложенной в книге Левит, глава xiii. Эпидемический мор, сопровождаемый бубоном, преобладал в Италии и свирепствовал без перерыва до 1485 года. Стаи саранчи совершали великие опустошения в различных частях юга Европы с 1478 по 1482 год. В течение этого периода, скажем, в 1480 и 1481 годах, в Швейцарии и Германии на фоне засухи и голода возникали злокачественные эпидемии, а в Вестфалии, Гессене и Фрисландии свирепствовала гнилостная лихорадка, сопровождаемая френитом. На памяти жителей этих мест никогда не было такого количества *фатумов*, как в этот период. Урожаи также были неурожайными, что привело к необходимости получать провизию из Тюрингии.

В 1482 г. во Франции при Людовике XI, после двух лет скудости, разразилась опустошительная чума: она протекала в форме воспалительной лихорадки с бредом, сопровождалась такой сильной цефалгией, что многие, по сообщениям, бились мозгами о стены своих домов или бросались в воду.

В 1483 году в Глостершире произошло такое сильное наводнение, что все окрестности были затоплены, а многие люди утонули в своих постелях. Воды не спадали в течение десяти дней, что помешало герцогу Бекингеу переправиться через реку в Уэльс, чтобы присоединиться к валлийцам, восставшим против короля Ричарда III, и, следовательно, стало косвенной причиной несчастий герцога и его насильственной смерти. Барселону вновь посетила моровая язва, продолжавшаяся около года. Река Северн в Англии разлилась; следствием этого стала эпидемия моровой язвы. В последующие годы, 1484-85, она распространилась по всей Англии, впервые вспыхнув в Шрусбери, где, по свидетельству доктора Кайуса, проживавшего в этом городе, за несколько дней умерло 960 человек. Некоторые власти говорят о том, что этот мор произошел при обстоятельствах, чрезвычайно благоприятных для

возникновения злокачественной болезни, поскольку, как утверждается, впервые он появился в армии графа Ричмонда, впоследствии короля Генриха VII, после его высадки в Милфорд-Хейвене в 1485 году. Эта армия состояла из иностранных войск, привезенных на переполненных транспортных судах. Современный историк Филипп де Коминс описывает их как самых жалких солдат, которых он когда-либо видел, собранных, вероятно, из тюрем и больниц и утопающих в грязи. Болезнь вскоре распространилась на Лондон, где свирепствовала с начала августа до конца октября, приняв особый вид: ее называли "sudor Anglicus", или потливой болезнью, и она оказалась смертельной эпидемией. Она также распространена в Ирландии. Симптомы были характерны для сильной воспалительной лихорадки, которая через некоторое время приводила к большому упадку сил. Также наблюдались угнетение желудка, сильная головная боль, сопровождавшаяся вялым оцепенением, а тело покрывалось обильным жидким потом. Прогрессирование этого необычного заболевания было очень быстрым, кризис всегда наступал в течение дня и ночи. Внутренний жар, от которого страдал пациент, был нестерпимым, но любая холодная или даже прохладная вещь означала верную смерть. За одну неделю умерли два лорд-мэра и шесть олдерменов. Болезнь поражала самых крепких и сильных людей и без перерыва распространялась по всему королевству, с востока на запад. За очень короткий срок огромное количество населения стало жертвами этой странной эпидемии. Многие из тех, кто оправился от первого приступа, заболели во второй, а некоторые даже в третий раз. Не обошлось и без высокопоставленных лиц, как церковных, так и гражданских; велика была суматоха, когда болезнь разразилась в Оксфорде. Главы колледжей и студенты разбежались во все стороны, и этот прославленный университет опустел за шесть недель. Через три месяца болезнь появилась в Кройланде и 14 ноября унесла Ламберта Фосседика, аббата монастыря. В этот период эпидемический мор свирепствовал в Германии, Швейцарии, Швеции, Дании и Египте.

1485 ГОД Н.Э. В этом году в Севилье разразился мор, смертность от которого увеличилась из-за проливных дождей и наводнений последующей зимы. В следующем году Сарагосса и другие части королевства Арагон пострадали от эпидемического мора: это был особый бубон или железистый вид, излечение от которого приписывалось заступничеству Санто Педро Арбуеса, одного из первых Великих инквизиторов Испании, убитого населением за его жестокости, а затем канонизированного папством.

В 1488 году в Андалусии свирепствовал мор, который, должно быть, был очень смертоносным, особенно в армии, которой командовал король дон Фердинанд, хотя точных сведений о его смертности не сохранилось.

В 1489 году Барселону вновь посетил страшный мор: он разразился 3 ноября и продолжался до 16 сентября следующего года. В томе i. "Библиотеки Халлери" есть мемуары, опубликованные Педро Мучеником де Англесиа, в которых отмечается некая болезнь, сопровождавшаяся болью в суставах, фетидовыми язвами во рту и гноиниками, которые некоторые современные авторы считают симптомами французской оспы (morbus Gallicus).

В 1490 году н.э. в разных частях Европы была распространена желчная возвратная лихорадка. Гнилостная лихорадка, которая, по предположениям одних, возникла из-за непогребенных тел в Гранаде, свирепствовала с ужасающей силой; другие утверждали, что ее завезли некоторые солдаты, прибывшие с острова Кипр, где этот вид лихорадки был эндемичен.

1492 ГОД Н.Э. Эпидемическая оспа была неизвестна индейцам до тех пор, пока не была завезена на Восток благодаря торговым связям голландцев: предполагалось также, что она

была завезена в Америку негром-рабом Памфило Нарваэса, когда этот испанский генерал отправился в Мексику против своего врага Эрнандо Кортеса. Жители Земпоалы понесли огромные потери, а 16 000 индейцев стали ее жертвами.

В 1493 году, рассказывает дон Винсенте Мут, на острове Майорка случилась пятая чума; она называлась чумой Боха и получила такое название от имени человека, который, как предполагается, завез ее на остров.

В этот период Барселону вновь посетил мор, который продолжался с 13 июня по 4 октября. То, что венерическая болезнь не была завезена из Америки в Европу в этом году с помощью войск адмирала Кристобаля Колона, уже доказано историей. Аструк проявляет большую эрудицию, показывая, что эта болезнь не была известна до 1494 и 1496 годов. В списке писателей королевства Валенсия, предоставленном Винсенте Ксимено, мы узнаем, что некий Педро Пинтор родился в этой столице в 1420 году н.э., а умер в Риме в 1503 году: он был врачом Александра Шестого, который также был валенсийцем, родившись в части, называемой Ксатива. Из исторических трудов Пинтора и современных ему авторов следует, что венерическая болезнь в период ее первого распространения представляла собой язвенную лихорадку, передававшуюся через гениталии и иным путем, и что в тот период не было никакого позора или клейма на тех, кто страдал от нее: она не считалась *противоречащей добрым нравам*. Валенсийский автор, следуя астрологическим представлениям своего времени, приписывает болезнь тем же причинам, что и эпидемии чумы или моровой язвы.

Во время весеннего равноденствия этого года в Риме разразился описанный мор, как явствует из следующей цитаты: "Talis autem epidemia in urbe Romanâ contigit anno 1493 mense Martii, post introitum solis in primum minutum Arietis". Впервые эта болезнь была замечена в августе.

Педро Пинтор, по словам Котунниуса, профессора анатомии в Неаполе, был одним из самых ранних авторов о венерическом заболевании: его работа под названием "De Morbo Fædo his temporibus affligente" была опубликована в Риме в 1500 году н.э. Он приписывал происхождение болезни соединению планет и, несомненно, был знаком с тем обстоятельством, что болезнь распространяется при совместном проживании с больным человеком. Несколько жителей Рима подверглись нападению в 1493 году, и болезнь стала распространенной там до 1499 года; в основном она поражала конечности с мучительными болями и гнойничковыми высыпаниями, против которых врачи использовали ртутную мазь, смешанную со свинцом, - изобретение, как говорят, принадлежит португальцу. Болезнь настолько распространилась, что, по словам Руя Диаса де Исла, уроженца Андалусии, их величества дон Фернандо де Арагон и донья Исабель де Кастилья дали указания своим врачам обслуживать больных, которых принимали в госпитале Сан-Сальвадора. Большое количество первых профессоров и врачей страны исследовали симптомы болезни, и после лечения тысячей и одним средством, которое было признано малоуспешным, ее сочли наказанием небес, постигшим все конституции и состояния.

Относительно происхождения этой язвы - венерической болезни - существуют различные мнения. Когда она вспыхнула во французской армии в Неаполе в 1495 году, французы называли ее "болезнью Неаполя" и сказали, что во время осады этого места некие купцы бочковали плоть убитых в Барбарии мужчин, которую они продавали за тунца, и что от такой пищи возникла эта болезнь. Несомненно, что каннибалы в значительной степени заражены венерической болезнью. Она была известна в Англии до 1162 года и называлась "Бреннинг" или "Сжигание". Это следует из записей епископа Уинтона о публичных тушениях. Болезнь

хорошо описана неким Арденом, который был хирургом Ричарда II в 1156 году, в работе, специально написанной на эту тему.

В 1495 году король дон Фернандо созвал кортесы в Таррагоне из-за моровой язвы, свирепствовавшей в Сарагосе: она сопровождалась бубонами, карбункулами и т. д.; а в следующем, 1496 году, она появилась в петехиальной форме среди солдат, служивших в Гранаде. Сифилис также распространен в Неаполе среди войск Карла VIII.

В 1496 году эпидемическое изъязвление, как его тогда называли, кожи (эпидемическая цинга), поразило жителей Германии, Португалии, Ирландии и других стран.

В 1497 году в Барселону снова пришла эпидемическая чума: она появилась около 18 июля и продолжалась до ноября. Гаспар Торелла, уроженец Валенсии, врач и домашний прелат Александра VI, написал труд о галльской моровой язве, который был напечатан в Риме, согласно отчету Галлера, в 1497 году. Аструк упоминает еще одну работу, озаглавленную "Ex Coitu cum Impurâ Muliere".

В 1498 году Франсиско Лопес де Вильялобос, врач Карла V и его сына Филиппа II, опубликовал в Саламанке фолиант под названием "Sumario de la Medicina". Хуан де Банос в первых десяти номерах своих "Путешествий португальцев в Ост-Индию" приводит косвенный рассказ о моровой язве, охватившей экипажи их флота после того, как они миновали мыс Доброй Надежды. Болезнь началась с эризипелаза и гниения десен, так что заболевшие были не в состоянии принимать пищу; их тела сотрясали мучительные боли, а зловоние от них было невыносимым. Эта болезнь, очевидно, была цингой.

В 1499 году н. э. в Британии свирепствовала чума, уносившая тысячи людей; только в Лондоне от нее погибло 30 000 человек. Король счел целесообразным удалиться со всем своим двором в Кале. В Брюсселе эпидемический мор ежедневно уносил жизни 500 человек; плесневые пятна (signacula) наблюдались в Германии и во Франции. В Германии наблюдался большой падеж скота от рожи, и очень обширное уничтожение всей растительности от моли и гусениц. Жители Франции и Германии в этот период сильно страдали от тяжелой эпидемической болезни; она приняла железистую форму и продолжалась до 1503 года. Этот мор, говорит Шенкиус, сопровождался в некоторых частях Европы голодом, за которым последовала самая сильная жара времен года; предшествовала зима, столь ужасно суровая, что повсюду погибало животное создание, а летняя жара была такой жестокой, что деревья поджигались от солнечного жара: в общем, этот год, можно сказать, был началом века гнилостных злокачественных заболеваний, - века, изобилующего грандиозными явлениями, влияющими на жизнь человека в целом. В 1501 году эпидемический мор, как рассказывает Луис Лобера де Авила, появился в Барселоне; он начался примерно в середине октября и распространился по разным частям Испании. Болезнь, согласно суевериям того времени, объяснялась небесным влиянием. В этот период было открыто использование гваякума, или святого дерева, для лечения венерических заболеваний: в 1517 году оно было завезено в Италию, где о его пользе впервые узнал испанский пресвитер. Чума снова посетила Барселону и сильно подорвала ее торговлю. Вице-король Сицилии запретил ввозить суда, прибывающие оттуда.

В 1504 году Китай почти полностью опустел от моровой язвы. В Ирландии также была большая смертность от эпидемических заболеваний; чума в тот же период свирепствовала в Испании, в которой 5 апреля произошло сильное землетрясение, причинившее много бед, особенно в Андалусии. Примерно в тот же период в Лиссабоне произошел страшный толчок,

который продолжался восемь дней, разрушив несколько церквей и более 1500 домов, под развалинами которых погибло до 20 000 человек. Несколько соседних городов были поглощены вместе с огромным количеством их жителей. В следующем году наблюдались две кометы. По всей Европе свирепствовала пятнистая лихорадка, а в Лиссабоне свирепствовал мор.

Летом 1505 года потливая болезнь снова подняла голову в Англии; болезнь впервые вспыхнула в Лондоне: она была в гораздо более мягкой форме, чем та, что преобладала в 1485 году; она исчезла к концу осени и, похоже, ограничилась Англией: здесь во время этого мора не наблюдалось никаких примечательных явлений; однако в других частях Европы все было иначе. Лето было влажным, а последующая зима - суровой; в этом и следующем году наблюдались кометы, а также произошло извержение Везувия.

1506 Г. Н.Э. С 15 по 26 января с юго-запада дул сильный шторм, который изгнал короля Кастилии Филиппа Австрийского с его супругой Джоанной из Нидерландов в Уэймут; а поскольку за несколько дней до этого золотой орел, упавший с церкви Святого Павла в Лондоне, раздавил черного орла, украшавшего какое-то нижнее здание, в народе распространялись дурные предсказания относительно судьбы этого сына императора.

В 1507 году Испания сильно пострадала от моровой язвы, пишет дон Мигель Мартинес де Лейва, - особенно Барселона, о которой можно сказать, что она едва ли когда-либо была свободна от моровой язвы. В дневнике Рамона Вилы говорится, что мор достигал своего апогея в апреле, мае, июне и июле. 14 августа губернаторам Сицилии и Майорки были направлены письма, в которых сообщалось, что в связи с прекращением моровой язвы в Барселоне королевская семья и дворянство вернулись в город. Португальский врач Педро Байро, имевший большой опыт работы в иностранных государствах, о котором упоминает дон Николас Антонио, написал труд под названием "*Novum ac perutile Opusculum de Pestilentiâ et de Curatione ejusdem per utrumque regimen, præservativum, scilicet, et curativum*". Turin, 1507. В этом и следующем, 1508 году, упоминаются стаи саранчи в окрестностях Севильи; фактически, как сообщается, они заволокли Испанию. Затем последовали эпидемии моровой язвы, особенно в Кадисе. Константинополь был почти обезлюдел от моровой язвы, которая не щадила ни возраст, ни пол. Германия также страдала от эпидемического энцефалита и злокачественной пневмонии.

В 1510 году по всей Европе распространился жестокий катар; во Франции он назывался "коклюш" (монашеский колпак), из-за практики покрывать голову больного колпаком, чтобы защитить его от воздуха, который считался очень вредным при этой болезни. Это заболевание было настолько массовым во Франции, что, как уверяют историки, лишь немногие жители спаслись от него. - В 1511 году в Вероне свирепствовала чума, а в 1513 году - злокачественная дизентерия. - В 1515 году Испанию вновь охватила эпидемия моровой язвы. В Дании произошло сильное землетрясение, которое обрушило шпиль большой церкви в Копенгагене и причинило много вреда.

Потливая болезнь вновь заявила о себе в 1517 году в Англии, вспыхнув в переполненном бедняками Лондоне. Из-за нехватки ремесленников в это время в Лондон эмигрировало большое количество иностранцев из Генуи, Ломбардии, Франции, Германии и Голландии, которые занимались самыми прибыльными видами деятельности. Это обстоятельство, по-видимому, усилило распространенные бедствия низших слоев населения, и последовало большое восстание английских артизанов. Однако народное волнение было вскоре подавлено без значительного ущерба, а Генрих VIII в торжественный день, назначенный в Вестминстере для вынесения приговора заключенным, задержанным по случаю бунта,

даровал им помилование, так как разобрался в причинах их недовольства, и вскоре после этого издал ограничительные законы об иностранцах. Высшие классы не избежали этой напасти; их ряды поредели, и никакие меры предосторожности, казалось, не могли отвести смерть от их жилищ. Аммонius из Лукки, ученый с известной репутацией, личный секретарь короля, был умерщвлен после того, как за несколько часов до смерти похвастался сэру Томасу Мору, что благодаря умеренности и правильному управлению он уберег от болезни и свою семью, и себя. Лорды Грей и Клинтон стали жертвами этого недуга, как и многие рыцари, придворные и офицеры. Болезнь протекала так быстро и бурно, что уносила тех, на кого нападала, за два-три часа, так что первый же приступ дрожи объявлял о смерти; многие, кто был в добром здравии в полдень, к вечеру становились трупами. Эта болезнь достигла своего расцвета примерно через семь недель после своего первого появления и продолжала опустошать в течение шести месяцев. Многие ученые люди в Оксфорде и Кембридже были унесены этой ужасной болезнью, и это в то время, когда науки культивировались и процветали. Был посещен город Кале, и, что очень примечательно, никто, кроме английских жителей, там не пострадал; французы пользовались иммунитетом от болезни, которая даже не распространилась ни на какую другую часть Франции, - по крайней мере, нет никаких сведений о том, что она это сделала. В том же году Германию посетила мозговая лихорадка - эпидемический энцефалит. Землетрясение вызвало большие разрушения в Суабии. Другая болезнь, гораздо более важная, появилась в Голландии и продолжалась всего одиннадцать дней - считалось, что это эпидемический пищевод (дифтерит), и из-за своих опасных и необъяснимых симптомов она наводила ужас и страх на окружающих; она была настолько злокачественной и быстро протекала, что если помощь не была оказана в течение первых восьми часов, то больной терял всякую надежду на выздоровление до конца дня. Внезапные боли в горле, сильное сдавление в области сердца угрожали удушьем и в конце концов привели к нему". Из дневника Тенгиуса следует, что эта эпидемия распространилась на юг и в то же лето появилась в Базеле, где за восемь месяцев уничтожила 2000 человек. В это время оспа бушевала с огромной смертностью на Иберийском полуострове.

1518 г. Н.Э. Марселио Фичино в своем труде о чуме, написанном, согласно Халлеру, в 1518 году, описывает принятое лечение, заключающееся главным образом в прикладывании к карбункулам очков-купинга. В городе Каскенте, в королевстве Наварра, вспыхнула эпизоотия, вызвавшая большой урон среди лошадей расквартированных там полков; главной особенностью чумы были обширные апостемы на голове и горле, сопровождавшиеся неутолимой жаждой и гектической лихорадкой. Примерно во время землетрясений, которые произошли в Ксативе в 1517 году, эпидемическая болезнь преобладала во многих частях Испании: впоследствии она распространилась на город Валенсию и вызвала большую смертность в 1519 году. Государственные власти, из-за общего распространения болезни и связанной с ней смертности, удалились в Мурвьедро.

В 1521 году, в июне, были вознесены заупокойные молитвы в связи с ужасной моровой язвой, опустошившей Барселону. Чума свирепствовала и в Дрездене.

Последняя чума на Майорке, о которой пишет дон Винсенте Мут, случилась в 1523 году. От нее погибло огромное количество людей. Город Валенсия также пострадал от подобной напасти, которую приписывали атмосферному яду. В следующем, 1524 году, бубонная чума, как ее называли, свирепствовала с огромной жестокостью и унесла 50 000 жителей Милана. Чума свирепствовала и в городе Ксатива, а самый сильный мор, от которого когда-либо страдал город Севилья, случился примерно в это время и продолжался несколько лет.

В 1525 году н. э. потогонная болезнь, некоторое время свирепствовавшая в Англии, распространилась на другие части Европы и в течение пяти лет охватила Нижнюю Германию, Низкие страны, Голландию, Зеландию, Брабант, Фландрию, Данию, Норвегию и Францию. Эта болезнь была настолько стремительной, что, появляясь в любом месте, она захватывала 600 и более животных за день, а из этого числа, когда они были захвачены, редко более шести выздоравливали, настолько разрушительной она была. Обычно предполагалось, что причиной смуты является какое-то ядовитое свойство атмосферы.

В 1527 году Франко упоминает о моровой язве, разразившейся в Ксативе. Большое количество императорской армии Италии было уничтожено мором после разграбления Рима; он также унес тысячи людей в Вюртембурге. В этот период в Италии были распространены градовые бури. Кардинал Гастальди сообщает, что в следующем, 1528 году королевство Арагон посетила жестокая чума, причиной которой суеверно приписывали звон большого колокола Велиллы.^[1] В Лондоне свирепствовали смертельные лихорадки, которые осенью переросли в потливую болезнь: она проникла в Корк, в Ирландию и Италию. С этого периода (1528 г.) до 1534 г. было много страданий от голода, которому предшествовали сырость и сильная жара: неоднократно случались наводнения, а в Италии господствовали непрерывные летние туманы. Петехиальные лихорадки были очень губительны: французская армия перед Неаполем потеряла огромное количество людей от пятнистой лихорадки. Галантная болезнь" унесла, как говорят, четвертую часть населения Франции в этот период: эту болезнь приписывали стихийным нарушениям; весна была холодной, а лето влажным, так что растущая кукуруза была уничтожена, и следствием этого стал страшный голод по всей Франции, который был более мучительным, чем период нехватки во времена Людовика XI, из-за его длительного сохранения; ведь неурожай продолжался пять лет подряд, и в этот период весь естественный порядок времен года, казалось, был обращен вспять. Осенью и зимой царила влажная жара. Изменился ход всей растительности; едва деревья осенью сбрасывали листья, как они снова начинали распускаться, а фруктовые деревья - цвести. Болезнь протекала в виде сильной воспалительной лихорадки, которая приводила к летальному исходу в очень короткое время, часто в течение нескольких часов. Во многих случаях у выздоровевших людей выпадали волосы и ногти, а выздоровление было долгим и сильно пошатнуло конституцию. Эти симптомы, очевидно, совпадали с теми, что наблюдались при так называемой "лихорадке Денди", которая в более поздние времена преобладала во Франции и на Вест-Индских островах в 1828 году. В этот период на севере Германии наблюдались засуха, стаи саранчи и огненные метеоры.

В 1529 году н. э. в Англии разразилась эпидемическая моровая язва, унесшая жизни многих выдающихся людей. Современники сходятся в своих рассказах об ужасной погоде по всей Европе; зима, однако, была мягкой, и растительность особенно развивалась; в середине февраля в Эрфурте собирали фиалки: всю весну и лето держалась влажная погода; постоянные потоки дождя заливали поля, и беды и голод распространялись во всех направлениях. Проливной дождь, продолжавшийся четыре дня на юге Германии в июне, был назван "Торрентом святого Вита" и считался доселе невиданным событием; целые районы оказались под водой, и многие погибли от него. В августе снова разразилась вселенская буря, вызвавшая большие наводнения, особенно в Тюрингии и Саксонии: во второй половине лета и всю осень солнце редко показывалось сквозь темные тучи: за исключением нескольких удушающе жарких дней, погода оставалась мрачной, холодной и сырой, так что людям казалось, что они дышат туманным воздухом Британии. В Амстердаме появился жестокий возвратный мор: Тенгиус описывает ее как вспыхнувшую 20 сентября, во второй половине дня, во время туманного состояния атмосферы: она совершала большие опустошения в течение пяти дней, когда исчезла так же внезапно, как и возникла. В

различных частях германских государств заболели воздушные птицы; в окрестностях Фрейбурга, в Брейсгау, их находили мертвыми в большом количестве, разбросанными под деревьями, с нарывами размером с горошину под крыльями, что свидетельствует о болезни, которая, несомненно, распространилась далеко за пределы Рейна. Речная рыба по какой-то причине стала непригодной в пищу, и потливая болезнь вспыхнула в Гамбурге, где ежедневно погибало от сорока до шестидесяти человек. Этот мор продолжался в Гамбурге около двух недель, и 2000 его жителей пали его жертвами: затем он распространился по всей Германии; он преобладал в Любеке, Штеттине и в Цвикау. В Италии произошли землетрясения; в Кремоне выпал дождь цвета крови; в июле видели комету; на Балтике среди морских свиней свирепствовала болезнь. Голод в Германии в этом году описывается различными властями как ужасающий. Особенно пострадали Суабия, Лотарингия, Эльзас и южные районы, граничащие с Рейном: в этих местах бедствия были равны французским. На венецианской территории тысячи людей погибли от голода, как и по всей Верхней Италии. В Померании жители страдали от особого вида слабости или вялости: в разгар работы, без всякой мыслимой причины, у людей начинался паралич рук и ног, лишавший их способности к какому-либо усилию. Примерно в этот период в Брюсселе разразился мор, который называли "английской болезнью", и унес множество жителей.

ГЛАВА V. С 1530 ПО 1613 ГОД.

В 1530 году в Германии свирепствовала потная чума, а в Дании - эпидемическая цинга; через два года после этого различные части света посетили так называемые пятнистые или петехиальные лихорадки. В марте чума разразилась в Арагоне и в городе Сарагосса: Италия и Испания также страдали от гангренозной ангины. В октябре Тибр переполнился, а дамбы в Голландии внезапно прорвало наводнением, в результате чего было уничтожено много имущества и погибло множество людей.

1531 ГОД Н.Э. В этом и следующем году была замечена комета. В феврале разлилась река Тежу, уничтожив почти половину Португалии. За этим последовал мор, который опустошил несколько городов, особенно Лиссабон, как записал кардинал Гастальди.

В 1533 году королевство Арагон сильно страдало от нехватки кукурузы. В числе принятых превентивных мер была булла папы Адриана VI, направленная против перекупщиков. Несмотря на все принятые меры, недостаток продовольствия (даже то, что было, было плохого качества), чрезмерная жара и т. д. вызвали мор, который был очень смертельным, особенно в городе Уэска, и, как говорили, прекратился только благодаря заступничеству Девы *де лос Долорес*. В следующем, 1534 году, от чумы пострадал город Нарбонна. Эпидемическая болезнь свирепствовала в Корке, а также в Дрездене в 1535 году. Англия в следующем году пострадала от моровой язвы, которая продолжалась три года - 1537, 1538 и 1539. По всей Европе свирепствовала смертельная дизентерия. В последний год река Лия в Англии почти высохла, и мор унес огромное количество людей в ее окрестностях. Лето в Европе было таким жарким, что во многих местах леса самовозгорались. Юг Европы заполнили стаи саранчи, а в Венгрии во время войны с турками свирепствовала чума.

Знаменитый Руй Диас де Исла опубликовал в этом году (1537) одну из лучших работ, которые до сих пор появлялись о венерической болезни. Чтобы не обидеть ни один народ, используя

популярные названия, такие как французская болезнь, неаполитанская и т. д., он назвал свой труд "Трактат всех святых против змеиной болезни, пришедшей с испанского острова Испаньола; трактат, составленный в великом и знаменитом госпитале всех святых, в знаменитом городе Лиссабоне". Его автор, следуя распространенному в его время мнению, приписывает происхождение этой болезни Испаньоле, где туземцы называют ее "le llamaban, buainaras, bipas, taynas olías". Причина использования названия "змеиная" заключается в том, что болезнь считалась аналогичной нечистотам этой рептилии.

В 1541 году н. э. в Константинополе свирепствовал мор, унесший огромное количество людей. В следующем, 1542 году, тучи красной саранчи, прилетевшие из Турции, прошли над Славонией, Хорватией, Австрией и Италией и опустились в Испании в таком количестве, что уничтожили все зеленое. Примерно в этот период знаменитый Андрес Лагуна предложил для лечения чумы настой карлины (белого чертополоха), драхму которого после настаивания следовало принимать ежедневно.

В 1543 году эпидемический мор посетил город Мец, вызвав страшную смертность. Через два года после этого, в 1545 году, эпидемия моровой язвы, подобная той, что так широко распространилась в 1528 году, называемая "галантерой", появилась в различных частях Европы, убивая крепких и молодых людей; она была равна по ужасу и смертности моровой язве, которая во времена Моисея уничтожила первенцев Египта: болезнь впервые появилась в Савойе и на большей части Франции; она продолжалась до следующего года, 1546. Паре и фламандский врач Сандерс описывают симптомы этой болезни, которая, как и в 1528 году, сопровождалась выпадением волос и ногтей: ее приступ был быстрым и очень смертельным. Пациенты в самом начале страдали от непомерной тяжести в теле и сильной головной боли, которая вскоре лишала их всякого сознания; наступал ступор с расслаблением или потерей силы сфинктерных мышц: в большинстве случаев наблюдалась эрупция, о которой не упоминается в прежних вспышках болезни; Сандерс, однако, не указывает четко ее природу. В течение этого и следующего года в Булони от моровой язвы умерло 10 000 английских жителей. Бубонная чума появилась в Нидерландах.

В 1547 году н. э. проливные дожди затопили Тоскану. Чума свирепствовала по всей Европе, особенно в Англии, Голландии и Германии. Пострадал от него и город Дрезден. На севере Германии были замечены пятна плесени и красная вода. В следующем году мор продолжался в Англии, а также в Пруссии, вызывая огромную смертность в обеих странах. Королевство Мурсия страдало от эпидемической болезни, и, как это часто бывало раньше, возник вопрос, заразна ли эта болезнь или нет: мнения по этому поводу сильно расходились. Португалия в этот период также страдала от моровой язвы.

В 1549 году в Германии появилось огромное количество гусениц, которые уничтожили все травы; за ними последовал мор, особенно на севере, где от петехиальной лихорадки погибло огромное количество людей.

Эпидемический катар, а также дизентерия свирепствовали во Франции с 1550 по 1553 год. В разных частях Испании было много смертей, а в Валенсии свирепствовал мор: его приписывали воздействию испорченного зерна, которое было завезено для поддержки жителей этого города. Дон Педро Якобо Эстеве упоминает об этих обстоятельствах в своем комментарии под названием "В библиотеке Гиппократа secundum Epidemiarum seu popularium morborum Commentarium". Севилья также страдала от моровой язвы. Примерно в этот период в Лондоне произошел последний приступ потливой болезни; зловонные туманы впервые появились на берегах Северна, который был переполнен. 15 апреля 1551 года болезнь снова вспыхнула в Шрусбери, постепенно распространяясь по всей Англии в

виде зловонных туманов. В июле она достигла Лондона, где смертность была очень значительной: утверждается, что в городе Вестминстер за один день от болезни умерло 120 человек. Два сына Чарльза Брэндона, оба герцоги Саффолкские, были унесены ею. Эпидемия утихла примерно в сентябре в Англии, и было замечено, что это пятая и последняя потливая болезнь в этой стране.

Кайус (Джон) опубликовал свою "Книгу, или совет против болезни, обычно называемой потливостью, или потливой болезнью, очень необходимую для каждого человека и требуемую для того, чтобы быть в руках всех видов, для их лучшего обучения, подготовки и защиты от сомнительной болезни (1552)". Примерно в тот же период в Мессине свирепствовал смертельный мор, причем во многих случаях кровь вытекала из пор тела заболевших за три дня до смерти. Похожая болезнь преобладала в Париже; в действительности можно сказать, что эпидемический мор опустошал различные части Европы, особенно Венгрию, Трансильванию и т. д.

Сенертус сообщает нам, что мор охватил не только Европу, но и почти весь обитаемый мир. Весна 1551 года была сухой и холодной, а лето - влажным; отмечались наводнения, землетрясения, метеоры, насмешливые солнца, сильные бури и летние туманы: в Суабии преобладали злокачественные лихорадки, а в Испании свирепствовала эпидемия гриппа. В два последующих года злокачественные лихорадки охватили Германию и Швейцарию, в Дании свирепствовала цинга.

В 1555 году лето было жарким, шли проливные дожди: лихорадочные заболевания стали очень распространенными в Англии и Франции и с удвоенной силой распространились в течение последующего лета, которое также было чрезмерно жарким и сухим: чрезмерное буйство стихий и суровые времена года озаменовали этот период. Город Валенсия пострадал от эпидемии ветряной оспы. Дон Мигель Хуан Паскуаль, выдающийся врач, упоминает об этой болезни в своей работе "De Febre Pestilenti". Примерно в этот же период, по словам кардинала Гастальди, когда император Карл V вторгся на территорию Франции, мор уничтожил большое количество крестьян и испанских солдат.

В 1556 году н. э. целая провинция горной части Китая в одно мгновение была поглощена землей; все города с их жителями были погребены под руинами, а на их месте образовалось огромное озеро воды, которое сохранилось до сих пор. В этом году была замечена комета. Вена в это время страдала от эпидемического моровой язвы, как и Голландия в следующем году; болезнь продолжалась до 1558 года. Эта болезнь началась в форме гриппа в различных частях Европы, во Франции, Италии и Германии; Испания также страдала от ее жестокости, которая в некоторых странах была сильнее, чем в других, например во Флоренции и Тоскане. Во Франции преобладала злокачественная дизентерия, в Голландии - агус, в Испании - петехиальная или пятнистая лихорадка; последняя из названных болезней была столь же смертельна, как и настоящая чума. Испанский писатель Андрес Лагуна, врач Карла V, Филиппа II и Юлия III, написал работу об этой болезни (как и многие другие выдающиеся врачи) под названием "Краткое рассуждение о лечении и сохранении чумы" (*Discurso breve sobre la Cura y Preservacion de la Pestilentia*). При детальном изучении симптомов, описанных этими авторами, мы узнаем все признаки желчной ремиттирующей или желтой лихорадки, синохи и т. д., распространенной в наши дни и называемой "андалузской лихорадкой".

1557 Г. Н.Э. В этом году в Испании вспыхнула новая болезнь, как тогда считалось, которая почти обезлюдил полуостров: она продолжалась с большими разрушениями до 1570 года. Предполагалось, что эта новая болезнь появилась у сарацинов после Гранадской войны, то есть после того, как король Дон Фернандо де Арагон и донья Исабель, королева Кастилии,

завоевали город Гранаду. О том, что эта болезнь возникла у испанских арабов, известно из того факта, что все их распущенные солдаты передавали болезнь жителям городов и поселков, о чем рассказывает Луис де Торро в своей работе под названием "De Febre Punctulari" и т. д., к какому типу относится этот мор.

В 1558 году город Мурсия пострадал от моровой язвы, из-за которой епископы и главные жители покинули город. Эта смертельная эпидемия охватила все окрестности Мурсии и королевство Валенсия. Отцы-иезуиты взяли на себя как временную, так и духовную заботу о больных чумой. Многие из служителей пали жертвами болезни, среди них был знаменитый доктор Педро де Кабера, сын одноименного виконта, а также падре Марко Антонио Фонтоба.

Барселона в этот период также страдала от смертельной моровой язвы; она началась в январе и продолжалась до июля, когда прекратилась.

В 1563 году в Лондоне был большой дефицит кукурузы и других продуктов; в результате голода и болезней погибло 20 000 человек. Франция страдала от моровой язвы, а Барселону она снова посетила. Бургос - город, в котором погибли все преподобные отцы Общества Иисуса, совершавшие обряды над умирающими, - был почти опустошен чумой, как заметил Франко; в общем, многие европейские города в течение этого года в большей или меньшей степени пострадали от эпидемических болезней; среди них Франкфорт, Магденбург, Данцик, Гамбург, Висмар, Любек, Бостак и Дрезден.

В 1564 году эпидемия в виде смертельной хвори и пятнистой лихорадки охватила различные регионы Европы. Барселона снова пострадала от моровой язвы, которая разразилась в июне и продолжалась до ноября. Город Сарагосса также страдал от жестокой эпидемии с мая по декабрь, за это время только в городе умерло 10 000 человек: предполагалось, что болезнь была занесена из Франции с помощью одежды людей, умерших там от этой болезни. Доктор Порсель, который добился значительных успехов в лечении этой болезни, написал труд о ней и посвятил его дону Филиппу II; он был озаглавлен "Информация и лечение сарагосской чумы, и защита от чумы в целом, пор Хуан Порсель Сардо, доктор медицины, Сарагоса". Симптомами этого заболевания были: сильная цефалгия, бессонница и бред, рвота желчью, сильная жажда, тошнота, сопровождаемая болью в животе: вскрытие не выявило ничего особенного в гуморах; желчный пузырь был чрезвычайно велик и наполнен черной вязкой желчью, иногда, однако, он оказывался пустым. Кожа была желтоватой, и такой же оттенок наблюдался внутри.

В 1565 году во Франции разразилась эпидемия моровой язвы, в ходе которой кровотечение, как говорят, стало смертельным для многих; болезнь свирепствовала с большой силой в Лионе. Карл IX, спросив у своих врачей о наиболее разумном способе лечения, выразил свое неодобрение венероскопии. Севилья и другие части Испании страдали от подобной болезни, которая, однако, не была очень смертельной; говорят, что многие люди были обязаны своим спасением употреблению патоки, огромное количество которой католический король Филипп II послал христианскому королю Карлу IX. Шенкиус описывает этот мор как предшествовавший резкому морозу в декабре, а болезнь началась в январе: предполагается, что воздух был наполнен грубыми испарениями, что и послужило причиной этого недуга.

Виерус сообщает нам, что этот мор поразил все человечество; ему предшествовали оспа и корь; он оказался очень смертельным, обезлюдив города, среди которых были Константинополь, Александрия, Лейден, Лондон, Данцик, Вена, Кельн и все побережье верхнего Рейна, вплоть до Базеля. Болезнь сопровождалась опухолью желез на шее; это была обостренная форма хандры, которая в один день стала смертельной для многих. У

больных начиналась рвота, затем опухал язык, после чего они теряли речь и с трудом проглатывали что-либо, даже в жидком виде; вскоре наступало удушье и смерть.

В 1566 году на Коморре начался мор, названный по-латыни "Morbus Hungaricus" и "Lues Rannonica". Армия императора Максимилиана, ведущая боевые действия против турок, потеряла много тысяч человек от этой болезни. Симптомы болезни были следующими:

Она начиналась, как правило, во второй половине дня, ближе к вечеру, с холодного озноба, который через некоторое время сменялся сильным жаром и неутолимой жаждой, продолжавшимися несколько часов. Появилась боль в голове и животе. На второй или, самое позднее, третий день начался бред. Язык был сухим и черным, зубы покрыты налетом: некоторые сплевывали кровь, другие страдали от диареи. Страдающие обычно были покрыты пятнами, похожими на блошинные укусы, главным образом на груди. Задержка мочи считалась смертельным признаком. Подобная пятнистая лихорадка была распространена и в Париже в следующем, 1567 году, унося огромное количество людей; она свирепствовала во многих частях Европы и продолжалась три года: впоследствии она переросла в ужасный мор - настоящую чуму - и продолжалась четыре последующих года.

В 1568 году н. э. Севилью посетила эпидемия чумы. Доктор Андрес Замудио де Альфаро написал трактат об этой болезни, а также Франсиско Франко, уроженец Ксативы в королевстве Валенсия, врач его светлости короля Португалии. В своем труде Франко, ссылаясь на знаменитого поэта Аузиаса Марча, чьи произведения, по его словам, должны быть написаны золотыми буквами, приводит следующую цитату из него:

"Merge scient no te locas per joch

Com la calor no surt à part extrema

Lignorant veu que lo malat no crema

He jutial sa puix que mostra bon toch,

Lo pacient no podra dir son mal

Tot aflebit ab llengua mal diserta

Gest è color asats fan descuberta

Gart de la fan que tant com lo dir val."

В этом 1568 году море разрушило дамбы, и почти вся Фрисландия оказалась под водой. Семьдесят две деревни были затоплены, и более 20 000 человек погибли. Начался мор.

В 1570 году по всей Испании распространился эпидемический мор; он был схож с болезнями, которые преобладали несколько лет назад и назывались "febris diaria", а также с другой болезнью, называемой "sudorific fever", о которой говорит Луис де Топпо: "Nonne pestilens aliquando diaria et nostris diebus quædam appellata sudorifica visæ sunt, quarum nec nomen quidam prisci audierunt?". Это заболевание было завезено в Америку благодаря нашим торговым связям, и в городе Мехико оно сопровождалось большой смертностью. Доктор Франческо Браво, уроженец Оссуны, знаменитый врач, написал обширный труд на эту тему, озаглавленный "Медицинская опера" ("Opera medicinalia") в четырех книгах, посвященных дону Мартину Энрикесу. В течение этого года, 1570 г. н. э., в разных частях света свирепствовали эпидемии кори, эризипеласа, злокачественной лихорадки и т. д. 400

000 человек утонули в Голландии в результате наводнения, вызванного разрушением дамб. В Польше особенно смертельными были чума и злокачественная лихорадка в Базеле.

В 1572 году н. э. город Августа-де-Алемания посетил мор, о чем сообщает Агрикола. Дрезден страдал от чумы.

В 1574 году 14 ноября наблюдалось удивительное бореальное сияние. Чума, вызывавшая большую смертность, преобладала в различных частях Испании и Италии; в сентябре, октябре и ноябре того же года эпидемическая болезнь свирепствовала в Лондоне: она продолжалась в течение следующего года и преобладала в Вероне, Венеции, Африке, Леванте и Египте: она продолжалась в течение трех лет, до 1577 года. В том же году мор случился в Оксфорде из-за того, что некоторые заключенные были доставлены на суд в нечистом виде из-за плохого состояния камер: возникло зловоние, которое, как предполагалось, исходило от их лиц. Некоторые из судей и заседателей, среди которых был Роберт Белл, лорд-главный барон, и многие присяжные, а также верховный шериф, умерли; с 6 по 12 июля, как сообщается, от инфекции умерло 510 человек: впоследствии это было названо "черными присяжными". Симптомы болезни описывались как сильная боль в голове, сопровождающаяся бредом, расстройством живота и общим упадком сил. Одни считали, что болезнь возникла из-за заключения заключенных в тюрьму и что, хотя сами они не страдают от нее, она передается другим через заражение: другие полагали, что болезнь ни в коем случае не заразна.

Суд проходил во дворе замка, на небольшом расстоянии от реки Изиды, берега которой низкие. Замечено, что в это время стояло сильное влажное дыхание или туман, а погода была очень жаркой и знойной. Лекари не могли дать название этой болезни: хотя она и не казалась им настоящей чумой, она была столь же разрушительной, как и тот мор, которым обычно болеют.

В 1579 году лето было влажным и дождливым, и его сменил холодный сухой северный ветер; зима была открытой и зябкой. Эпидемический катар охватил всю Европу: начавшись в Сицилии, он проявился в Италии, Венеции и Константинополе, заразил Венгрию, Богемию и Саксонию, а затем воцарился в Норвегии, бушевал в Швеции, Польше и России. Симптомами болезни были: сильная лихорадка в течение нескольких дней, обычно четырех или пяти, с болями в голове и груди, сильный кашель, заканчивающийся обильным потоотделением. В Риме от нее умерло 4000 человек, в Любеке - 8000, в Гамбурге - 3000; в других местах эпидемический мор унес огромное количество людей. В то время как этот смертельный катар опустошал Европу, в Большом Каире началась одна из самых разрушительных чум, когда-либо известных. Проспер Альпинус сообщает, что число умерших с ноября 1580 года по июль следующего года, то есть за восемь месяцев, составило 500 000 человек. Часто отмечалось, что эпидемии ангин, катаров, кори и т. д. обычно предшествуют сильным и разрушительным чумам или морам, - этот факт часто отмечается и в наши дни. Ужасной холере 1817 года и последующих лет предшествовал грипп и т. д. Ибо конституция сезонов, которыми вызваны эти болезни, усиливается в своей вредоносности и силе при повторном накоплении особого яда, и это, следовательно, вызывает высшую градацию болезни, мор или чуму, - все эти бедствия по существу схожи, различаясь только по внешнему виду в зависимости от климата, сезона и т. д., а также от продолжительности и энергии различных действенных причин. В этом году чума свирепствовала в Марселе.

В 1580 году н. э. была замечена комета. В августе в Испании разразилась эпидемия катара, которая с такой силой свирепствовала в Мадриде, что почти обезлюдил город. Вариола

распространялась в основном среди детей, и в Севилье она оказалась смертельной. В следующем году этот город страдал от чумы.

В 1582 году эпидемический мор распространился в разных частях Испании; сильно пострадал Кадис. Доктор Хуан де Кармона, знаменитый врач и философ, написал труд об этой болезни, озаглавленный "Трактат о чуме и фебрилитете с пунктикулисом, *вульготным* табардильо" (Tractatus de Peste ac Febris cum puncticulis, *vulgò tabardillo*). В этом труде, посвященном инквизиторскому трибуналу Ллерены, автор попытался показать, что пунктикулярная лихорадка была неизвестна древним, и что кровотечение из руки было очень полезно при язвенной лихорадке: Он утверждает, что этим методом он лечил более 10 000 человек, и всегда с удачными результатами, если практика не была противопоказана из-за наличия бубонов, карбункулов, менструальных или геморроидальных потоков; он не нашел знаменитый безоаровый камень столь эффективным, как его представляли, хотя он был в большом почете среди практиков Севильи и других частей.

В 1582 году н. э. в Перу произошло землетрясение на расстоянии 500 лиг, через некоторое время после того, как был свергнут город Арекипа. В следующем, 1583 году в различных провинциях Испании продолжался мор, сопровождавшийся карбункулами, ангинами и т. д. Франциско Валлес говорит о проказе в своей работе под названием "De iis quæ scripta sunt phisice in libris sacris, sive de sacra philosophia". Чума, голод и война уничтожили множество людей в этом году во Фландрии, эпидемический мор опустошил Моравию, свирепствовал в Лондоне, Германии и Голландии. Египет и Рим также страдали от голода и болезней.

В 1585 и 1586 годах зимы были суровыми, а лето - сухим и жарким; наступил голод; за ним последовали всеобщий катар и эпидемия чумы, охватившие всю Европу. Чума свирепствовала в Нарве и Ревеле, в Лифляндии, в Финском заливе, на 59° северной широты: в Ревеле умерло 6000 человек. Туанус считал, что болезнь возникла из-за последствий войны и неблагоприятных погодных условий - "a belli incommoditationibus et cœli inclementiâ". В архиепископстве Толедо вспыхнула оспа: болезнь была примечательна тем, что почти все заболевшие были стариками, по словам Андреаса де Леона; "en su practico de morbo Gallico". Чума свирепствовала в Дрездене в оба эти года. 9 июля последнего 1586 года произошло сильное землетрясение, которое потрясло Лиму и прошло 170 лиг вдоль побережья и 50 лиг по горным районам.

В 1587 году в Мадриде вспыхнула эпидемия оспы: за короткое время от нее умерло 5000 человек и более. В два последующих года, 1588 и 1589, появился мор, подобный тому, что был в 1583 году, и продолжался три года: он произвел ужасающие опустошения в Севилье и ее окрестностях. В последнем году чума воцарилась в Барселоне и продолжалась с июня по декабрь; предполагалось, что она была завезена из Франции.

1590 ГОД Н.Э. В этом году во время правления Филиппа II была замечена комета. Город Вальядолид подвергся нападению петехиальной чумы. Знаменитый Франсиско Валлес де Коваррубиас в лечении этой болезни полагался главным образом на местное истощение с помощью кукольных очков. В этом году среди итальянских врачей разгорелся спор о пользе волдырей при лечении чумы, которая там преобладала.

Летом 1592 года стояла сильная засуха, а осень была знойной и переменчивой. Река Темза перешла в брод в Лондоне, и эпидемия чумы уничтожила 18 000 человек в этом городе. От нее пострадали и другие части Англии, особенно Шропшир, где она была очень смертельной. Город Дрезден страдал от чумы в этом и предыдущем, 1591 году.

В 1593 году на острове Мальта свирепствовала чума: в следующем году город Севилья посетил мор, который, по свидетельству Розелла и Безона, продолжался четыре года подряд, 1594-97. Мор также свирепствовал во многих провинциях Испании, особенно в 1596 году. Наблюдалась комета.

Злокачественные лихорадки преобладали в Англии в эти периоды, и Лондон был опустошен мором в 1599 году, а также Личфилд, Лестер, Кендал, Карлайл, Пенрит и Ричмонд. Пегу в Азии в том же году почти обезлюдел из-за голода и болезней. Константинополь пострадал от моровой язвы: семнадцать принцесс, сестер султана Махоммеда, были унесены, три умерли в один день. Смертельный мор уничтожил много скота в Италии, а чума унесла 70 000 жителей Лиссабона и Испании.

В 1600 и 1602 гг. в Московии погибло огромное количество людей; по некоторым данным, от голода и чумы умерло 500 000 человек, а в Ливонии, как говорят, было унесено 30 000. В последнем, 1602 году, лето и зима были холодными и сухими. Катары и острые лихорадки эпидемически поражали человеческий род; в течение нескольких лет царил сильный голод, урожай не удавался несколько лет подряд. В Московии чума свирепствовала три года; родители пожирали своих детей, а кошки, крысы, собаки и т. д. также использовались в пищу: все узы природы, казалось, были забыты во время этих ужасных страданий; сильные побеждали слабых, и человеческая плоть выставлялась на продажу на рынках. Множество людей были найдены мертвыми, их рты были набиты соломой и другими нечистыми веществами. Священная история дает нам подобные примеры убожества: родители пожирают своих детей (2 Царств vi.); это произошло во время осады Самарии Бен-Хададом, царем Сирии (стихи 28, 29): "И сказал ей царь: что с тобою? И она отвечала: эта женщина сказала мне: дай сына твоего, чтобы мы съели его сегодня, а сына моего съедим завтра. И мы сварили сына моего и съели его, а на другой день я сказала ей: отдай сына твоего, чтобы мы съели его; и она спрятала сына своего". Подобные бедствия происходили при осаде Иерусалима Навуходоносором (Иез. 10).

Примерно в этот же период, в 1600 году, город Гранаду посетили эпидемии моровой язвы, которые были очень смертельными; Фернандо Бустос приводит их описание. Галлисия страдала от эпидемической оспы.- В 1601 году н.э. чума посетила город Севилью; она унесла многих представителей высшего сословия.- В 1602 году, в середине марта, в Севилье разразилась эпидемия чумы. 1602 г., в середине марта, в городе Хаэн разразился мор; основными симптомами были признаки настоящей чумы, сопровождавшиеся пузырями и опуханием желез; вскоре этот мор распространился на Севилью, Мадрид, Вальядолид, Бургос, Сарагосу, Толедо, Кордову, Малагу, Велес, Экиху, Антекеру, Гранаду, Андухар и другие места.

В 1603 г. в Англии свирепствовала чума; от нее погибло 36 000 жителей Лондона. Похожий мор свирепствовал в Париже, продолжаясь три или четыре года и унося еженедельно 2000 человек в течение некоторого времени. Врачи предполагали, что этот мор был завезен в Лондон, несмотря на ненастное время года, голод и болезни среди скота, бессловесных животных и даже собак. В следующем, 1604 году, пунктикулярная лихорадка распространилась и свирепствовала с большой силой по всей Испании, поражая и старых, и молодых; никто не спасся. 1605 г. н.э. различные части Испании были поражены эпидемическим мором, особенно Арбусиас, где он был очень смертельным.

1606 Г. Н.Э. В этом году эпидемический мор охватил всю Европу и продолжался несколько лет после этого; он распространился на Америку, где напал на компанию эмигрантов, отправленных Джорджем Попхэмом, которые обосновались в местечке в Америке под

названием Сагадахо, поскольку король Яков выдал патент некоторым лондонским купцам на создание там поселения. Хатчисон, Перчас и Горджес в своих историях Новой Англии и Массачусетса описывают это злополучное приключение. Различные провинции Испании страдали от бубонной моровой язвы, которая была примечательна тем, что в основном распространялась среди детей; большая смертность от нее наблюдалась в Барселоне.

Примерно в это же время смертельный мор разразился на флоте сэра Томаса Гейтса и сэра Джорджа Сомерса, которые направлялись в Виргинию в Америке. Это была пятнистая лихорадка, с желтизной кожи, сопровождаемая желчной рвотой, кровотечениями и т. д., - симптомы, характерные для желтой лихорадки в наши дни. Она бушевала с интенсивностью, равной настоящей чуме: ей предшествовала плохая погода и штормовой ветер, продолжавшийся четыре дня, чего, при переполненности кораблей, было достаточно, чтобы объяснить все их страдания. Судно, на котором находился сэр Джордж Сомерс, потерпело крушение на острове Бермуды, где сэр Джордж умер от моровой язвы. Погода в этот период в Англии была очень ненастной: проливные дожди и наводнения на Севере затопили страну вокруг Бристоля: вскоре эпидемия моровой язвы последовала в Сомерсетшире и Норфолке. В этом году была замечена комета.

1609 г. н. э., в июле, мор разразился в городах Читаро, Потрасо, Кагельнуово, Падуйа и других местах Венеции и Албании - фактически, по всей юрисдикции Пагузы. В августе мор распространился на Севилью.

В 1610 году чума появилась в предместьях Гранады, куда вскоре распространилась, вызвав огромную смертность. В следующем году она распространилась в различных частях Испании, а Константинополь ужасно пострадал от моровой язвы примерно в то же время; она унесла 200 000 жителей. "Такие тучи, или стаи, кузнечиков, - говорит Шорт, - так изводили их город и страну, что затмевали солнце и не оставляли ни одной зеленой травинки или листочка во всей стране; они проникали в спальные комнаты; они были почти такими же большими, как дормис, и имели красные крылья". В следующем, 1611 году, Гелениус в своем рассказе о чуме, свирепствовавшей в Гессене и других частях Германии, за которой последовал большой мор среди свиней и скота в 1612 году, пишет, что внезапно появилось удивительное количество пауков; стаи саранчи опустошили растительное царство в Провансе, бури уничтожили большое количество судов в море, множество мертвых тел дрейфовало на английских берегах, а также на берегах Голландии, а одна провинция под властью Франции была почти уничтожена наводнением. Лето в Англии выдалось жарким и сухим, и злокачественные лихорадки унесли огромное количество людей.

В 1613 году эпидемии моровой язвы распространялись в разных частях Франции; в Монпелье была злокачественная лихорадка, сопровождавшаяся синюшными пятнами и карбункулами. Ривериус утверждает, что одна треть заболевших умерла. В Лозанне, где мор свирепствовал с большой силой, было такое обилие мух, какого не помнят никогда прежде, - "*tanta ubique fuit muscarum copia, ut post hominum memoriam vix similis visa fuerit.*" (Хильданус.) Чума свирепствовала и в Константинополе, где врачи, полагая, что кошки распространяют заразу, посоветовали императору Ахмету I перевезти их на необитаемый остров Скутари. Испания в этом году страдала от злокачественной ангины, которая свирепствовала с такой силой, что считалась более смертоносной, чем в год *гарратильос* (хинси). В следующем году зима была очень суровой, лето - холодным и влажным, а осень - переменчивой. Смертоносная оспа опустошила Крит, Александрию, Калабрию, Турцию, Италию, Далмацию, Венецию, Германию, Францию, Польшу, Фландрию, Персию и Азию; она также с большой силой свирепствовала в Англии. В некоторых из этих стран также была распространена корь. Смертность от натуральной оспы в тот период равнялась смертности от чумы в ее худшей

форме. Примерно в этот период сэр Хью Миддлтон впервые провел воду по Новой реке в Лондон.

ГЛАВА VI. ОТ 1616 ДО 1704 ГОДА Н.Э.

В 1616 году Германия сильно пострадала от эпидемий чумы. Через два года после этого в стране начались сильные бури, наводнения, извержения вулканов, метеориты и т.д., которые стали характерны для этого периода или сезона эпидемий. Злокачественная ангина преобладала в Неаполе: чума поразила Берген, Норвегию, Данию, Египет, Левант и многие другие места; а ужасный желтый мор, как в Северной, так и в Южной Америке, унес тысячи аборигенов (индейцев). Хатчисон утверждает, что племя Массачусетс в Северной Америке, состоявшее из 30 000 человек, сократилось до 300! Горджес пишет, что болезнь возникала летом и осенью в течение нескольких лет, начиная с 1618 года н.э. и заканчивая 1623 годом. Эту болезнь индейцы описывали как пятнистую гнилостную лихорадку, с язвами, желтизной кожи и глаз, кровотечениями изо рта и ушей. Эта болезнь, должно быть, имела внутреннее происхождение, поскольку не было известно ни об одном контакте с какой-либо частью этого нового континента; очевидно, она была эндемичной - желчной язвой.

В 1617 году н. э. в Каталонии (Испания) произошло страшное наводнение из-за продолжительных проливных дождей, во время которого погибло более 50 000 человек: в следующем году появилась комета. С этого времени и до 1623 года Мальта, Неаполь, Венгрия, Франция и Англия страдали от эпидемических заболеваний, таких как оспа, чума и т. д. В это время Севилью посетила гангренозная ангина, а в 1619 году многие места в Леванте пострадали от эпидемического мора. В 1620 году Антониу де Фонсека, португальский врач из города Лиссабон, написал работу под названием "Эпидемия febrili, grassante in exercitû Regis Catholici in inferiori Palatinato". В этом году случилась сильная снежная буря, которая продолжалась тринадцать ночей и дней; в одном из районов, Эскдейл-Мур, было уничтожено около 20 000 овец, и голод соединился с ней.

В 1622 году н. э. Лондон посетила эпидемия моровой язвы, продолжавшаяся четыре года. В первый год умерло 8000 человек, во второй - 11 000, в третий - 12 000, а в четвертый - 35 417. Примерно в этот период в Амстердаме также вспыхнула чума, продолжавшаяся, как утверждается, восемь лет. Мор был распространен во многих частях Испании. В июле Совет ста в Барселоне получил сообщение о том, что в Аргеле начался мор; в связи с этим были отданы приказы о запрете вывоза всех рабов и товаров, прибывающих оттуда.

В 1625 г. в Лондоне вспыхнула чума, которая с разной силой свирепствовала по всей Англии; только в Лондоне от нее умерло 30 000 человек. Эпидемические заболевания также распространились в Италии, Дании и Египте. В Испании произошли наводнения. В январе река Тормес вышла из своего русла, уничтожив скот и дома в Саламанке. Севилья также пострадала от разлива Гвадалквивира, а в следующем, 1626 году мор унес 60 000 человек в Лионе. Франция продолжала страдать от моровой язвы и в два последующих года.

В 1629 году эпидемический мор разразился в Нарбонне; он также свирепствовал в Амстердаме и в Кембридже (Англия), где свирепствовал смертельно: в то же время в Америке свирепствовал желтый мор, а в Марселе свирепствовала чума.

В 1630 г. княжество Каталония страдало от чумы в разных частях: Доктора Мас, Мокс и Розелл описали эту болезнь в своих трудах: ее симптомы были похожи на болезнь, которую мы сейчас называем андалузской лихорадкой, - желтую желчную лихорадку. В то же время город Гвадикс пострадал от моровой язвы пунктуального типа: она продолжалась там в течение двух лет и более. Гангренозная спорынья преобладала во многих провинциях Франции, как сообщает доктор Тулье, врач герцога де Сюлли, премьер-министра Генриха IV. Первым симптомом этого необычного заболевания было онемение ног, затем боль с небольшим отеком, лишенным воспаления, к которому быстро присоединялись холод, синюшность, омертвление и отпадение конечностей. Во многих случаях нос, пальцы, кисти, руки, ступни, ноги, бедра самопроизвольно сфакелизовались и отпадали. Следующий необычный рассказ о подобном заболевании, случившемся в семье из Уотлшема в Саффолке, был передан Лондонскому королевскому обществу и опубликован в его "Транзакциях" за 1762 год. Отчет был составлен Чарлтоном Волластоном, доктором медицины, профессором Р.С.: дело было так:

Джон Даунинг, рабочий из Уотлшема, в январе 1762 года имел жену и шестерых детей; старшая - девочка около пятнадцати лет, младшей было четыре месяца; в то время все были здоровы, как уверяли доктора Волластона сам мужчина и соседи. В воскресенье, 10 января, старшая девочка утром пожаловалась на боль в левой ноге, особенно в икре, которая сильно усилилась к вечеру. Вечером того же дня другая девочка (ее сестра), десяти лет, также пожаловалась на сильную боль в ноге. В понедельник мать и еще один ребенок, а во вторник все остальные члены семьи, кроме отца, страдали тем же самым. Боли были чрезмерными, так что все соседи были встревожены громкостью их криков. В большинстве случаев была поражена только левая нога, но в некоторых случаях болели обе ноги. Младенца отнимали от груди матери, как только он заболел, и он прожил всего несколько недель. Кормилица рассказала доктору Волластону, что он тоже, похоже, испытывал сильную боль и что перед смертью его ноги стали черными.

Dr. Расспросы доктора Волластона были очень незначительными; ему рассказали, что примерно через четыре, пять или шесть дней больная нога стала несколько менее болезненной и постепенно почернела, сначала покрывшись пятнами, как будто ее ушибли; затем началось поражение другой ноги, такими же мучительными болями, а через несколько дней и та начала мортирировать: через очень короткое время обе ноги были совершенно сфакелизованы: В большинстве случаев лечащему хирургу не требовалось ничего другого, кроме как просто распилить кость, при этом пациент практически не испытывал боли: отделение происходило, как правило, на два дюйма ниже колена; в некоторых случаях ниже, а в одном случае ноги отделились в лодыжках без хирургической помощи; в других случаях отделение было менее совершенным. У старшей девочки отнялась одна нога, а вторая была полностью сфакелизована, но хирург задержал ее удаление из-за большого абсцесса, образовавшегося под подколенными сухожилиями, сопровождавшегося отеком бедра. Правая нога матери оторвалась в районе лодыжки, а другая нога, очищенная до кости, была черной и очень жидкой, а то немногое, что осталось от плоти, было совсем гнилым и почти высохшим. Только у одного ребенка была спасена одна нога, но и то с потерей двух пальцев. Трое детей потеряли обе ноги, а еще один ребенок - обе ступни. Отец пострадал примерно через две недели после остальных членов семьи, но в более слабой степени: боль ограничилась двумя пальцами правой руки, которые почернели и засохли на некоторое время, но затем им стало лучше, и он вновь стал ими пользоваться.

Примечательно, что во время этого страшного бедствия вся семья, как говорят, выглядела в некоторых отношениях хорошо; то есть они сытно ели и даже хорошо спали, когда боль

начала стихать. Когда их осмотрел доктор Волластон, все они казались свободными от лихорадочных симптомов, за исключением уже упомянутой девочки, у которой был абсцесс на ветчине. Мать выглядела истощенной и почти не пользовалась руками. Остальные члены семьи казались здоровыми; один бедный мальчик, в частности, выглядел настолько здоровым и цветущим, насколько это возможно, и сидел на своей кровати, довольно весело барабанил своими культиками!

При расспросе выяснилось, что эта болезнь возникла от употребления хлеба из испорченной пшеницы. Другой рабочий, который ел тот же хлеб, страдал от онемения обеих рук в течение примерно четырех недель с 9 января: они постоянно были холодными, и кожа содралась с кончиков пальцев: один большой палец, по его словам, так и остался без чувствительности. Кормилица, которая жила с ними с самого начала болезни, не пострадала.

В 1631 году н. э. произошло извержение Везувия. Эпидемия эризипелатоза распространилась в разных частях Европы. В апреле в Испании был опубликован указ, запрещающий все сношения с Францией, где свирепствовал мор. В следующем, 1632 году, был опубликован аналогичный указ, запрещающий сношения с Нарбонной. Чума вспыхнула в Дрездене и продолжалась до 1637 года. В 1633 году н. э. Ньюкасл-апон-Тайн был затоплен; погибло много людей и было уничтожено много имущества. В следующем, 1634 году, чума свирепствовала в Ратисбоне, а в 1635 году эпидемический мор унес 20 000 жителей Лейдена; он также был очень смертоносным во многих частях Германии.

В 1636 году частые и обильные дожди вызвали эпидемические лихорадки летом и осенью в Барселоне и других частях Испании; чума свирепствовала в Лондоне, уничтожив 10 000 человек. Немигуэн сильно страдал от болезней. Эпидемический мор свирепствовал и в Египте, а также, согласно рассказу Джеммербрука, в Голландии и Дании. Константинополь с Натолией сильно страдали от болезней подобного рода. - В 1638 году в Соединенных Штатах, а также на побережье Южной Америки преобладали злокачественные лихорадки с оспой; новая болезнь, продолжавшаяся в течение десяти лет, поразила жителей, главным образом на побережье Сан-Андрес, Малаги, Пуэрто-де-Санта-Мария и Ксерес-де-ла-Фронтера. Пострадали от нее и многие внутренние провинции, такие как Бургос, Ньюто, Виана и другие города Наваретта. Сильное землетрясение произошло в Неаполе и на Сицилии; оно поглотило несколько городов и более 30 000 человек: это случилось в марте месяце. В следующем году в Англии был сильный мороз, который продолжался девять недель, начиная с 24 декабря. Лондон посетила эпидемическая чума тяжелого типа; подобная болезнь свирепствовала и в других частях Европы. - В 1640 г. многие районы Южной Америки, населенные испанцами, страдали от желтой чумы.

В январе 1642 года н. э. в Севилье шестнадцать дней непрерывно шли проливные дожди, и за это время Гвадалквивир вышел из берегов, уничтожив много имущества в Кастилии, а также многих жителей. Поселенцы Ньюхейвена в Соединенных Штатах Америки и жители берегов реки Делавэр страдали от моровой язвы в течение этого года. В следующем году город Бостон пострадал от эпидемической болезни, как и многие другие районы штатов. Злокачественная лихорадка вспыхнула в армии графа Эссекса, осаждавшей Рединг в Англии; пострадала и армия короля. В обеих армиях умерло большое количество людей, и в конце концов болезнь распространилась на Оксфорд и все деревни в радиусе десяти миль. Вначале болезнь напоминала гнилотный синохис; после середины лета она разбушевалась с еще большей силой и в значительно усугубленной форме; стали появляться пятна и гнойники, сопровождавшиеся сильным упадком сил; у многих были бубоны, как при

настоящей чуме. Во время собачьих дней болезнь рассматривалась и лечилась как легкая форма чумы.

В 1644 году н. э. в Мадриде вспыхнула эпидемия злокачественной болезни, вызвавшая огромную смертность. Дания и Англия также страдали от злокачественных лихорадок, за которыми следовала дизентерия. Предыдущее лето было очень жарким, к тому же шли сильные и частые ливни, а по ночам выпадали росы.

В 1646 году н. э. произошли наводнения в Голландии, Зеландии и Фрисландии. Землетрясения ощущались во многих частях света; в Чили несколько гор Анды одна за другой погрузились в землю. Примерно в этот период была замечена комета. В течение этого и двух последующих лет сильно свирепствовала саранча. Мор вызвал большие разрушения в Андалусии: чума свирепствовала в Лондоне, распространяясь на другие части королевства, особенно на Ньюарк, Стаффорд, и Тотнес. Примерно в то же время она стала причиной большой смертности в Ирландии. Эпидемический катар преобладал в Америке, поражая в равной степени голландских, английских и швейцарских колонистов. Желтая лихорадка свирепствовала в Вест-Индии, особенно на Барбадосе и Сент-Китсе; было подсчитано, что на этих двух островах погибло 12 000 человек. Различные районы Испании страдали от эпидемического мора в этот и последующие годы: город Валенсия пережил большую смертность от эпидемии; она носила настолько общий характер, что поражала и старых, и молодых.

В 1649 году эпидемическая оспа свирепствовала в Бостоне (Соединенные Штаты Америки); чума вновь посетила Лондон и Шропшир и была губительна в Ирландии. Испания ужасно пострадала в этом году, особенно в южных провинциях, где, как говорят, болезнь унесла 200 000 человек. Марсель также сильно пострадал. Этот год, по словам фразера Франсиско де Кабреры, был самым трагическим из всех, когда-либо известных в Севилье, по крайней мере с 1246 года; жестокость моровой язвы прекратилась примерно в мае, когда город представлял собой один целый госпиталь. Большая смертность наблюдалась также в Марбелье, порту на Средиземном море. Во Франции выдалось очень жаркое лето с сильными громами и молниями, которые причинили большой вред в Гиенне, Бурдо и других провинциях, поджигая сеновалы, амбары и т. д. Несколько членов парламента Экса были найдены мертвыми в своих постелях после бурной ночи с громом и молниями; а на следующий день крыша дома, в котором заседал парламент, обрушилась и убила нескольких членов.

В 1650 году зима была открытой, а весна холодной и влажной. По всей Европе свирепствовал тяжелый грипп, который сменился всеобщим мором в течение жаркого лета и осени. В Дании он протекал в форме агу, а во Франции - в форме воспалительной лихорадки. Эта эпидемия, довольно грозного характера, называемая некоторыми писателями "ignis sacer" и "fièvre St. Antoine", а французами "ergot", бушевала в этот период с большой смертностью в Сольне. Болезнь объяснялась не столько нехваткой пищи, сколько больным состоянием ржи. Она начиналась с вялости и слабости, затем следовали оцепенение, отеки и жгучий жар, мучительные боли в нижних конечностях, которые становились сморщенными и темными, а в конце концов - гангренозными. Однако есть основания полагать, что это заболевание было результатом недостаточного питания, доходящего почти до голода, а не из-за больного зерна. Низшие классы, как это обычно бывает, страдали больше всего. Мор также вызвал большие опустошения в России и Польше. Тучи саранчи были замечены в трех разных местах в первой стране: затем они распространились по Польше и Литве в таком поразительном количестве, что воздух потемнел, а земля почернела от их количества. Во многих местах их находили нагроможденными друг на друга на глубину *четырех футов*; в

других они покрывали поверхность земли, как черная ткань. Деревья согнулись под их тяжестью, а ущерб, нанесенный стране, не поддается исчислению.

Город Кармона был охвачен эпидемическим мором, как и соседние земли. Болезнь, охватившая Андалусию, вскоре распространилась с огромной смертностью среди населения Каталонии, Арагона и Валенсии. В феврале месяце Совет ста (Ciento) Барселоны был занят проблемой моровой язвы, опустошавшей Тортосу. В мае тот же Совет объявил Жерону охваченной мором. В следующем, 1651 году, город Уэска, а также Алькубьерре и большая часть населения Арагона пострадали от моровой язвы довольно грозного характера. Вскоре болезнь поразила и Барселону; она свирепствовала там с особой силой. Доктор Сальвадор написал труд, описывающий этот мор: он был озаглавлен "Краткое изложение болезни и чумы, в котором рассказывается о ее сущности, причинах, достоинстве, сохранении и очищении". 1652 г. н.э., была замечена комета.

1653 Г. Н.Э. В Жироне, ныне называемой Жерона-и-Остерлик, вспыхнул и свирепствовал мор. В следующем, 1654 году, эпидемическая болезнь вновь заявила о себе Англии, а также в Дании. В апреле она вспыхнула в Честере в Англии. Чума в этот период также свирепствовала в Турции, России, Пресбурге, Венгрии, Италии, Египте, Мальте, Сардинии, Лейдене, Риге и Амстердаме: только в Москве от нее умерло 200 000 человек, в Риге - 9000, в Амстердаме - 13 200, в Лейдене - 13 000.

Через два года после этого (1656 г.) в Неаполе от смертельной моровой язвы погибло 240 000 человек; в Беневенто - 9000, в Генуе - 10 000, в Риме - столько же, а в целом на неаполитанских территориях, как предполагается, погибло 400 000 человек. Кардинал Гастальди, говоря о моровой язве в Риме, утверждает, что это была одна из самых ужасных болезней, от которых когда-либо страдал Рим. Тот же автор превозносит меры предосторожности, принятые испанцами и португальцами. Франко, врач из Кармоны, в своей работе под названием "Elysium jucundarum Quæstionum Campus medicis imprimis utilis" превозносит как великие алексифармы свойства единорога и безоарового конкремента.

Весной 1658 года по всей Европе разразился эпидемический катар, который осенью перерос в злокачественную лихорадку: она стала причиной огромной смертности в Англии и Франции, где время года было очень беспокойным. Эпидемические заболевания в этот период были распространены и в Северной Америке. Лихорадка, которая преобладала в Англии, была особого рода - пагубная перемежающаяся: она была всеобщей и бушевала с такой же разрушительной силой, как и чума. Подобная болезнь, как сообщает нам Мортон, продолжалась в течение нескольких лет до чумы 1665 года. От нее умер Оливер Кромвель, а Мортон утверждает, что его собственный отец также погиб от нее, и что он сам и вся его семья были заражены. "Matrem pientissimam, fratres, sorores, servos, ancillas, nutrices conductitias, quotquot erant intra eosdem nobiscum parietes, ac fere omnes ejusdem ac vicinorum pagorum incolas, hoc veneno infectos et decumbentes vidi." Далее он говорит, что наступившие после этого холода несколько сдержали болезнь, но семена ее, похоже, не были уничтожены, так как она продолжала проявляться в других формах: "durante enim brumâ, intermittentes quartanas, tertianas, quotidianas, ab ejusdem veneni mitiore gradu oriundas, fere æque epidemias videre erat ac in autumnno συνεχέας seu remittentes; neque mehercule sæviante gelu penitus defecerunt istæ febres continentes. Atque equidem hancce febrem hoc pacto sub typo συνεχέας præsertim simplicis et legitimæ, quotidianæ scilicet, vel tertianæ, maxime vulgarem fuisse, et tempore autumnalis plus minus epidemiam, usque ad annum 1664 observavi." Он также сообщает нам, что в течение двух лет, непосредственно следовавших за великой чумой, дизентерия была очень частой; так что осенью 1667 года

"civitas fere universa hoc morbo correpta videbatur, atque singulis septimanis 345 plus minus fluxu et torminibus confecti fatis cedebant."

Именно в этот год (1658) в разных частях Европы наблюдались удивительные явления. Стояла самая бурная и ненастная погода, а в день смерти Оливера Кромвеля в Англии разразилась страшная буря, которая ощущалась по всей Европе и своей суровостью, казалось, угрожала всей природе.

Через два года после этого, в 1660 году, произошло извержение Везувия.

В 1661 году появилась комета, и в Чили вновь произошло сильное землетрясение: В том же году аналогичным образом пострадал Китай: только в Пекине было похоронено 300 000 человек.

В следующем году, 1662 г. н. э., в Англии была сильная засуха; источники высохли, реки были очень мелкими, а среди скота царил эпизоотия с большой смертностью: она носила довольно примечательный характер, будучи болезнью печени; маленький червь (энтозоа), особенно у овец, как говорят, охотился на печень, легкие и кишечник: Венецию также посетил мор, от которого, как говорят, умерло 60 000 человек. Пуэрперальная лихорадка была очень разрушительной в этом году в Лейпсике и Копенгагене.

В 1663 году н. э. в Англии свирепствовал сильный мор. Прославленный Сайденхем () наглядно описывает различные эпидемические заболевания, которые преобладали по всей Англии с 1661 по 1680 год. По его словам, воспалительные лихорадки и хвори в Лондоне были более частыми, чем когда-либо прежде. Летом 1664 года, в мае, была замечена комета и началась злокачественная лихорадка, которую во многих случаях невозможно было отличить от настоящей чумы; а в июне она значительно усилилась. Со 2 ноября истинная чума свирепствовала с силой и продолжалась с огромной смертностью в течение восемнадцати месяцев, вплоть до мая 1666 года. Среди признаков, предвещающих наступление чумы, отмечается, что птицы, дикие птицы и дикие звери покинули свои привычные места обитания, и лишь немногие ласточки были замечены. Летом 1664 года мух было так много, что внутренности домов кишмя кишели ими; муравьи плодились в огромных количествах, их можно было набирать с дорог в пригоршни; канавы были заполнены лягушками и различными видами насекомых.

Чума появилась благодаря семимесячной сухой погоде и западным ветрам: она началась в самых высоких частях Лондона, в приходе Сент-Джайлз-ин-Филдс, откуда быстро распространилась на Сент-Мартинс, Вестминстер, Хайгейт, Хэмпстед и Актон; все эти приходы и деревни вскоре были заражены.

"Болезнь, - говорит мистер Богхерст, практикующий врач, проживавший в метрополии в течение всего периода ее распространения, - сначала распространилась не полностью путем заражения, не началась только в одном месте и не распространялась все дальше и дальше, как разъедающая и распространяющаяся по всему телу болячка, а обрушилась на несколько мест города и пригородов, как дождь, еще в самом начале, - как St. Giles', St. Martin's, Chancery Lane, Southwark, Houndsditch, и некоторые места внутри города, как в Proctors' Houses." Богхерст далее утверждает, что "в этом 1665 году, когда чума свирепствовала так сильно, не произошло никаких изменений ни в одном элементе, растительном или животном, кроме тела человека, за исключением только времени года и ветров; весна была постоянно сухой в течение шести или семи месяцев вместе, дождей не было вообще, только небольшой ливень или два в конце апреля, что вызвало жалкий урожай сена весной: осенью был неплохой урожай, но все остальное было здоровым и здоровым, и

все виды фруктов, такие как яблоки, груши, вишни, сливы, виноград, дыни, капуста и т.д.; все корни, как пастернак, морковь, репа; все цветы и лекарственные растения были такими же обильными, большими, честными и полезными, и все зерно таким же обильным и хорошим, как всегда". Сообщается, что в этом году только в Лондоне чума унесла 68 596 человек. В 1665 году была замечена комета, а Оксфорд потрясло землетрясение. Сразу после большого пожара 2 сентября 1666 года, уничтожившего 13 200 домов, в городе была очень распространена смертельная дизентерия. В этот период чума поразила остров Мальта; желтый мор, или лихорадка, преобладал на острове Сан-Доминго, а также на многих других островах Вест-Индии; Голландия и Пруссия страдали от сильной эпидемической болезни, а в следующем 1667 году в Баварии свирепствовал милиарный мор; Испания страдала от эпидемического мора, от которого не избежала ни одна провинция: он вызывал огромную смертность и быстро приводил к гибели. Дон Педро Васкес, врач из Толедо, в своей работе под названием *"Morbi Essentia qui non solum per hanc insignem urbem Tolitanam, sed per totam Hispaniam sparsim grassatur, quem vulgus garratillo appellat, Apologetica Disceptatio; et ea quæ in curatione hujus morbi sunt animadvertenda."* описывает симптомы этой болезни как симптомы хандры, сопровождаемой злокачественной лихорадкой.

В том же году, 1667 г. н. э., Саламанка и Лиссабон пострадали от моровой язвы. Желтая лихорадка появилась в Соединенных Штатах Америки в 1668 году и была особенно разрушительной в городах Нью-Йорк и Филадельфия; в следующем году жителей Норвегии посетил мор в форме злокачественной кори, которая вместе с оспой была также распространена в Англии. Примерно в это время в Неаполе произошло страшное землетрясение, которое уничтожило огромное количество жизней и домов в Беневенто. Из руин был выкопан архиепископ, ставший впоследствии папой Бенедиктом XIII.

В 1670 году в Аквитании, Сольне и Галинуа вспыхнул гангренозный эрготизм; он продолжался до 1674 года, к тому времени распространившись на Монтагрис и окрестности.

В 1672 году, в декабре, на западе Англии прошел ливень, который превратился в лед, как только коснулся ветвей деревьев или чего-либо над землей, и, увеличивая размер сосулек, разрушил все своей тяжестью. Лед на веточке ясеня весом в три четверти фунта достигал шестнадцати фунтов. Дождь, выпавший на снег, тут же превращался в лед, не погружаясь в него, настолько сильной была холодная погода. Примерно в это время произошло странное явление; когда англичане ждали прилива, чтобы высадиться на побережье Шевелинга, их постигло разочарование: следующий прилив длился всего два часа, после чего наступил многочасовой отлив, который снова унес английский флот в море до возвращения прилива: таким образом, голландцы были спасены от вторжения, так сказать, чудом. В Испании царили бесплодие земли и эпидемии болезней. В мае Совету ста сообщили, что на границах Франции начался мор. В Венгрии свирепствовал милиарный мор, а в начале следующего, 1673 года, в Испании разразилась эпидемия жестокого характера, продолжавшаяся до 1684 года; Валькарсель описывает ее как третичный тип. В мае и июне болезнь протекала в легкой форме, но в августе, сентябре и октябре усилилась до такой степени, что уничтожила почти половину жителей Барселоны.

В 1675 и 1676 годах н. э. в Англии вновь вспыхнули вирулентные оспа и корь. В первом году (1675) 11 300 человек были унесены чумой на острове Мальта: эпидемия милиаризма была очень смертельной в Гамбурге, и, согласно Эскобару, жители города Картахена страдали от эпидемических терциевых лихорадок.

В 1677 году н. э. наблюдалась комета. В Мурсии и Картахене снова начался мор; тысячи людей умерли от оспы в Чарльстоне, штат Массачусетс, США, а чума опустошила многие

районы Европы. С этого года по 1679-й эпидемический мор охватил Испанию, и, согласно утверждениям нескольких историков, столицы Гранада, Кордова и Севилья сильно пострадали.

1678 ГОД Н.Э. В этом году также наблюдалась комета. В Гаскони произошло наводнение, когда вода в непомерных количествах хлынула струями со склонов соседней горы. Чума опустошила Алжир и Марокко. В следующем году смертельный мор свирепствовал в Вене, а также в Малаге и других частях Андалусии.

В 1679 году н. э. в Германии с июня по декабрь следующего, 1680 года, свирепствовали мор и голод: наблюдались две кометы. Дрезден страдал от чумы, а в Англии свирепствовала холера.

В 1681 году в Саутварке, на суррейской стороне Темзы, произошел сильный пожар, в результате которого было уничтожено 600 домов. Бронхиальная болезнь была распространена в Англии: смертельная ангина, которая приводила к смерти за двадцать четыре часа, свирепствовала в Италии, Польше, Швейцарии и Германии; в то же время петехиальная лихорадка преобладала в Дублине и в других частях Ирландии: Чума свирепствовала на острове Сардиния и в разных частях Кастилии; она также вспыхнула в городе Эсмирна и распространилась на Картагену, Мурсию и Оран, а вскоре после этого на Малагу, Антекеру, Гранаду, Морон, Ронду, Лусену, Андухар и другие районы, а затем на Ксерес, Санта-Марию и Кадис.

В 1682 году произошло извержение Везувия, и город Катания был разрушен землетрясением; также произошло извержение Этны, которое уничтожило 60 000 жителей. В этом году была замечена комета.

В 1683 году н. э. была замечена комета, и во многих частях Англии ощущались землетрясения. Зима была очень ненастной; и морозы на Рождество были настолько сильными, что река Темза замерзала ниже Грейвсенда в течение тринадцати недель. В Аргеле и других частях Берберии вспыхнули эпидемии моровой язвы. Зимы этого и последующих годов были самыми холодными из всех, когда-либо пережитых старейшими жителями Европы; лето было дождливым, а осень холодной: эпидемические болезни распространились по обоим континентам - Европе и Америке. Чума, по словам докторов Састре и Пуиса из Испании, охватила почти весь мир; город Вич сильно пострадал. Эпидемический мор также с особой силой свирепствовал на побережье Испании; венгерская лихорадка причинила много бед в Лейдене. Три последующих года лето было жарким и сухим; кузнечики заполонили Лангедок во Франции, а последующая осень была холодной и влажной. Злокачественные лихорадки были очень разрушительны в Европе и Америке.

В 1686 году н. э. Фрисландия была затоплена, тысячи людей и скота погибли. В следующем году землетрясение потрясло остров Ямайку и Лиму. В Йоркшире также произошло наводнение; скала заметно разверзлась, и вода была выброшена в воздух на высоту обычного церковного шпиля: наблюдалась комета. Желтый мор вызвал большую смертность в Вест-Индии, особенно на острове Мартиника, где его называли "сиамской болезнью", полагая, что он был завезен из этой страны.

1688 Г. Н.Э. В этом году в Европе и Америке были эпидемии катаров, плевритов и дизентерии; в последующие 1689-90 и 1691 годы мор свирепствовал с большой силой в Германии, Италии, различных частях Испании и в Соединенных Штатах Америки: в Америке ему предшествовала жаркая и влажная погода.

В 1690 году, примерно в начале июня, все бобовые и яровая кукуруза покрылись пятнами плесени; виноград и другие фрукты были уничтожены или стали непригодными для использования, а листья трав, кустарников и т. д. были съедены до стеблей различными насекомыми. В первые семь месяцев года и после осеннего равноденствия в Ломбардии выпало много дождей. "Все животные пострадали, - отмечает Рамаццини, - даже пчелы и шелкопряды погибли; цикады в этом году не пели; свиньи умерли от удушья, но наибольшие разрушения были среди крупного рогатого скота". Он применяет название "мор" к болезни, поражающей людей в сезон, который оказался таким смертельным для скота. Милиарная или потливая чума причиняла большие разрушения в Штутгарте, Дюссельдорфе, Эрфурте и Йене. Билиозная ремиттирующая или желтая лихорадка была распространена в Соединенных Штатах Америки; она свирепствовала с большой силой в Чарльстоне. Различные части Испании в этот период страдали от эпидемического моровой язвы, особенно Перпиньян и Беллагарди; болезни также свирепствовали в Италии. В этом году по всей Ирландии произошло сильное землетрясение.

В 1692 году лето было жарким и сухим, и 7 июня страшное землетрясение поглотило Порт-Ройал на Ямайке; Лима также пострадала от подобного толчка: 2000 жителей утонули в первом месте:

"Землетрясения, мучительные муки природы,
часто сотрясают изумленные острова".

Москиты и мухи плодились в огромных количествах, а желтая злокачественная или билиарная ремиттирующая лихорадка унесла 3000 жителей Порт-Ройала, Ямайка. В том же году желтая лихорадка оказалась очень смертоносной на Барбадосе и продолжалась несколько лет.

В следующем, 1693 году, землетрясение произошло в Англии, Франции и Германии; 60 000 человек из 254 000 жителей погибли примерно в тот же период от толчков на Сицилии.

В 1694 году произошло извержение Везувия, а Мессина была разрушена землетрясением. Эпидемический катар свирепствовал среди людей и лошадей в разных частях Европы. Моряки и войска под командованием сэра Фрэнсиса Уилера, отправленные на завоевание острова Мартиника в Вест-Индии, ужасно страдали от желтой чумы, которая в том же году свирепствовала в Соединенных Штатах Америки; жители Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии были унесены в огромном количестве: доктор Гэмбл странно описывает эту болезнь как новую; она называлась "новой смутой, или лихорадкой Кендалла" на Барбадосе, где она преобладала, вызывая большую смертность. Милиарная лихорадка вспыхнула в Берлине и продолжалась некоторое время: она была не очень смертельной.

В 1695 году н. э. среди американских индейцев вспыхнул мор. Жители острова Бермуды страдали от желтой лихорадки; в последующие годы аналогичная болезнь преобладала в Соединенных Штатах Америки, особенно в Коннектикуте, Нью-Гэмпшире и т. д.

В 1698 году была замечена комета. Испания снова пострадала от эпидемической болезни; она была очень смертельной в Сердене: Дон Мануэль де Альсивия написал работу, описывающую эту болезнь. Предполагалось, что болезнь была завезена в Южную Америку; различные части побережья сильно пострадали от этой моровой язвы, особенно Буэнос-Айрес, она распространилась на значительное расстояние, и Лима была почти обезлюжена ею; ибо она почти опустошила страну, не щадя ни испанцев, ни белых, ни креолов, ни мулатов, ни негров. Северная Америка также страдала от моровой язвы: в этот период

страшная болезнь поразила англо-американцев; жители Чарльстона и Филадельфии пострадали в следующем, 1699 году. В Китае произошло ужасное землетрясение, в результате которого было уничтожено около 400 000 человек. В этом году была замечена комета. Болезнь, поразившая англо-американцев, считалась похожей и такой же сильной, как эпидемия, опустошившая Барбадос несколькими годами ранее. Смертельный катар преобладал в Англии, а чума - в различных местах Леванта: Франция также страдала от язвенного катара и эпизоотии среди скота, особенно среди лошадей. Капмани описывает болезнь как билиозную чуму, которая в это время преобладала в Лиорне, Женеве, Сердене, Нарбонне и Нисме.

1700 Г. Н.Э. После смерти и в соответствии с волей Карла II, а также повинуюсь приказу Марии Терезии Австрийской, в Испанию был приглашен знаменитый и энергичный дон Фелипе VI. Гражданские войны, возникшие в результате этого, произвели большое опустошение и разорение в стране, и сменились эпидемией тяжелого типа: предполагается, что она возникла из-за развращенных и нерегулярных привычек солдат, состоявших из разных наций; ее форма была похожа на злокачественную экзантематозную лихорадку, сопровождавшуюся бредом. Эскобар говорит о том, что болезнь заразна. Пестиленциальная ангина, говорит Бруно Фернандеш в своих недавних наблюдениях, была настолько смертельной для детей, что в начале этого века лишь немногие избежали ее опустошения, и болезнь была во всех отношениях самой смертельной из всех, что встречались в течение долгого времени: она называлась милиарной или потной чумой в Бреслау; она была очень разрушительной для жителей острова Мило в Леванте. На севере Европы за ней последовала оспа. В течение последующих семи лет этого столетия эпидемический мор преобладал в различных частях света - Англии, Шотландии, Фрисландии, Соединенных Штатах Америки и т. д.

В 1701 году произошло извержение Везувия, а в следующем, 1702 году, родовой замок Борге, расположенный недалеко от Фредерикштадта в Норвегии, со всеми своими башнями и крепостными стенами погрузился в пропасть глубиной в сто сажений, и его место было мгновенно заполнено водой, которая образовала озеро длиной в триста эллинов и шириной в сто тридцать. Многие люди и около 200 голов скота погибли. Примерно в это время была замечена комета, а в следующем, 1703 году в Бостоне (Соединенные Штаты) свирепствовали оспа и скарлатина; в других штатах они сопровождалась лихорадкой самого злокачественного типа. В этот период наблюдалась сильная засуха; осень была знойной, с холодными сырыми ночами, северными ветрами и частыми ливнями; в Нью-Йорке вспыхнула желчная чума, которая оказалась более смертоносной, чем в любой другой предыдущий период; она была названа "великой болезнью". Во всей стране Фрайбург преобладал эрготизм. 26 и 27 ноября этого года в Англии разразилась страшная гроза, напугавшая все королевство; дома в Лондоне сильно тряслись, многие падали; вода поднялась на большую высоту в Вестминстер-Холле, а Лондонский мост был завален обломками лодок и т. д.; во время бури погибло четырнадцать военных кораблей с большим количеством моряков. Ущерб, нанесенный им одному только Лондону, оценивался в миллион фунтов стерлингов: в то же время Рим сотряснулся от землетрясения, а город Аквила в Неаполитанском королевстве был разрушен; многие тысячи людей были погребены в его руинах. В следующем, 1704 году, произошло извержение Везувия.

ГЛАВА VII. С 1705 ПО 1795 ГОД.

В 1705 году в городе Сеута разразилась эпидемия злокачественной лихорадки, которая свирепствовала с ужасающей силой, вызывая огромную смертность. При вскрытии, как сообщает дон Антонио де ла Лоча, протомедик армии, были обнаружены следующие признаки: "Кровь была свернута в желудочках сердца, особенно в правом, а также в нижней полости вены (в непосредственной близости от сердца); легочная артерия была так же свернута. В аорте кровь также была очень густой, но в умеренном количестве: легочные вены были почти пусты. Эти явления наблюдались не во всех случаях, так как в большинстве кровь была только сгущена, но не свернута; и причина этого различия, - замечает репортер, - зависела от большей или меньшей силы злокачественного фермента". В апреле в Тунисе разразился мор, в мае он атаковал Малагу, а в августе от его жестокости сильно пострадал остров Сердена.

В 1706 году была видна комета, а во многих районах Англии прошли грозы. В следующем году произошло извержение Везувия, и со дна моря в Архипелаге поднялся остров, окружностью в пять миль:

--- "Его рука формирует молнии,

Он вздымает старый Океан, и он окрыляет бури".

В 1708 г. в Ипсвиче и Харрогите разразилась сильная буря с громом и молниями. Всеобщий катар охватил всю Европу и Америку, за ним последовали язвенные лихорадки. Ланциск рассказывает, что подобная эпидемия возникла и бушевала с большой силой в Италии, главным образом в Риме: он описывает болезнь как начинающуюся с насморка, или корицы, сопровождаемую болями в конечностях, распространяющимися по всему телу, но ощущаемыми особенно в груди. Весной преобладали перипневмонии; озноб и вспышки внезапно охватывали людей и сопровождались сильным кашлем, отхаркиванием крови и мутной, скудной мочой; дыхание было затрудненным, и наблюдалась общая желтизна тела. В последующие годы, 1709, 1710 и 1711, различные части побережья Южной Америки страдали от гнилостной или желтой чумы, особенно на территории Бразилии; огромное количество людей, от мулатов до чернокожих, было унесено. Севилья и другие части Испании в этот период были охвачены страшным мором; он вызвал большое смятение среди жителей всей Андалусии. Знаменитый испанский врач, доктор Дон Диего Вильялон, был известен своими методами лечения. Чума или мор свирепствовала в Данцике; за год до этого в Севилье было отмечено огромное количество насекомых, особенно пауков. Этот мор продолжался еще некоторое время; фактически, пять последующих лет можно назвать знаменательными для общей и обострившейся эпидемической болезни по всей Европе. Рогатый скот и лошади, по наблюдениям, сильно страдали от эпизоотии. Только в Голландии, как сообщается, было уничтожено 300 000 голов крупного рогатого скота.

В 1709 году в Сольне вновь вспыхнул гангренозный эрготизм: четвертая часть урожая ржи была заражена спорыньей или шпорой. Примерно в этот период, памятный сильными морозами, эта болезнь появилась в кантонах Люцерн, Цюрих и Берн; в этих местах она также преобладала в 1715 и 1716 годах, а также четыре или пять раз в течение десяти лет эпидемически поражала Орлеан.

1710 Г. Н.Э. В этом году Копенгаген и многие районы Швеции страдали от потливой болезни: в Стокгольме ее жертвами стали 30 000 человек; сообщается, что в Копенгагене за шесть

месяцев от нее умерли 25 000 человек. Чума свирепствовала в Литве; а войска под командованием генерала Николсона, предназначенные для сотрудничества с английским флотом в освобождении Канады в Северной Америке, расположившиеся лагерем в местечке Вуд-Крик в провинции Нью-Йорк, были поражены эпидемической болезнью, которая унесла огромное количество людей.

В 1711 году н. э. в Италии и Германии среди крупного рогатого скота вспыхнула чума; предполагалось, что эта болезнь представляет собой разновидность сыпного тифа, но на самом деле это была, правильнее говоря, смертельная дизентерия. В следующем году, 1712 г. н. э., в Мюмпельгарте свирепствовал милярный или потливый мор. В том же году произошло извержение Везувия.

1713 г. н. э. Вследствие распространения оспы в Константинополе стали делать прививки: в следующем году в Англии разразилась смертельная эпидемия среди лошадей и рогатого скота, в результате которой было уничтожено 70 000 голов: предполагается, что причиной стали чрезмерная жара и засуха в летние месяцы: появилось огромное количество насекомых.

В 1715 году н. э. во многих частях Европы свирепствовали эпидемии оспы и кори, а в Соединенных Штатах Америки свирепствовала злокачественная желтая чума. Томас Хакет из Дак-Крика утверждает, что болезнь по интенсивности была равна той, что бушевала в Лондоне в 1665 году. Милярная лихорадка преобладала в Бреслау и в Турине.

В 1716 году страшная буря с ливнями, громом и молниями нанесла большой ущерб всей Англии. 6 марта в течение трех дней была видна бореальная аврора. Благородный город Агилар-де-Кампо, расположенный на берегу моря, страдал в это время от холодной и сырой погоды, и в марте вспыхнула эпидемия ветряной оспы, которая стала прелюдией к моровой язве, или квинке, продолжавшейся до декабря 1719 года.

В 1717 году произошло очередное извержение Везувия, и Фрисландия снова была затоплена. Половина провинции Гронинген была разрушена, а 2500 ее жителей погибли: это произошло 24 и 25 декабря. Пострадали различные части страны: вся Нижняя Эльба оказалась под водой, и, как утверждает, утонуло около 20 000 человек. С этого периода и до 1721 года, по словам доктора Казаля, преобладали южные ветры, стояла сухая холодная погода, которая внезапно сменялась сухой жарой, продолжавшейся несколько недель; после этого пошли обильные дожди, сопровождавшиеся частой сменой направления ветров. Осенью эпидемия желтухи стала настолько распространенной, что от нее страдала почти десятая часть населения Астурии. Чума в форме настоящей чумы унесла 80 000 человек в Алеппо. Дидье сообщил нам, что в этом году поля были бесплодны, а плоды плохи, так что бедняки, среди которых болезнь свирепствовала в основном в Марселе, почти голодали во время ее распространения. Господин секретарь Крэггс обратился к доктору Миду, чтобы тот посоветовал наиболее эффективное средство от чумы или ее профилактику.

1718 Г. Н.Э. В этом году появилась комета, и в Китае произошло сильное землетрясение. В следующем году наблюдалась бореальная аврора, высота которой, как предполагается, не превышала тридцати восьми миль.

В 1720 году Марсель посетила страшная чума, которая свирепствовала с огромной яростью. Чтобы ослабить болезнь, министры короля поручили дону Хосефу Форнесу, уроженцу Хосталь-Риша, отправиться в университет Монпелье, чтобы посоветоваться с врачами этого университета о лучших средствах профилактики и лечения. Все социальные привязанности исчезли, последствия были столь же ужасны, как и сама болезнь. Мужья и жены, родители и

дети, самые дорогие друзья и знакомые поспешили скрыться друг от друга, и исключительный эгоизм овладел каждым сердцем. Симптомы этого ужасного бедствия были разнообразны: дрожь часто сопровождалась учащенным пульсом, который вскоре сдавался под давлением. Температура кожи, как правило, была естественной, в то время как внутри ощущался жгучий жар и почти неутолимая жажда. Язык становился белым, речь запаздывала, глаза сверкали, лицо было красным или затекшим, а иногда синюшным; боли в сердце были частыми; тошнота и желчная рвота с послаблением кишечника и кровотечением всегда были фатальными симптомами. Наиболее характерным признаком болезни были пузыри в паху или под мышками, но они не всегда сопровождали болезнь, особенно если она быстро приводила к летальному исходу, как это было во многих случаях. Тулон, Экс и Арль также сильно пострадали от этой напасти: смертность оценивалась в одну треть всего населения! В округе Прованс, где население составляло 247 899 человек, погибло 87 659. Милиарная лихорадка была чрезвычайно распространена и смертельно опасна в кантоне де Брей, в Нижней Сене.

В 1722 году Порт-Ройал на Ямайке был разрушен в результате наводнения. В следующем году последовала смертоносная желтая чума. Хоффман, Шенкиус и другие авторы рассказывают об эпизоотии, которая в этом году свирепствовала в нескольких частях Испании. Примерно в то же время в Гранаде вспыхнула эпидемическая чума, гораздо более злобная, чем та, что имела место в 1706 году, сопровождавшаяся экзантематозными высыпаниями. Город Пласентия также был охвачен эпидемической лихорадкой, лучшим средством от которой доктор Морена признал стимулирующие средства, такие как вино и т. д. Прививка от оспы была введена в Англии в этом году леди Мэри Уортли Монтагу. Принцессы Амелия и Каролина были одними из первых, кто прошел курс лечения. Болезнь горла, сопровождаемая головокружением и болью в конечностях, преобладала в Лондоне и была смертельной для многих; корь была распространена в Америке.

Чума принесла много бед в Вене, Венгрии и на Востоке: она продолжалась в течение двух лет. Дизентерия свирепствовала в Верхней Саксонии, а спорынья - в Силезии.

В 1723 году желтая чума свирепствовала во многих частях Испании, особенно в городах на побережье. Лиссабон также страдал от моровой язвы, преобладающим симптомом которой была черная рвота. Милиарная лихорадка преобладала в Франкфорте на острове Мэн. Дон Винсенте Бойбид, знаменитый мадридский врач, опубликовал работу под названием "Краткая рефлексия о кризисе медицины, чтобы узнать, что такое коликовая лихорадка, с целью лечения постоянных и сильных мучений, которые могут возникнуть при помощи специфического антиколикового средства, которое действует в течение среднего часа: и в течение одного часа". Этот врач приписывал распространенную в Испании моровую язву употреблению фруктов и снежной воды. В следующем году в княжестве Астурия эпидемический катар распространился главным образом среди детей. Палермо был почти разрушен землетрясением; погибло 6000 человек. С этого периода и до 1727 года по всей Европе и Америке свирепствовали злокачественные лихорадки. Людовик, король Испании, умер в этом году от оспы, как и герцогиня Бедфордская. В последний год прививки стали делать преступникам.

В 1726 году н. э. в Гранаде был распространен ряд аномальных болезней, которые приводили к большой смертности. Проказа начала распространяться в городе Лебриха в Андалусии; она продолжалась до 1764 года. Примерно в этот период в сентябре сильное землетрясение потрясло Палермо, и в руинах было погребено до 6000 человек.

В 1727 году в Испании свирепствовала эпидемическая мания. Доктор Казаль упоминает, что она унесла многих членов Совета Пилона. Карфаген посетила моровая язва, подобная той, что царила в 1637 году.

В 1728 году в Испании разразилась эпидемия гриппа: Педро де Ротундис назвал ее "суфокативной катаррой". Желтая лихорадка была очень смертельной для жителей Чарльстона, Соединенные Штаты: ее называли "желчной чумой" из-за ее тяжести. Похожая болезнь унесла огромное количество жителей Картахены и Портобелло в Южной Америке: самым смертельным симптомом была черная рвота. Эта болезнь произвела большой переполох среди экипажей судов под командованием дон Доминго Хустиниани и галеонов под командованием Лопеса Пинтадо. Эпидемии моровой язвы свирепствовали в Польше, Австрии и Сибири. Остров Бурбон, как описывает дон Ульоа, был поражен чумой, как и Триполи, Дамаск и Алеппо. В Эдинбурге свирепствовала алая лихорадка, а в Англии - шинкаф. Примерно в это же время в Шамбери, Анси, Сен-Жан-де-Морьене (Савойя), в Карманьоле, Верчелли, Иврее и Бьелле свирепствовала миллиарная лихорадка, или потливый мор, сопровождавшийся большой смертностью. Семь последующих лет, 1729-1735, мор свирепствовал в Вене, Пиньероле, Фоссано, Ницце, Риволи, Асти, Ларти, Акви, Базеле, Силезии, Трасбурге (Нижний Рейн), Трино, Фреснезе (Нижняя Сена), Виме (Сена-и-Уаз), Орлеане (Луарэ), Плувье (Луарэ), Мо, Вильнёве, Св. Георгия (Сена и Мэн), Богемии, Дании, Швеции и России.

В 1730 году Темза поднялась на необычайную высоту и затопила Вестминстер. Землетрясение почти уничтожило весь Чили. Эпидемический мор начался в Кадисе; болезнь называли "негритянской рвотой" и предполагали, что она была завезена из Южной Америки; по крайней мере, так утверждает доктор Дон Франсиско Фернандес Наваретте: она распространилась во всех направлениях в различные части континента и продолжалась до 1738 года, в котором страшная дизентерия захватила побережье Малаги и Севильи, и, фактически, все морское побережье Андалусии. Во время распространения этой болезни в первую очередь страдали животные, особенно домашние; птицы, питавшиеся зерном, также сильно страдали, такие как домашние птицы, голуби и т. д. Многочисленные насекомые, которых испанцы называют "largostus", появились еще до начала этой эпидемической болезни.

В 1731 г., 29 июля, в Китае произошло землетрясение, а 20 марта Неаполь был так потрясен, что многие дома обрушились, и около 2000 человек были уничтожены.

В 1732 году в Лондоне за одну неделю в апреле умерло 1500 человек от моровой лихорадки; желтая лихорадка была губительна для жителей многих штатов Америки. В следующем году грипп охватил Испанию и многие другие части Европы. Сильно пострадал остров Майорка. Эта эпидемия породила множество прекрасных диссертаций, которые были опубликованы в городе Пальма.

В 1734 году н. э. землетрясение разрушило множество домов и пять церквей в Китае, и многие люди также погибли; оно произошло в августе месяце. В конце этого года, в октябре, по словам Альбрехта, в окрестностях города Кобурга на домашнюю птицу, особенно на гусей, напала эпидемия дизентерии с опуханием головы: они умирали с открытыми клювами.

A.D. 1735 г. чума уничтожила тысячи людей в Египте; различные эпидемии моровой язвы бушевали более десяти лет, поражая Францию, Англию, Шотландию, Ирландию, Голландию, Калабрию, Швейцарию, Новую Испанию, Алеппо, Танжер и Смирну; желтая чума, или лихорадка, опустошала Соединенные Штаты Америки, особенно города Нью-Йорк, Бостон, Чарльстон, Филадельфию и Олбани; она также распространилась на племя индейцев

Мохиган и была распространена в Вест-Индии: На Барбадосе она вызывала большую смертность. Зимой в Северной Америке, которая была холодной и влажной, от смуты, поражающей горло и органы дыхания, почти истреблялись маленькие дети.

В 1736 году низшие слои населения Севильи страдали от лишений и болезней, особенно в пригородных районах, в Сан-Роке, Кальсаде и Бернардо. В том же году эпидемический мор свирепствовал с большой силой в Гранд-Каире с 1 февраля по 12 марта: более 100 000 человек было унесено; 7000 хоронили ежедневно в течение нескольких дней. 24 декабря река поднялась на необычайную высоту. Лето этого года в Англии выдалось очень жарким, и рои мошек были столь огромны по всей стране, особенно в Солсбери в Уилтшире, что почти представляли собой чуму; они появлялись плотными тучами и поднимались выше высоты шпиля собора. Эрготизм снова вспыхнул в Силезии, в Суборте, и в Вальтембурге, в Богемии. Доктор Сайн описывает болезнь как начинающуюся с неприятного пощипывания ног, как будто по ним ползают муравьи (formication), которое вскоре сменялось сильной кардиалгией, или болью в желудке; затем поражались руки, затем голова - многие кричали, что их руки и ноги горят: эпилепсия была одним из сопутствующих заболеваний.

В 1737 году была замечена комета и произошло извержение Везувия.

1738 год, в феврале была замечена еще одна комета; в Испании наступила засуха, а за ней голод и мор: болезнь, однако, не носила смертельного характера.

В 1740 году в Ирландии разразилась эпидемическая болезнь; она оказалась смертельной для огромного количества людей в городе Дублине и продолжалась весь следующий год. Лорд-канцлер Джослин, пишущий из Ирландии в 1741 году своему брату-канцлеру, лорду Хардвику, в Англию, упоминает о бедственном положении страны в этот период из-за полного неурожая картофеля, за которым последовали голод и болезни ужасающей степени: лихорадки, сопровождаемые конвульсиями, были эпидемией в Германии; негритянская вомота была губительна для жителей Испании; она преобладала в Малаге и во многих других ее провинциях. В Тобольске, в Сибири, вспыхнул мор, сначала поражавший рогатый скот и лошадей, а затем и людей; он проявлялся в виде язвенного карбункула.

В 1742-3 гг. н. э. были замечены две кометы. В архивах францисканского монастыря Сан-Диего-де-Картахена записано, что среди его членов свирепствовал мор, почти все они сильно пострадали, лишь трое спаслись.

В 1745 году н. э. в Турции среди скота вспыхнул мор, за которым последовала страшная чума, свирепствовавшая с большой силой, особенно в Константинополе. Чума среди скота распространилась и поразила различные части Европы; она была очень разрушительной в Швейцарии, затем распространилась через Германию, Польшу и Голландию и в конце концов достигла Англии: ее распространение было отмечено появлением синеватого тумана в атмосфере. Профессора Соваж и Шомель говорят о том, что примерно в этот период в районе Виверэ во Франции прошел муррен: в то же время там была эпидемия послеродовой лихорадки. Землетрясение разрушило Лиму и Кальяо в Перу 28 октября; из 3000 жителей Лимы спасся только один человек.

В 1747 году была замечена комета, а 14 октября Темза поднялась на огромную высоту. Весной этого года на территории Уэски Арагонской вспыхнула эпидемия злокачественного катара, сменившаяся петехиальной лихорадкой. В Астурии в марте погода была

переменчивой и ненастной, и разразилась эпидемия иктеричности, или желтухи, сопровождаемая лихорадкой злокачественного типа, которая продолжалась до мая следующего года и привела к большой смертности. В Константинополе в это время от моровой язвы погибло двести тысяч жителей. Дизентерия свирепствовала в различных частях Соединенных Штатов Америки, особенно в Хартфорде и Ньюхейвене; на смену ей пришла желтая лихорадка, которая продолжалась до 1755 года.

В 1748 году н. э. в Лондоне и его окрестностях поселились стаи саранчи, причинившие большой вред растительности. В этом году были замечены две кометы.

1750 г. н. э. В Лондоне произошло два землетрясения: одно - 8 февраля, другое - через месяц после него, 8 марта. Тогдашний лорд-мэр, один олдермен, двое судей и большая часть присяжных, а также множество зрителей подхватили тюремную болезнь в мае в Олд-Бейли. Примерно в это же время в Филипполи в Румынии произошло землетрясение, в результате которого было уничтожено более 4000 человек. Через два года после этого, в августе, 200 мечетей и большая часть города Адрианополя были разрушены в результате аналогичной катастрофы.

В 1751 году н. э. произошло извержение Везувия; в королевствах Исена и Кордова свирепствовали голод и мор; начало моровой язвы приписывают прибытию в порты Малаги бродяг. В следующем году, 15 сентября, в Чарльстоне (Южная Каролина, Соединенные Штаты Америки) разразилась страшная буря, во время которой город и окрестности были затоплены, что привело к большим человеческим жертвам и уничтожению имущества. Через два года после этого произошло извержение Везувия, а 15 июля в Море произошло сильное землетрясение, которое поглотило множество деревень и их жителей. Константинополь и Большой Каир пострадали от аналогичной катастрофы 2 сентября; две трети их домов были разрушены, и погибло до 40 000 человек. Смертельная чума охватила крупный рогатый скот в Англии; только в Чешире от нее умерло 30 000 коров. С этого периода и до 1760 года эпидемический мор преобладал в различных частях земного шара; дизентерия злокачественного типа в Северных штатах Америки, злокачественная лихорадка в Нормандии, гангренозная ангина в Ирландии и Франции, а также петехиальная лихорадка в Константинополе, которая уничтожила 150 000 человек. Голод и чума унесли огромное количество людей в Сирии, Смирне и на Кипре: в последнем болезнь уничтожила 30 000 жертв; Алеппо, Иерусалим и Дамаск также пострадали от эпидемии моровой язвы. В первом месте (Алеппо) зима была суровой и уничтожила всю растительность; холод был очень сильным; ртуть в термометре Фаренгейта, выставленном на открытом воздухе, полностью погрузилась в шарик трубки; миллионы оливковых деревьев, которые до этого выдерживали удар пятидесяти зим, погибли, а тысячи людей умерли от холода. Неурожай последующего сбора вызвал всеобщий голод со всеми сопутствующими ему бедами. Во многих местах жители были доведены до такого состояния, что женщины ели собственных детей, как только те умирали у них на руках от недостатка питания; множество людей из гор и соседних деревень ежедневно приходили в Алеппо, чтобы выставить своих жен и детей на продажу за несколько долларов, чтобы обеспечить себе временное пропитание, а собак и людей можно было ежечасно видеть скребущимися на одной и той же свалке и борющимися за кость или кусок падалицы. По пятам за голодом следовал мор, который продолжался до 1758 года; в городе и его окрестностях от него погибло 60 000 человек. В течение этого года в Лондоне и его окрестностях погибло огромное количество лошадей от рожи. Желтая лихорадка чрезвычайной силы охватила Вест-Индские острова и побережье Африки, как сообщает Линд, который описывает, что смертность была вызвана язвенным паром, который возник на юго-востоке Гвинейского побережья и прошел через огромные болота: В нескольких

городах, среди негритянского населения, смертность была настолько велика, что не хватало людей, чтобы хоронить умерших, а ворота замка Кейп-Кост были закрыты из-за отсутствия часовых для их охраны, причем белые страдали от смертельного бедствия наравне с неграми. Желтая лихорадка также свирепствовала в Соединенных Штатах Америки в этом и следующем году, особенно в Нью-Йорке и Филадельфии. Атрабиозная лихорадка свирепствовала в Сенегале.

24 апреля 1755 года н. э. в Перу произошло землетрясение; оно уничтожило город Кито и множество его жителей. 27 мая следующего года остров Митилена в Архипелаге был разрушен землетрясением, примерно в тот же период затрясся город Лиссабон, в руинах которого погибло 70 000 человек. Половина острова Мадейра была разрушена землетрясением. Это ужасное волнение распространилось на 5000 миль, даже до Шотландии.

В 1757 году, 29 октября, землетрясение произошло на острове Мальта: в этом и следующем году в Англии был сильный мороз; также была видна комета. Примерно в это же время сильный толчок землетрясения ощущался на Азорских островах. В следующем, 1759 году, были видны три кометы; землетрясение 5 декабря разрушило Триполи и так же сильно ощущалось в Бальбеке.

В 1760 году 30 октября в Сирии произошло сильное землетрясение; оно причинило много бед: произошло извержение Везувия. До этого времени, как ни странно, в Мадриде не было такого понятия, как галюн: было принято выбрасывать на ночь навоз из окон, а на следующий день его убирали падальщики. Король издал указ о том, что каждый домохозяин должен строить уборную, но народ яростно *воспротивился* этому как произволу, а *врачи* выступили против, утверждая, что грязь поглощает нездоровые частицы воздуха, которые иначе попали бы в организм человека! Однако Его Величество продолжал настаивать на своем, а многие горожане, чтобы *сохранить свою пищу здоровой*, соорудили уборные рядом с кухонными каминами.

В этом году город Картахена вновь пострадал от эпидемического мора, который продолжался до 1763 года; болезнь представляла собой терциевую лихорадку, которая становилась очень жестокой во время собачьих дней и вызывала большую смертность среди жителей этого города и прилегающих провинций. Примерно в это же время от чумы страдал остров Кипр. Она также распространилась по всей Османской империи: Константинополь, Алеппо, Смирна, Салоники, Брусса, Аден, Антиохия, Антаб, Киллис Урфак, Диарбекр, Монсол и многие другие крупные города и деревни испытали на себе ее тяжесть. Впервые в этом веке значительно пострадал Скандерун; остальные франкские поселения на морском побережье Сирии, за исключением Триполи, не пострадали.

В 1761 году н. э. в северных районах Соединенных Штатов Америки весной преобладал сильный катар или грипп; летом и осенью он переходил в злокачественную желтую лихорадку. Эта болезнь была распространена и в Вест-Индии. Симптомами болезни были легкая простуда, за которой следовали необычайная прострация сил, затрудненное дыхание, кашель, тупые боли в предсердиях, в груди и конечностях. Болезнь проявляла признаки желчной болезни: лицо становилось желтым; наступала бесчувственность или кома, а иногда и бред, и тогда пациент отключался со всеми симптомами обычной желчной чумы или желтой лихорадки. Примерно в этот период в Мадриде вспыхнула смертельная эпизоотия среди собак; она охватила все королевство: болезнь, судя по всему, была присуща только собачьей расе, ни один другой вид домашних животных от нее не страдал.

В Англии был принят закон о тротуарах, который можно рассматривать как полезную санитарную меру. В апреле на Азорских островах произошло мощное землетрясение, сопровождавшееся извержением вулканов.

В следующем году, 1762 г. н. э., была видна комета, а 9 февраля река Темза поднялась на очень большую высоту. Жара и засуха в этом году в Соединенных Штатах Америки превзошли все замеченные до сих пор необычные сезоны. Жители сильно страдали от недостатка воды; осенью следующего года во многих штатах, особенно в Филадельфии, свирепствовала желчная возвратная лихорадка. В Гаванне примерно в тот же период подобная эпидемия вызвала огромную смертность. Чума также свирепствовала в Сиаме и Бенгалии, в Сирии и в различных частях Египта. Влияние подобных сезонов ощущалось в Англии и Ирландии, а также во Франции, где свирепствовал мор.

Лето 1763 года было влажным и знойным; индейцы Массачусетса и острова Мартас-Винъярд в Соединенных Штатах Америки были в огромных количествах уничтожены желтой или желчной чумой. В Дании эпидемический катар, называемый "нюхачом", был очень губителен для скота, особенно для лошадей. В Мадриде снова свирепствовал мор среди собачьей расы; в Генуе от него умирала домашняя птица, во Франции - рогатый скот, а также в Швеции. Такое широкое распространение эпизоотической болезни свидетельствовало о пестицидном состоянии атмосферы и нарушенном состоянии сезонов: сначала болезнь атаковала и оказалась смертельной для бессловесных животных, а затем ее жертвой стал человек: ее опустошения сопровождалась большой смертностью.

Злокачественная лихорадка в этот период поразила весь Неаполь, уничтожив, как утверждает, 20 000 жителей: ей предшествовал голод. Землетрясение произошло в Коморре, в Венгрии; 1500 домов обрушились, и многие погибли, а пострадавшие были погребены под руинами.

В 1764 году, 26 декабря, в Лиссабоне произошел сильный толчок землетрясения: была видна комета. В это время лечение оспы было значительно изменено благодаря введению режима охлаждения, который впервые рекомендовали в Англии Саттоны. В том же году эпидемический мор вспыхнул в княжестве Эстремадура и был очень смертельным: различные другие части Испании пострадали от нашествия подобной болезни; она унесла большое количество людей в Кадисе, и ее вспышка была приписана в значительной степени бедствиям, вызванным португальской войной; это была милиарная лихорадка, сопровождавшаяся опуханием желез, особенно околоушных. В апреле и мае в Картахене шли сильные дожди, и поэтому в городе были распространены терциевые лихорадки; за эти два месяца в городе погибло от этой болезни около 2000 человек. Чума опустошала Суабию, а Шотландия и Ирландия в это время сильно страдали от эпидемического мора.

Смертельная эпидемическая болезнь преобладала в Австрии, а в большей части Соединенных Штатов Америки билиозная ремиттирующая лихорадка, подобная той, что распространена на Вест-Индских островах, унесла огромное количество людей. Чума в Ирландии характеризовалась всеми симптомами билиарной ремиттирующей или желтой лихорадки.

1765 г. н. э. 4 июня на берегах Ганга произошло землетрясение: 19 мая в Пиренейских горах произошел толчок. На восточном побережье Британии разыгрался сильный шторм, в результате которого погибло множество моряков. Спитал, расположенный недалеко от Бервика, сильно пострадал от этой катастрофы.

В 1766 году произошло извержение Везувия: в этом году землетрясения происходили в разных местах; в Константинополе 22 мая 880 человек были погребены под развалинами упавших домов; сильный толчок произошел на Кубе, и Сант-Яго был полностью разрушен, в результате чего погибли сотни людей. Земля разверзлась в Абруцци, в Неаполе, и многие тысячи людей оказались погребенными. Река Таина 14 ноября вышла из берегов и разрушила более 12 000 домов с жильцами в Монтобана во Франции. В этот период были видны две кометы. Лето было жарким и сухим всей Европе и в обеих Америках; во всех этих странах было мало растительной продукции, а последующая зима была суровой в обоих полушариях; ртуть во многих местах опускалась на 20° ниже нуля. Злокачественный катар охватил Европу; в Соединенных Штатах Америки свирепствовал мор, уничтожавший скот: гибли лошади, рогатый скот и т. д., особенно в Новой Англии и Нью-Джерси. Похожая болезнь поразила скот в Померании, Бранденбурге и Мекленбурге в Германии. В следующем году послеродовая лихорадка стала смертельной в Нормандии. В Пекине оспа унесла около 100 000 человек, в основном маленьких детей. Примерно в этот период произошло извержение Везувия; Испания страдала от сильной эпидемии моровой язвы. В декабре в Мадриде разразился катар особого типа, распространившийся далеко по континенту: он не был особенно смертельным.

25 октября 1768 года сильный шторм разрушил 96 общественных зданий и 4048 частных домов в Гаванне; многие люди погибли в руинах. В городе Картахена снова начался мор, который свирепствовал с большой жестокостью и смертоносностью. Огромное количество гусениц заселило Нортгемптон и Массачусетс в Соединенных Штатах и уничтожило все следы зелени. Следующее лето было жарким и дождливым; оспа, дизентерия и гидрофобия преобладали в Бостоне и в других частях штата: также были распространены ангины. На острове Ямайка свирепствовала желтая чума. В Голландии примерно в этот период в результате смерча было уничтожено 30 000 голов рогатого скота и овец.

Нерегулярные сезоны ухудшали качество продуктов, и следствием этого были голод и мор. Ужасный голод и мор в 1769 году унесли, как было отмечено, *три миллиона* жителей Бенгалии и более. Дожди шли редко и были непродолжительными, поэтому все, что имело растительный мир, пересохло и не давало урожая. Урожай зерновых почти полностью пропал, а поскольку два предыдущих урожая были скудными, у несчастных людей в трудную минуту не было средств к существованию; голод загнал их в леса, где они тысячами гибли, пожирая кору деревьев и остатки гниющих овощей.

В этом году различные районы Испании пострадали от эпидемий моровой язвы. Дон Мануэль Антонио Бела, известный врач, написал и опубликовал работу под названием "Una Disertacion sobre los cometas que no causan ni anuncian enfermedades publicas", чтобы опровергнуть идею о том, что кометы и другие метеоритные явления влияют на возникновение эпидемических заболеваний.

В этом году была замечена комета, а следующий, 1770 год, был примечателен сильным землетрясением, которое произошло на острове Сан-Доминго. Также произошло извержение Везувия, а во многих частях Европы свирепствовал смертельный мор, унося огромное количество людей. В Сардинии, Голландии, Фландрии и других странах в этот период был большой падеж скота от моровой язвы. Только в Польше и России от голода и болезней умерло до 20 000 человек: зафиксировано, что 168 000 человек стали жертвами страшной моровой язвы, которая свирепствовала в Богемии. В Константинополе в течение этого года ежедневно в течение нескольких недель хоронили 1000 тел. В этом и следующем, 1771 году, необычная эпидемия уничтожила лисиц в Соединенных Штатах Америки. Терциевая лихорадка злокачественного типа снова вспыхнула в городе Картахена, а лица,

проживающие в монастыре Святого Диего, снова пострадали от моровой язвы, которая продолжалась два последующих года: из пятидесяти трех падре монастыря спасся только один. Эпидемия пуэрперальной лихорадки была смертельной в Вене.

В 1771 году н. э. на севере Англии произошло наводнение, а также извержение Везувия. В 1772 году наблюдались странные явления с телом Томаса Бофора, герцога Эксетерского, которое было похоронено 345 лет назад в аббатстве в Сент-Эдмундс-Бэри; когда свинцовый гроб был открыт, плоть, волосы, ногти на пальцах рук и ног выглядели безупречными и здоровыми, как будто он не был погребен много часов. Если сделать надрез на груди, плоть разрезалась так же прочно, как у живого человека, и даже показалась кровь. Подобное явление наблюдалось в 1494 году, когда тело Алисы Хакни, покоившееся 175 лет, было случайно откопано в церковном дворе лондонского холма Святой Марии: кожа была целой, а суставы рук, ног и т. д. податливыми, части тела имели естественный вид, как будто она недавно умерла. В этом году на Карибских островах случился страшный ураган. Чума свирепствовала в Москве и, как утверждается, унесла 133 299 человек в течение восемнадцати месяцев. Эпидемический катар и корь преобладали в Соединенных Штатах Америки; оспа свирепствовала в Шотландии; мор, который все еще свирепствовал в Карфагене, распространился на другие провинции Испании. Чума унесла огромное количество людей в Бассоре; говорят, что 80 000 человек стали жертвами страшного мора; словом, голод и болезни в это время, вызванные долгой и продолжительной засухой и чрезмерной жарой, уничтожили невероятное количество жизней на полуострове Ганг. Барайон приводит описание необычной эпидемии, поразившей Францию в 1774 году: она называлась "Эпидемические судороги", "из-за эпилепсии, причиной которой был болезненный вирус". Аналогичная болезнь в этот период была распространена в Соединенных Штатах Америки. В Англии в значительной степени преобладал эпидемический катар; он сопровождался болью в горле. В Шотландии овес был уничтожен грибком или плесенью, а в Соединенных Штатах Америки пшеница пострадала от взрыва или грибка; в гавани Уэлфлэт на Кейп-Коде от болезни погибли устрицы, а с острова Йорк в Соединенных Штатах исчезли омары. В июле в провинции Лабурда во Франции среди рогатого скота вспыхнула болезнь, которая оказалась очень разрушительной. По мнению Игнасио де Микелены, Хуана де Ордои и Мартина де Лорца, это было что-то вроде рамолизации мозга. Доктор Альсинет, знаменитый врач из Аранхуэса, написал в этом году работу о лечении терциевой лихорадки, которая была так распространена по всей Испании: его план лечения состоял в том, что он давал противорвотные средства в промежутках между пароксизмами и кору сразу же при приближении холодного приступа; в случаях пагубной и злокачественной терции он давал двойные дозы. Пуэрперальная лихорадка вновь стала эпидемией в Вене и сопровождалась большой смертностью.

В 1773 году город Гуатимала в Мексике со всеми его богатствами и восемью тысячами семей был поглощен ужасным землетрясением, и все следы его прежнего существования стерты с лица земли; теперь это место обозначается страшной пустыней, удаленной на четыре лиги от ближайшего города.

В этом году Северн отклонился от своего естественного русла из-за того, что огромная масса земли сдвинулась со своего места поперек течения возле моста Билдекас в Шропшире: это произошло 27 мая. В следующем году 10 сентября в Альтдорфе в Швейцарии произошло сильное землетрясение.

В 1775 году, 8 сентября н. э., сильное землетрясение потрясло Уэльс и его окрестности. 19 октября грозы нанесли большой ущерб северу Англии; примерно в это время три дублинских

пакетбота затонули в море, а 14 ноября на побережье Голландии разразился сильнейший ураган.

1776 г. н. э. 10 июля в Андриесе в Италии произошло землетрясение, которое разрушило город и уничтожило огромное количество его жителей.

В 1777 г. страшный ураган посетил Санкт-Петербург; 14 сентября его сопровождало наводнение, причинившее большой ущерб.

В 1778 году, 3 июля, в Смирне произошло землетрясение, причинившее большой ущерб. В том же году, после того как британская армия покинула город Филадельфию (Соединенные Штаты Америки), среди жителей в значительной степени распространилась желчная, желтая или ремиттирующая лихорадка. Чума свирепствовала в Константинополе; эпидемическая ангина опустошала Манчестер и другие части Англии, а город Картахена в Испании снова страдал от моровой язвы, подобной той, что наблюдалась 1771 г. н. э.; она продолжалась, фактически в усугубленной форме, в последующие годы до 1779 г. и приводила к большой смертности.

В 1780 году зима была суровой как в Европе, так и в Америке. В Англии 14 января ртуть опустилась на 26° ниже нуля, а в Глазго - на 46° ниже той же отметки. Лето этого года было очень жарким; в Филадельфии и других частях Штатов свирепствовали желчные возвратные лихорадки; "лихорадка с переломом костей", как ее называли, также широко распространилась, но не была смертельной. Температура на термометре временами достигала 102°. В это время холера преобладала в Ост-Индии; сообщается, что в Хурдваре во время фестиваля, который ежегодно там проводится, было унесено около 20 000 человек, а в следующем, 1781 году, она поразила в самой злокачественной форме дивизию бенгальских войск, расквартированных в Гаригани. Летом 1780 года в разных частях Испании разразилась эпидемическая чума: впервые она появилась в деревне Пассаж в мае и продолжалась некоторое время; предполагается, что она возникла из-за внутренних захоронений, так как зловоние от переполненных кладбищ было непереносимым. Палящая жара в этом году, можно сказать, причинила много страданий в некоторых частях Европы; дождей почти не было; лето сменилось тяжелой, пасмурной зимой, предрасположившей жителей разных частей Европы к катаральным лихорадкам: Пагубные эпидемии царили также во многих частях Испании; среди жителей Пампелуны распространялась злокачественная лихорадка: город Олите также был поражен подобным образом; через некоторое время она распространилась на Берикайю, Андоселью, Мендайру, Толедо, Видауррету и другие города и места. В Пампелуне болезнь продолжалась в течение шести лет, до 1787 года. В этом году в Южной Америке среди испанских колонистов, а также в Рио-де-Жанейро и других бразильских поселениях распространилась болезнь, названная "андалузской лихорадкой". В Таурисе 15 000 домов были разрушены, и огромное количество людей было поглощено землетрясением.

С 1781 по 1789 год эпидемическая чума творила великие бедствия в разных частях света. В Англии эпизоотия оказалась смертельной для лошадей и рогатого скота: из ста шестнадцати лошадей, находившихся в одной казарменной конюшне, все, кроме тринадцати, были поражены; семьдесят восемь умерли. Флот в Ла-Манше сильно страдал от эпидемических заболеваний; 11 732 больных были отправлены в госпиталь Хаслара; 1457 человек болели цингой, 240 - дизентерией, а 5539 страдали от сильной лихорадки. Это можно считать образцом здоровья британского флота до конца XVIII века. Эпидемия послеродовой лихорадки, примерно в этот период, была очень смертельной в Лондоне. Корь свирепствовала в Нью-Йорке, Филадельфии и других частях Соединенных Штатов;

многочисленные случаи гидрофобии имели место в более южных штатах. В июле стояла такая жаркая погода, что термометр в тени показывал 103°. В штате Мэриленд наблюдалась большая смертность среди лошадей и рогатого скота; а на побережье Лапландии и Норвегии в этот период в огромных количествах гибла рыба.

В июле 1782 г. в Константинополе случился страшный пожар, уничтоживший до 7000 домов, а в следующем месяце подобная катастрофа привела к разрушению еще 20000 домов, причем погибло множество людей: от скученности жителей и других страданий последовали голод и мор. Эпидемический мор, поразивший бенгальские войска годом ранее в Гаригани, распространился на эскадру сэра Э. Хьюза, находившуюся тогда на Востоке, и вызвал большую смертность. Жители провинций Лангедок и Руссильон подверглись страшной эпидемии, которая привела к огромным разрушениям. Губернатор Каталонии, в связи с большой смертностью, послал доктора Масдеваля выяснить характер эпидемии, является ли она, как об этом публично сообщалось, настоящей чумой, а также заразна она или нет. Землетрясения в этом году были частыми в Калабрии; они продолжались время от времени в течение четырех лет, до конца 1786 года, породив множество трещин, оползней, озер, оврагов, обвалов морских скал и других изменений, которые в совокупности представляют собой один из лучших примеров сложных изменений, которые могут быть результатом серии подземных движений, даже если в то время они не имели большой видимой силы. Во время этого бедственного периода город Мессина на Сицилии был разрушен, а 40 000 человек погибли в результате землетрясения; город Фессалоники пострадал от столь же сильного толчка. В этом году в Англии на Рождество начались сильнейшие морозы, которые продолжались до конца февраля следующего года. В городе Лерида вспыхнула страшная эпидемия, которая быстро распространилась по Таррагоне, Манресе, Лласанесу, Сольсоне, Игуаладе и Вильяфранка-дель-Панадес; вскоре она охватила почти всю Каталонию. Чума разразилась также в Тортосе и нескольких его округах; вскоре она охватила все королевство Арагон. Эта болезнь была в основном вирусной.

В 1784 году почти все районы провинции Алькаррия, особенно Пастрана, пострадали от моровой язвы - эпидемии терциевой лихорадки, которая началась в ноябре. В этот период наблюдалась большая нехватка воды, вызванная жаркой и палящей погодой во время засушливого лета. Следующая весна была дождливой и сырой, и по всей Испании начались экзантематозные лихорадки, ревматизм и перемежающиеся циститы; оспа, которая преобладала годом ранее и которая сначала проявлялась в доброкачественной форме, вскоре переросла и приняла злокачественный характер. Д-р. Дон Феликс Ибаньес, врач из города Уэте, но долгое время проживавший в Пастране, описывает различные болезни этого периода в работе под названием "Топография ипокрании и описание эпидемии Калентураса" (*Topographia Hipocratica ó Descripción de la Epidemia de Calenturas*), *tercianas intermitentes, malignas, continuo-remittentes perniciosas, complicadas que re han padecido en la provincia de la Alcarria desde el año 1784, hasta 1790, y 1791, y riguentes,* &c.

В следующем, 1785 году, эпидемия терциана воцарилась в Андалусии. Доктор Хуан Мануэль Альварес из Константины, написал труд о пагубных перемежающихся лихорадках этого и предыдущих годов, которые были так широко распространены на полуострове: болезнь ощущалась в Картахене сильнее, чем в любой другой предыдущий год; она была чрезвычайно злокачественной и уничтожала огромное количество людей. В неурожайные сезоны случались наводнения, вызванные дождями, настолько сильными, что в некоторых местах образовывались озера. Город Лерида пострадал от ветряной оспы.

В 1786 году в городе дель Висо, расположенном на границе провинции Ла-Манча, вспыхнула страшная эпидемия, уничтожившая огромное количество жителей. Осенью город Сан-Роке

пострадал от аналогичной эпидемии: она оказалась разновидностью пагубной перемежающейся болезни. При лечении была принята практика доктора дона Хосефа Масдеваля, которая оказалась столь же успешной, как и до сих пор; она состояла из так называемой "антифебрильной опиаты и антимониальной микстуры". В этом же году брат Мигель де Асеро-и-Альдовера написал работу о пагубных последствиях внутриутробных погребений. В этом году в Гаванне преобладала негритянская рвота; ее возникновение объяснялось выделениями от гнилых шкур. В "Мадрасских отчетах" говорится, что холера была очень разрушительной в Аркоте.

В 1787 году на Коромандельском побережье произошло наводнение, вызванное сильным ураганом; район под названием Уппора был затоплен морем 20 мая, когда погибло около 12 000 человек, и было уничтожено много имущества в виде скота и домов. Сильный шторм нанес большой ущерб Англии и Ирландии. Также произошло извержение Везувия.

В 1788 году н. э. в Англии наступили сильные морозы, начавшиеся в ноябре и продолжавшиеся до марта следующего года.

В октябре 1789 года почти всеобщая тьма накрыла Америку, и по всей территории Соединенных Штатов разразился сильнейший мор в виде ангины, крупа, язвенной ангины, гнилостных желчных лихорадок и т. д. Доктор Мэнсон описывает одну из эпидемий так: "Легкий грипп, жгучая боль в челюстях и конечностях, болезненность мышц шеи, сопровождающаяся сильной лихорадкой". Корь, случившаяся годом ранее, по-видимому, стала прелюдией к серии эпидемий, бушевавших в течение тридцати лет. Грипп был очень сильным в городах Нью-Йорк и Филадельфия и быстро поражал другие части штатов, где преобладали те же условия погоды и атмосферы: эта болезнь также пересекала бесплодные дикие земли, захватывая индейское население, нападала на моряков в море и с большой смертностью свирепствовала в западном полушарии, от 15° до 45° северной широты. Алая лихорадка также была распространена в Филадельфии и уносила огромное количество молодых людей. Эпидемии, как правило, характеризовались избытком желчных выделений, которые срыгивались.

В 1790 году зима в Америке была очень мягкой, до февраля стояли небольшие морозы. Весной преобладали катары; больше всего страдали и были главными жертвами плеторические и чахоточные люди; осенью появилась корь. В следующем, 1791 году, зима началась рано и была очень суровой; весна и лето были сухими и холодными: снова преобладали катары; в Нью-Йорке вспыхнула желтая лихорадка, унесшая множество людей; также были распространены скарлатина и коклюш. Примерно в этот период в Мэриленде появился вид черного червя, похожего на гусеницу, который уничтожал траву и кукурузу; их представляли как появляющихся легионами. В то же самое время болезнь уничтожила фрукты и другие овощные культуры; а другой отдельный вид червей, называемый пальмер-червь, соответствующий описанию, приведенному в Священной истории, заразил землю, пожирая даже лесные деревья и разрушая все деревянные изделия. Термометр в Салеме в течение пятидесяти дней поднимался до 80°, а двенадцать дней стоял на отметке 90°: в разных других частях штата он колебался от 90° до 102°. Желчная чума, как сообщает доктор Раш, преобладала в Филадельфии. Остров Гренада в Вест-Индии страдал от аналогичной чумы. Билиозная ремиттирующая лихорадка также была распространена на побережье Африки: чума свирепствовала в Египте, а сыпной тиф совершал большие опустошения в Англии: желтая чума опустошала Гаванну; жестокий мор поражал рогатый скот в Венгрии, Сервии и других европейских странах.

В 1791 году на Сицилии произошло сильнейшее землетрясение, унесшее множество жизней и имущества; по силе оно не уступало толчку, произошедшему за год до этого в Борго-ди-Сан-Сеполькро, во время которого отверстие в земле поглотило множество домов с их обитателями. 2 февраля этого года Темза поднялась на огромную высоту и переполнила многие районы Вестминстера.

1792 ГОД. Этот год в Египте был урожайным на эпидемии; по некоторым данным, от чумы умерло 800 000 человек. Зима предыдущего, 1791 года, была очень суровой, а весна - влажной и дождливой в южных районах Соединенных Штатов; лето до июня было холодным, преобладали холодные северо-западные ветры. В мае и июне в штате Нью-Йорк появилась саранча, которая пожирала зерно; пшеничное насекомое продолжало опустошать посевы на Лонг-Айленде, а также в Мэриленде и к северу от Лосиноного хребта. В июле в городе Чарльстоне свирепствовала желтая лихорадка, вызывавшая огромную смертность. В Филадельфии гусеницы уничтожили известковые деревья, а в августе скарлатина унесла множество людей в этом городе, а также в Нью-Йорке и в местечке под названием Бетлем.

В 1793 году весна была сухой, лето - очень жарким и дождливым, с градом, а осень - сухой и холодной. Дизентерия со смертельным исходом унесла огромное количество жизней в Джорджтауне и Ковентри; нервная лихорадка была распространена в местечке под названием Фэрфилд. Желтая лихорадка свирепствовала в Филадельфии, унеся за четыре-пять месяцев до 4000 человек: она также была смертельной в Бостоне. В следующем году она распространилась в Балтиморе и в Норфолке в Вирджинии. Примерно в этот же период подобная эпидемия вызвала большие разрушения на острове Доминика и других вест-индских островах: в Доминике она продолжалась три года, до 1796 года.

В 1794 году в Неаполе произошло страшное землетрясение, и Везувий, извергая пламя, уничтожил город Торре-дель-Греко. В следующем году погода стояла на редкость плохая: весна была холодной и поздней, лето - удушающе жарким, сырым и дождливым, преобладали южные ветры, фрукты погибали от плесени. Заболели овощи, особенно картофель и капуста. Густая влага проникала в самые глубины домов, даже в столы, бюро и т. д., а стены покрывались влажной белой плесенью, которая разрушала бумажные вешалки. Появились миллионы комаров и других насекомых; в сущности, эти признаки свидетельствовали о язвенном состоянии воздуха, соответствующем описанию, данному Гиппократом и другими писателями. Желтая лихорадка свирепствовала с большой силой во многих частях Соединенных Штатов Америки, в частности в Филадельфии, Нью-Йорке, Чарльстоне и т. д., и продолжалась до 1800 года. "За всю свою жизнь, - пишет профессор Кемп, обращаясь к доктору Бейли по поводу желтой лихорадки, - я никогда не испытывал такого ужасающего состояния воздуха, которое было бы изнурительным и не благоприятным для моего духа". 6 февраля этого года в Вене произошел сильный толчок землетрясения. В этот же период в трех городах Турции от подобной катастрофы погибло 10 000 человек.

ГЛАВА VIII.

С 1795 ПО 1848 ГОД.

В 1795 году 17 июля в Манчестере и его окрестностях произошло сильное землетрясение: после этого 18 октября произошел второй толчок. 6 ноября того же года сильный шторм уничтожил множество людей и большое количество имущества в Англии. 24 числа

следующего месяца, декабря, наступили сильные морозы, которые продолжались до 23 января. Муррен совершал большие опустошения в Ломбардии среди рогатого скота. Профессор граф Москати и доктора Дехо, Бонвичини и Герардини опубликовали описание его симптомов, среди которых были отмечены большая жесткость и напряжение в шее животных, а также большая чувствительность вдоль позвоночного столба, ближе к концу болезни. Через два года после этого, в 1797 году, подобная эпидемия распространилась в венецианских государствах, особенно во Фриули: от этой болезни страдали лошади, овцы и домашняя птица, а также рогатый скот. Сильное землетрясение 1796 года разрушило всю страну между Санта-Фе и Панамой, включая города Куско и Кито; 40 000 жителей в одну секунду были брошены в вечность. В Соединенных Штатах время года было беспокойным. В Нью-Йорке, Чарльстоне, Бостоне, Ньюберипорте, Филадельфии и других штатах свирепствовала билиозная ремиттирующая или желтая лихорадка. В следующем, 1797 году, эпидемия продолжала вызывать огромную смертность в штатах, особенно в Норфолке, Провиденсе, Портленде и Саванне, а затем распространилась на Новый Орлеан: она началась с симптомов обычной ремиттирующей лихорадки и постепенно усиливалась, унося с собой множество жителей.

1798 ГОД Н.Э. Предшествующая зима была суровой и долгой. Лето в этом году выдалось на редкость сухим и знойным; реки после этого затопили прилегающую территорию, одновременно шли проливные дожди. Преобладали катары, плевриты и боли в горле, а также желчные лихорадки. Осенью в Пенсильвании и Новой Англии завелись кузнечики, началась эпидемическая лихорадка, наводившая ужас на жителей: многие были унесены ею. Жители Нью-Йорка, Филадельфии, Уилмингтона, Ньюпорта, Олбани, Бостона, Портсмута и Нью-Лондона сильно страдали от этой болезни, которая проявлялась как бубон и карбункул, со многими другими симптомами настоящей чумы. Особый туман или пар наблюдался в Нью-Йорке в самый смертельный период этой чумы, особенно в сентябре. Озерная и болотная лихорадки также преобладали в этот период в низких и болотистых районах, таких как Милфорд и т. д. Эта желтая чума в целом менее характерна для воспалительного процесса, и венероскопия оказывала менее благоприятное воздействие, чем в прежние времена".

1799 Г. Н.Э. В Барбарии ежедневно умирало 3000 человек от сильного мора: только в Фесе, как говорят, погибло 247 000 человек. В Марокко моровой язве предшествовал голод, вызванный крайним расстройством стихий. В Могадоре он разразился в апреле в форме вирулентной оспы; к июлю он принял вид самой смертоносной разновидности чумы: эта смертельная болезнь прекратилась в октябре, унеся с собой множество людей. В небольшой деревне Диабет, расположенной примерно в двух милях к юго-востоку от Могадора, она свирепствовала с большой силой в течение двадцати одного дня, унеся за это время сто человек из ста тридцати. Подобным образом пострадали многие населенные пункты в обширной провинции Шеллах в Хахе. Птицы покинули свои прежние места обитания во время распространения этой напасти. Император, как сообщается, дважды болел чумой за это время.

Лето в Соединенных Штатах Америки в 1799 году было знойным и сухим, с сильными громами и молниями, сменялось проливными дождями; осень была переменчивой, а зима суровой; следующая весна была холодной и поздней, и желтая лихорадка проявила себя в определенной степени во многих штатах.

В 1800 году злокачественная желтая лихорадка началась в Балтиморе, свирепствовала в Бостоне и в других главных районах Союза. Осенью этого года Кадис опустел от подобной чумы; к середине сентября число умерших достигло 200 человек в день: в этот период воздух, по словам Арехулы, от застойного состояния настолько испортился, что его вредные свойства повлияли даже на низшие виды животных: птицы-канарейки умирали с кровью, вытекающей из клюва; ни в одном из соседних городов, которые впоследствии были заражены, во время эпидемии не появилось ни одного воробья. Мы видели, продолжает Арехула, как многие домашние животные умирали с теми же симптомами, что и у людей, страдающих от болезни. Собаки пострадали от эпидемии больше других животных, затем кошки, лошади, потом домашняя птица и канарейки; собаки и кошки также были подвержены кровотечениям, но в большей степени черной рвоте и темным жидким выделениям. Лошади, которых я видел умирающими, говорит он, имели мраморное похолодание конечностей или общие конвульсии, столь примечательные при этой болезни". Другой автор, Феллоуз, утверждает, что все врачи в Кадисе и Малаге, которые писали об этом заболевании и с которыми он общался, подтвердили ему факты, подробно описанные Арехулой. Жители Ксереса сильно пострадали от этой желтой чумы; она также свирепствовала в Малаге и в других частях Испании: она продолжалась до 1804 года.

В 1801 году ангины, плевриты и желтая чума продолжали преобладать в течение нескольких лет в Соединенных Штатах Америки и в других местах: тиф был распространен в Ирландии и Англии, особенно в Лондоне, из которого он почти никогда не исчезает.

В ноябре 1802 г. очень жаркое и сухое лето сменилось непрекращающимися проливными дождями: густые туманы распространились по стране и окутали такие места в центральной Германии, которые были недоступны для вентиляции; среди прочих - небольшой франконский город Реттинген, расположенный на реке Таубер и окруженный горами. К концу месяца в городе вспыхнула чрезвычайно смертельная болезнь, которой не было примера в памяти старейших жителей - она была им доселе совершенно неизвестна. Молодых и сильных людей внезапно охватывали боли и муки в сердце, учащенное сердцебиение и раздирающие боли в затылке; по всему телу выступал обильный, кислый, дурно пахнущий пот, а страдания, словно жестокая ревматическая лихорадка охватила сухожильные растяжения, сопровождали этот ужасный недуг: В худших случаях наступала спазматическая дрожь, пациент терял сознание, конечности становились жесткими, и наступала смерть, часто в течение двадцати четырех часов от начала приступа.

1803 Г. Н.Э. Весной этого года грипп охватил Британские острова, вызвав огромную смертность: по тяжести он был похож на те, что были распространены в 1762 и 1782 годах, как описал сэр Джордж Бейкер.

Томмазини описывает желтую чуму, свирепствовавшую в Ливорно и Лукке в 1804 году. Подобная болезнь была также распространена на Вест-Индских островах примерно в этот период, особенно на островах Мартиника и Гренада. В следующем, 1805 году пятнистый тиф, или петехиальная чума, был распространен в различных частях Соединенных Штатов и привел к большой смертности.

В 1809 году эпидемический тиф внезапно распространился среди британских войск, оккупировавших Португалию.

В 1810 году, в октябре, желтая чума появилась в Гибралтаре: из 14 000 жителей этой крепости только двадцать восемь человек спаслись от болезни; двенадцать из них болели ранее в Вест-Индии и других местах. В 1811 году послеродовая лихорадка была распространена и смертельно опасна в Сомерсетшире.

В 1812 году Константинополь ужасно страдал от чумы, которая унесла 160 000 человек. Со времен суровой зимы 1794-95 годов эта страна (Англия) не испытывала такого сильного и продолжительного холода, как в нынешний сезон, с 30 ноября 1813 года по февраль 1814 года. Начало декабря было сырым, прохладным и временами туманным; мороз, который был сильным, начался на следующий день после Рождества: 27-го числа он сопровождался густым туманом, который ближе к полудню стал настолько плотным, что сделал все предметы невидимыми на небольшом расстоянии даже при помощи факелов, что помешало отъезду почтовых карет и других экипажей; в Лондоне и его окрестностях произошло множество несчастных случаев. Это необычное и мрачное состояние атмосферы, крайне неприятное для глаз и легких, продолжалось в течение семи дней, почти не меняясь даже в полдень, за исключением появления тусклого света в это время; по мере усиления мороза дома, кустарники и деревья стали густо покрываться замерзающей влагой тумана. Такое положение вещей закончилось в конце недели обильным снегопадом, который продолжался до тех пор, пока улицы не покрылись снегом на глубину нескольких футов, из-за чего на несколько дней прервалось всякое сообщение с деревней. В последнюю неделю января, после частичной оттепели, по Темзе были снесены огромные массы льда, которые при повторном наступлении морозов стали настолько сплоченными, что могли выдержать вес огромного количества людей, которые развлекались в будках, установленных на льду во время ярмарки у моста Блэкфрайерс. Ветер дул почти всегда с востока и северо-востока и часто был очень сильным, что усиливало холод: во многие дни температура доходила до 15° по Фаренгейту, а в некоторые ночи, как говорят, опускалась до 11° и даже ниже. Последствия такого сильного холода усугублялись среди низших слоев населения трудностями с приобретением топлива из-за большого дефицита углей, которые стоили вдвое дороже обычной цены. Люди всех возрастов страдали от тяжелого гриппа, сопровождавшегося лихорадкой довольно злокачественного типа: дети и лица, перешедшие, как обычно, средний период, страдали больше всего, поскольку их жизненные силы были менее энергичны, чем в промежуточные периоды существования. В октябре и ноябре (1813) тиф стал более частым явлением, чем в течение нескольких лет до этого: он преобладал в основном в грязных дворах Сафрон-Хилла, недалеко от Хаттон-Гардена, где жили почти исключительно самые низкие ирландские рабочие. Скарлатина также была распространена, но не была очень смертельной. Однако эти болезни не ограничивались теми местами, где они впервые появились; вскоре они проявились в многолюдных районах в восточной и северо-восточной частях города и в Боро, и были сильно распространены в переулках около Эссекс-стрит, в Уайтчепеле, около Голден-лейн, на Олд-стрит, и во многих грязных дворах около Коу-кросс и Чик-лейн, в окрестностях Смитфилда: они также были распространены в районах около Кент-стрит, в приходах Св. Георгия и Святого Спасителя, в Саутварке, в дворах, выходящих на Шоу-лейн, Клэр-маркет, Стрэнд, в Сомерс-тауне, и, как ни странно, меньше всего их было в Сент-Джайлсе, районе, который по пословице считается вместилищем нищеты и порока.

В этом году (1813) желтая чума снова появилась в Гибралтаре; она свирепствовала с октября по декабрь, когда утихла, причинив большие разрушения войскам, находившимся тогда в гарнизоне. Гражданское население страдало от не меньшей смертности. В следующем (1814) году эта эпидемия снова вспыхнула в августе и исчезла в конце октября; о ней больше не слышали на скале до 1828 года.

В 1813 году чума появилась на острове Мальта, где она не была известна уже 138 лет - с 1675 года. С апреля по ноябрь от нее умерло 4483 человека; она также свирепствовала в Гоццо, Корфу и т. д.

В 1815 году во всей Европе был неурожай, и над несколькими провинциями Неаполя нависла угроза голода. 27 декабря в Нойе разразилась подозрительная эпидемия: она представляла собой горячую нервную лихорадку, быстро протекавшую, с гангренозными и злокачественными нарывами и карбункулами; первыми и наиболее частыми жертвами были женщины; дети также страдали в той же пропорции; старики были более свободны. Вскоре после этого болезнь появилась в Кальяри, и, как утверждается, она не имела ни одного из признаков чумы, хотя и была очень смертельной. Этому мору предшествовал голод, начавшийся среди бедняков: в то же время преобладали и другие болезни: преобладание южного ветра, казалось, увеличивало его распространительную силу; он продолжался около шести месяцев, когда внезапно прекратился в следующем, 1816 году.

Примерно в этот же период, в 1815 году н. э., на острове Корфу появился мор; впервые он проявился в маленькой деревушке Маратея, в районе Лефхимо. Талли утверждает, что ничто не могло сравниться с убогим видом этой деревни - нищета со всем ее жалким скопищем сопровождающих представала взору на каждом шагу. Вблизи деревни повсюду виднелись застойные лужи и болота: дожди начались раньше обычного, за ними последовали долгая засуха и жара, неестественная для этого времени года, с постоянным сирокко или юго-восточным ветром: так быстро смертоносна была эта моровая язва, что более четвертой части жителей унесло за несколько дней. Зафиксировано, что из 700 человек, заболевших в этой небольшой деревне, выздоровели только 78!

В том же году на Востоке выпало большое количество осадков, особенно в сезон дождей, когда они были поистине чрезмерными, - и что еще более заслуживает внимания, так это то, что реки Ганг, Соан и Кусси вышли из своих границ и уничтожили огромное количество сельскохозяйственной собственности в соседних районах. Последовавший за этим холодный сезон также был влажным и не укреплял силы; и снова последовавший за ним жаркий или летний сезон также был влажным. Последовавшая за ним зима, к сожалению, тоже была сырой, а атмосфера во время последующего лета 1816 года была наполнена влагой в виде густых туманов; последовала засуха, так как жара была сильной; говорят, что было мало северных ветров, чтобы смягчить воздух, а те, что были, сопровождались небольшими дождями или вообще без них: к концу мая термометр поднялся до 98° в тени - очень редкая высота в Бенгалии. Такая палящая, обжигающая погода продолжалась до середины июня. В оставшуюся часть июня и в июле в Калькутте и ее окрестностях шли умеренные дожди; но в следующем месяце, августе, дожди стали скудными и редкими, а дни и ночи - угнетающе жаркими. В западной части провинций последовавшая за этим сильная засуха высушила реки, так что возникли опасения за сохранность посевов риса. 1 сентября наступили самые неожиданные перемены: дождь обрушился ливнем и не прекращался в течение всего месяца: он вызвал более сильное и обширное наводнение, чем то, которое случалось на памяти самого старого жителя.

Болезненные последствия долгой череды аномальных погодных условий стали очевидны среди людей. Преобладали низкие лихорадки тифозного характера, сопровождаемые злокачественной ангиной, - заболевание, ранее неизвестное здесь, согласно Бенгальскому отчету.

В 1817 году начался период эпидемии, во время которого болезни свирепствовали по всему обитаемому земному шару, и так продолжалось в течение нескольких лет: желтая чума свирепствовала с большой силой и вызывала огромную смертность в Саванне, Новом Орлеане, Мобиле, Натчезе, Гаванне, Балтиморе, Чарльстоне и других местах Соединенных Штатов.

Началась эпидемия холеры, которая произвела огромные опустошения, особенно в Индии, где она преобладала с интенсивностью и смертностью, равной той, что была у аналогичной болезни, ставшей смертельной для тысяч представителей человеческой расы в 260 году н.э. Этот мор вспыхнул в августе, как говорят, в местечке под названием Джессор, многолюдном городе в центре дельты Ганга, столице Сандербундов, удаленном от Калькутты примерно на шестьдесят английских миль, и там он вызвал большую смертность, оказавшись смертельным почти для всех, кого он настиг. Джессор описывается как многолюдное, грязное место, окруженное непроходимыми и болотистыми джунглями и, следовательно, подверженное всем ужасам малярийной и плохо вентилируемой атмосферы. За несколько недель только в этом районе погибло 10 000 жителей. В сентябре следующего года болезнь вспыхнула в Калькутте, где причинила огромные разрушения. Затем она распространилась вдоль берегов Ганга в северо-западном направлении, не заходя дальше Музуфферпора на восток. Он также с большой жестокостью напал на английскую армию, собранную в Бунделькунде под командованием маркиза Гастингса на берегу Синда, в самой центральной части Индии. Пять тысяч человек погибли между 15 и 20 ноября, всего во время эпидемии умерло 9000 солдат. Дороги были покрыты умирающими и мертвыми.

1818 г. Н.Э. Эта ужасная эпидемия распространилась на Джаулнах, на мадрасской стороне Индийского полуострова, а в августе того же года достигла Бомбея; фактически можно сказать, что она распространилась на все части Индии и на многие соседние страны, которые и по сей день страдают от нее, но в ослабленной степени. В марте в Банде и его окрестностях погибло 10 000 человек. В такой же пропорции пострадали Хатта, Саугур, Угейн и Котак. Столько же умерло от холеры в том же месяце в Аллахабаде. В апреле и мае нападению подверглись Коунпор, Меерхут, Агра и Дели, и болезнь свирепствовала в этих городах с особой силой. Примерно в то же время Лакнау и Физабад, города в Уде, были опустошены болезнью, и только в Горукпоре погибло 30 000 человек. В октябре болезнь вспыхнула в Мадрасе, а в декабре следующего года - на Цейлоне. В этот период она оказалась очень губительной для жителей Маврикия, свирепствовала в Бирманской империи, в королевстве Аракан и на Молуккском полуострове. Желтая чума в то же время свирепствовала в Соединенных Штатах и продолжалась два последующих года, 1819 и 1820, унося огромное количество людей во многих штатах, особенно в Нью-Йорке и Филадельфии; она также свирепствовала на Вест-Индских островах, на Бермудах, в Британской Гвиане и в различных частях южноамериканского континента.

1819 год был отмечен сильными волнениями стихий и общим распространением эпидемического мора по всему миру; его распространенность была отмечена во всех четырех четвертях земного шара, каждая часть которого была посещена формами болезни, свойственными ее климату. Участок земли, Уллах-Бунд, в дельте Инда, простирающийся почти на пятьдесят миль в длину и шестнадцать в ширину, был поднят на десять футов; прилегающие районы были подавлены, и черты дельты полностью изменились. Остров Пенанг, Суматра, Сингапур, королевство Сиам, а также острова Франция и Бурбон были заражены эпидемией холеры. В одном только городе Банкок, столице Сиамы, от этого страшного бедствия погибло 40 000 человек.

В 1820 году холера распространилась на Тонкин, Камбоджу, Кочин, Южный Китай, Кантон, Филиппины и т. д.

В 1821 г. Ксерес посетила желтая лихорадка; британские войска сильно пострадали, а гражданское население - в еще большей степени; она также с большим разрушением распространилась в Кадисе, городе, который в период с 1800 по 1821 гг. пострадал от одиннадцати эпидемических эпидемий подобного типа. (См. профессора Сальву из

Барселоны о желтой лихорадке). Сэр Джеймс Феллоуз в своих отчетах о моровой язве в Андалусии в эти годы утверждает, как уже отмечалось, что воздух от застойного состояния настолько испортился, что его вредные свойства поражали даже бессловесных животных. Зима в Америке в этом году была мягкой до конца декабря; весна была сырой и холодной, а лето сухим и знойным, с необыкновенной жарой; все растительные культуры, казалось, увяли, а засуха была настолько сильной, что колодцы или источники пересохли; термометр поднимался до 90° и 100° в мае; в болотистых районах преобладали перемежающиеся, ремиттирующие и желчные лихорадки с дизентерией. В августе желтая чума появилась в Нью-Йорке и вскоре распространилась в Бостоне, Филадельфии, Балтиморе и Чарльстоне; она также была распространена в Новом Орлеане, Натчезе, Мобиле, Алабаме и Гаванне и распространилась вдоль низких берегов реки Миссисипи. С этого периода и до 1822 года болезнь, хотя и уменьшилась в своей тяжести, все еще уносила огромное количество людей в различных районах.

Разрушительная холера, которая, можно сказать, не утихла вовсе, посетила в этом, 1821 году остров Ява, Бантам, Мендуру, Борнео и различные другие части Индийского архипелага. На Яве, как сообщается, было унесено 102 000 человек, 17 000 из которых принадлежали к городу Батавия, одному из самых нездоровых городов Востока. В том же году этот ужасный мор в июле месяце достиг Маската в Аравии, в западном направлении, где погибло 10 000 человек, и в течение оставшейся части года совершал большие опустошения в различных местах Персидского залива. В следующем месяце, августе, оно появилось в Персии и свирепствовало в Бассоре и Багдаде. В Бассоре за одиннадцать дней в жертву было принесено 18 000 человек, то есть треть населения, и такое же страшное разрушение постигло Багдад. В Бушире, где эпидемия вспыхнула в июле 1821 года, ее опустошительные последствия были наиболее страшными. Базары были закрыты, дома брошены, непогребенные мертвецы лежали грудami на улицах, а уцелевшее население искало спасения в бегстве. В Ширазе погибла одна восьмая часть населения.

В 1822-24 годах эпидемия вновь посетила Тонкин, а также Пекин, Центральный и Северный Китай, Молуккские острова, Амбойну, Макаassar, Ассам и большинство других восточных стран. В Испахане эпидемия не нанесла большого ущерба, но в Эрзеруме она напала на армию победоносного Аббаса Мирзы и пронеслась по его рядам от фронта до тыла, а охваченные ужасом солдаты бросали оружие и бежали от невидимого разрушителя. В течение этих лет, 1822-24, продолжавшихся до 1827-29-30, эта болезнь свирепствовала во многих главных городах Персии, а также в китайской Тартарии; она опустошила большинство густонаселенных городов Месопотамии, Сирии и Иудеи и достигла 150 миль от грузинских границ России: Болезнь была также распространена в Оренбурге и Астрахани, за пределы которых она, по-видимому, не выходила до 1828-29 годов, когда она появилась в Оренбурге, столице губернии этого названия, расположенной на татарской границе, в 400 милях к северу от Каспийского моря. В этот период болезнь свирепствовала и в других частях света.

В 1822 году был большой дефицит продуктов, и эпидемический тиф в значительной степени распространился на западе Ирландии, затронув и другие части этой несчастной страны. Примерно в этот период произошло ужасное землетрясение в Чили, в результате которого огромный участок земли, площадью 1000 квадратных миль, был поднят от двух до шести футов над своим первоначальным уровнем, и большая часть дна моря оставалась голой и сухой в половодье, а устрицы, мидии и другие моллюски прилипли к скалам, на которых они росли. Все рыбы были мертвы и выдыхали самые отвратительные выделения, что,

соответственно, приводило к заболеваниям. Обычный тиф преобладал в Париже, и в это время наблюдалось много случаев спазматической желтой лихорадки, как ее называли.

В 1823 году жители Лапландии, как утверждается, сильно пострадали от мышинной лихорадки; было унесено до 5000 голов, и даже волки были уничтожены ею, настолько сильной и всеобщей среди низших животных была эта болезнь. Желтая лихорадка в этом году преобладала в Лиссабоне и на острове Вознесения, а также в различных поселениях на африканском побережье, особенно в Сьерра-Леоне. Два последующих года, 1824-25, в Лиссабоне свирепствовал мор. В последний год желтая чума опустошила многие места на побережье Южной Америки, особенно в Бразилии. Желтая лихорадка преобладала в Рио-де-Жанейро. Засуха была чрезмерной, но сменилась проливными дождями, обычными для этой части земного шара. Только в одном поселении, Аракати, смертность за короткое время оценивалась в 30 000 человек. Огромное количество людей погибло во время попыток добраться до побережья за водой; погибли как дикие, так и домашние животные. Засуха с сопутствующими ей страданиями и смертоносностью была настолько велика, что жители и по сей день с ужасом говорят об этом бедствии. Примерно в этот же период оспа произвела большие опустошения в Гамбурге, а в Гранд-Каире от моровой язвы умерло 30 000 человек.

В 1826 году эпидемический тиф охватил всю Ирландию и вызвал огромную смертность. Доктор Грейвс в своих "Лекциях" упоминает о многих хорошо заметных случаях желтой лихорадки. Он говорит: "В этом году у нас было много случаев, которые по своим симптомам и болезненной анатомии полностью совпадают с желтой лихорадкой, - желтая кожа, черная рвота и т. д."

1827 г. Н.Э. В начале этого года Гронинген, Фрисландия, Северная Голландия, Бельгия и Нижняя Германия пострадали от эпидемии гриппа. Предыдущее лето (1826 г.) сопровождалось влажной погодой, и страны были сырыми от наводнений. Эпидемия свирепствовала с такой смертностью, что правительство Нидерландов сочло необходимым принять решительные меры для облегчения болезни, охватившей почти все население.

Желтая лихорадка была распространена в Соединенных Штатах; ремиттирующая лихорадка также свирепствовала в различных частях Англии; ее симптомы по тяжести были равны симптомам моровой язвы и были такими, каких едва ли можно было увидеть в Англии со времен Сиденхема.

В этом году на острове Сент-Томас в Вест-Индии разразилась необычная болезнь - своего рода ревматическая лихорадка, вызывающая сильные мучения, - и поразила почти всех из 12 000 человек населения. У негров она получила название "лихорадка денди". Болезнь оказалась чрезвычайно мучительной, калечила людей неделями и месяцами, заставляя их передвигаться на костылях; впрочем, она редко приводила к летальному исходу: она распространилась в целом по всем Вест-Индским островам. В следующем, 1828 году н. э., аналогичная болезнь преобладала в Париже, и парижане считали ее необычной. Один из авторов так описывает эту болезнь: "Как правило, она не сопровождалась лихорадкой, но поражала всю нервную систему самым необычным образом, особенно болезненным ощущением формации в руках и ногах, а также онемением, которое сначала захватывало члены, а затем распространялось на все тело. Формирование и болезненное онемение конечностей были настолько характерны для этой жалобы, что в Париже и других местах Франции она была известна под названием "mal des pieds et des mains".

Клеточная ткань при этом заболевании через некоторое время поражается; руки и ноги опухают, отек поражает лицо и некоторые другие части тела: во Франции от него страдает огромное количество людей. Ощущения сравнивали с уколами тысяч иголок или других

подобных острых инструментов; сильный жар усугублял страдания, и многие едва могли пошевелить телом или конечностями без сильных мучений; судороги и спазматические сокращения наблюдались во многих случаях; органы пищеварения были сильно расстроены, и в ходе болезни иногда развивались симптомы холеры; на теле появлялись различные высыпания; сон был нарушен из-за сильной боли и общего расстройства системы; иногда возникал бред; зрение и слух, а также обоняние были полностью потеряны у некоторых, а у других лишь частично нарушены. У одних выздоровление наступало через несколько недель, у других - только по прошествии нескольких месяцев. Огромное количество людей стали жертвами этой болезни, и многие в конечном итоге погибли от ее последствий.

В этом году, 1828, Гибралтар снова посетила желтая чума, которая атаковала как военных, так и гражданских лиц; она началась в сентябре; она вспыхнула среди самых грязных и многолюдных частей или районов на скале и некоторое время была ограничена ими, но в конце концов охватила все слои и классы общества. Было замечено, что в некоторых местах она преобладает в большей степени и сильнее, чем в других, особенно вдоль линии стены, выходящей к морю, - мало кто из солдат, размещенных там, избежал нападения, так что вскоре было признано необходимым снять дозорных, размещенных поблизости. С этого периода по 1834 год в Италии был сильный голод; времена года были влажными и жаркими; неоднократно случались наводнения, преобладали южные ветры и летние туманы. Французская армия, расположившаяся лагерем перед Неаполем, понесла большие потери от моровой язвы. Болезнь под названием "la trousse galante" унесла огромное количество людей во Франции. В этот период в Англии и других странах Европы наблюдались большие неурожаи, вызванные влажными и мягкими зимами, сменявшимися жарким летом: следствием этого были эпидемии моровой язвы.

В августе 1829 года в Оренбурге вспыхнула эпидемия чумы, сопровождавшаяся необычайными явлениями: атмосфера внезапно наполнилась густыми массами мелких зеленых мух, которые в Азии считаются предвестниками чумы и поэтому называются чумными; улицы кишели этими насекомыми, и, выходя из домов, жители были буквально покрыты ими с головы до ног.

1830 Г. Н.Э. В этом году в различных частях Германии, Ирландии и Америки на посевах картофеля и других культур появилась болезнь. В 1832 году она была более распространенной и тяжелой в одних местах, чем в других.

Холера в этот период проявилась на границах Черного моря, проникнув затем в центр Европейской России, где продолжалась всю зиму. К началу осени она с большой силой распространилась на грузинской границе Персии, появившись в июне 1830 года в персидской провинции Гилан, на берегу Каспия; из южных районов она распространилась северу, вдоль западного берега Каспия, пока не достигла Баку, Тифлиса, Астрахани и многих других мест, продвигаясь в самое сердце Российской империи. В Астрахани с июля по конец августа умерло 4000 человек, а во всей губернии - 21 270. В Саратове от нее умерло 2367 человек; а вскоре после этого, в 1792 году, когда напали донские казаки, погибло 1334 человека. В Пензе, расположенной примерно в 140 верстах к северу от Саратова, в течение двух недель было захвачено 1200 жителей, а 800 утонуло под ним. В Нижнем Новгороде, где вскоре после этого разразилась эпидемия, заболело 1863 человека, из которых около тысячи умерло. Смертность в Бессарабии и Молдавии была ужасающей: Яссы, столица Молдавии, почти обезлюдела. Эта ненасытная болезнь продолжала распространяться, неся смерть на запад и на север, через Россию, Польшу, Молдавию, герцогство Позен, Силезию и Австрию, посетив Варшаву и другие города Польши, и распространившись в мае 1831 года

на Ригу и Данцик, а в июне и июле на Санкт-Петербург и Кронштадт: в последний день августа она достигла Берлина, в сентябре - Вены, а 7 октября - Гамбурга.

В 1831 году холера преследовала русскую армию, участвовавшую в покорении Польши; она также оказалась очень разрушительной в Варшаве и во многих других местах в течение апреля и мая. В июне она воцарилась в Кракове и других прилегающих местах, распространившись в Галлию, Венгрию, Смирну и Константинополь; она свирепствовала с такой силой в Каире, что 10 400 магометан, кроме евреев и христиан, были унесены. В течение этого года, пока холера распространялась по континенту Европы, она появилась в Мекке, где оказалась очень губительной для "хаджи", или паломников. В августе она вспыхнула в Александрии, и почти в то же время все города в дельте Нила пострадали от ее насилия. В этом году, когда мор достиг своего апогея в Багдаде, население города оценивалось в 80 000 человек; из них 7000 погибли в течение первых двух недель: эпидемия продолжала усиливаться, пока максимальный уровень смертности в течение нескольких дней не достиг 5000 человек ежедневно: Предполагается, что 50 000 человек были унесены из этого преданного города за два месяца, в течение которых он был опустошен этой ужасной моровой язвой. По своей разрушительной силе он не уступал ни одному из известных ранее посещений; впрочем, это можно отнести не столько к действию миазмов моровой язвы, сколько к стечению обстоятельств, заставивших жителей плотно сгрудиться в определенных частях города. Реки Евфрат и Тигр разливаются дважды в год: сначала весной, после таяния снегов в горах Армении, а затем осенью, после периодических дождей. В этом году страна вокруг была затоплена до необычайной степени, превосходящей все традиционные примеры, - особенно нижняя часть страны. В Багдаде воды некоторое время удерживались от проникновения в город с помощью стен, но в ночь на 26 апреля часть их на северо-западной стороне города была подорвана и обрушилась. Воды немедленно хлынули внутрь и разрушили около 7000 домов, похоронив в развалинах 15 000 человек: многие из них лежали больные мором; кроме того, было большое количество непогребенных мертвецов. Вследствие ежедневного падения или частичного разрушения домов от наступления вод до их оседания, жители теснились друг к другу, а поскольку они были лишены обычных средств для погребения своих умерших, то тошнотворные ужасы моровой язвы удесят�рялись на глазах несчастных, оставшихся в живых, и тем самым еще больше усугубляли их страдания. Места погребения были скрыты под водой, и пока хватало сил и желания хоронить своих мертвецов, все открытые места, как рассказывает очевидец, - улицы, дворы мечетей и даже конюшни - использовались для обустройства могил. В одном конюшенном дворе, на который выходила терраса нашего дома, по словам того же писателя, в течение полутора дней было открыто и заполнено около ста могил; это было поистине ужасное зрелище - видеть, как неухоженных мертвецов привозили в курганах и на спинах ослов и укладывали на землю, пока для них не были приготовлены могилы. По мере того как смертность росла, мертвецов выбрасывали на улицы, и их с жадностью пожирали прожорливые псы, кишашие во всех городах Востока. Многие сделал тот, кто отнес мертвых домочадцев на берег реки и бросил их в воду. Давление голода также сильно ощущалось - наводнение отрезало все припасы от близлежащей страны; нельзя было получить никаких свежих продуктов, и хотя высшие классы, у которых обычно был запас кукурузы, были спасены от абсолютной нужды, тем не менее уважаемых людей видели толпами, просящими еду от двери к двери.

Продолжение: примерно в мае в Париже появилась эпидемическая болезнь, которая по симптомам напоминала эпидемический мор, описанный Соважем в 1743 году, а также описанный Рюйо в 1762 году. Термин "la grippe" был сочтен применимым к ней.

Как и во время эпидемий, о которых мы говорили, и как было замечено в прежние времена и отмечено Ривером, Сенертусом, Сиденхэмом, Лоэсом, Хаксэмом и многими другими, была замечена удивительная аналогия между "медицинской конституцией", существовавшей в течение нескольких месяцев, и развитием этой эпидемии. Все авторы, дававшие описания катаральных эпидемий, подобных той, о которой мы пишем, сходятся в том, что они почти неизменно следовали за холодным и влажным временем года, и что они, казалось бы, должны были быть вызваны внезапными атмосферными перепадами.

Эти факты согласуются с теми, что наблюдались в Париже. Болезнь начиналась с симптомов корицы, сопровождавшейся кашлем и хрипами; одышка, сопровождавшаяся сильным раздражением бронхов, переходила в пароксизм, который сразу же сильно обострялся. Один симптом был отмечен как довольно общий и заметный, а именно: чувство вялости и усталости конечностей, с более или менее сильной моральной прострацией: болезнь не была очень смертельной и обычно длилась восемь или десять дней. В этот период в деревне под названием Мандророс в России разразилась необычайная эпидемия - гангрена селезенки. В связи с необычным характером этой болезни ее описание, вероятно, будет интересным. Она началась без каких-либо предвестников; пациент внезапно ощутил жжение в желудке, сопровождаемое невыносимой болью в левой ипохондрии; вялость, рвота зеленовато-горькой жидкостью, кишечник, естественно, активный, моча скудная, потеря аппетита и затрудненное дыхание. В течение нескольких часов появились гнилостные явления, затем метеоризм, борборигмы, желтизна кожи и склеротические выделения; *facies Hippocratica*, судороги, холодные конечности и смерть. Эта болезнь, как утверждается, была не заразной, а эпидемической, и, как утверждается далее, напоминала ту, которую называли "сибирской чумой". После смерти разложение трупов происходило быстро, сначала появлялось черное пятно в области селезенки. Некротомия показала, что селезенка находится в разросшемся и гангренозном состоянии.

В октябре 1831 года холера появилась в Сандерленде, а через месяц после этого - в Ньюкасле-на-Тайне; она посетила Хоутон-ле-Спринг, Норт-Шилдс, Тайнмут, Саут-Шилдс, Гейтсхед и другие места. Сообщается, что первое появление этого заболевания в Лондоне произошло в следующем, 1832 году, в феврале, в непосредственной близости от судоходства; одиночные случаи встречались в тесных грязных кварталах для очень бедных, в начале декабря. В Шотландии болезнь появилась перед Рождеством, а в январе следующего года Лейт и Эдинбург сильно пострадали. В этот период болезнь вспыхнула во Франции, Голландии и вообще на Апеннинском полуострове. Летом 1832 года холера распространилась по всей Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльсу, на Нормандских островах, Джерси, Гернси и т. д., а также среди эмигрантов, прибывших в Квебек; из последнего города она перекинулась в Монреаль, Кингстон на озере Онтарио и в окружающие окрестности. Вскоре после этого нападению подверглись Нью-Йорк и Олбани в Соединенных Штатах, а через некоторое время болезнь распространилась на Филадельфию, Ньюкасл на реке Делавэр и многие другие части Соединенных Штатов; она свирепствовала в Новом Орлеане, как и желтая лихорадка: она появилась в Гаванне в июле 1833 года. Весной того же года грипп распространился по всей Великобритании и Ирландии: ранее он свирепствовал в России и северных районах Германии, где приносил огромную смертность.

26 марта Париж снова был охвачен холерой, и жители Кале также сильно пострадали; в Париже к концу сентября жертвами этого бедствия стали не менее 20 000 человек. В течение этого и следующего года холера свирепствовала по всей Испании и была особенно разрушительной в Мадриде. Многочисленные места на границах Средиземноморья были посещены этой язвой, и она вновь появилась в Лондоне и других местах этой страны, а также в Северной Америке.

С 1833 по 1838 год чума свирепствовала с большой силой, унося огромное количество людей, в Константинополе, Каире, Александрии и Смирне.

В 1834 году в Гибралтаре свирепствовала холера; она распространилась до самой скалы, и, похоже, никто не избежал этой болезни. 17 мая в окрестностях Аллахабада было замечено необычное явление - дождь из рыбы. Земиндары этой деревни предоставили следующие сведения, которые были подтверждены другими рассказами: "Около полудня, когда ветер дул с запада и было видно несколько далеких облаков, поднялся сильный ветер, сопровождаемый большим количеством пыли красновато-желтого цвета, от которой атмосфера была сильно загрязнена. Взрыв, казалось, простирался в ширину примерно на 400 ярдов; огромные деревья и большие здания были повалены, а когда буря утихла, земля вокруг деревни была усеяна мелкой рыбой на расстоянии двух биджей: все рыбы были вида чалва (*clopea cultrata*, словарь Шекспира); они были длиной в пролет или чуть меньше, а весом от одного иска до полутора; когда их нашли, все они были мертвы и сухи. Джумна протекает примерно в трех милях к югу от деревни, а Ганг - в четырнадцати к западу от востока. Рыба была непригодна для еды, и говорили, что, когда ее клали на сковороду для заправки, она превращалась в кровь!

Автор истории холеры, опубликованной в "Ланцете", пишет: "С древнейших времен можно было наблюдать, что чума и мор среди низших животных нередко либо предшествовали, либо сопровождали визиты, которым подвергалось человечество. Так, при осаде Трои, как рассказывает Гомер:

μετὰ δ' ἰὸν ἔηκε-

Δεινὴ δὲ κλαγγὴ γένητ' ἀργύρεοιο βιοῖο.

Οὐρῆας μὲν πρῶτον ἐπῴχετο, καὶ κύνας ἀργούς-

Αὐτὰρ ἔπειτ' αὐτοῖσι βέλος ἔχεπευκὲς ἐφίει ς

βάλλ'."

В Индии, как нам сообщают, домашняя птица и собаки часто погибали во время распространения холеры и с похожими симптомами. В Мариенбурге, в Пруссии, в 1831 году, рыба в больших прудах этого правительства, как говорят, погибла во время эпидемии, и сорок тонн ее было похоронено из одного пруда Динпербурга. В Варшаве некоторые примеры болезни, напоминающей холеру, были замечены и среди низших животных.

В начале этого года, 1834 г. н. э., египетские владения паши сильно пострадали от моровой язвы или чумы. Впервые она появилась в Александрии, куда, как сообщалось, ее привезли с Мальты: были приняты санитарные меры предосторожности, но предрассудки народа сделали их бесполезными, и от них отказались как от бесполезных. К концу февраля число умерших в Александрии достигло 200 человек в день. Затем болезнь распространилась на Большой Каир, а вскоре после этого потянулась вверх по долине Нила, сметая большую часть населения. В марте, по подсчетам, в Каире умирало от 300 до 400 человек ежедневно;

в мае их число возросло почти до 2000. Город Фуа, расположенный на берегу Нила, с населением в 2500 человек, как утверждается, потерял 1800 человек за очень короткий период. С течением года болезнь исчезла, но ее последствия, вместе с продолжительными военными действиями паши, привели к тому, что Египет почти обезлюдел.

В начале 1835 года произошло извержение Везувия, которое было описано очевидцем следующим образом: из нового кратера в направлении Кастельмаре вырвался поток раскаленной лавы, который за несколько часов распространился на несколько миль; его течение было отмечено пламенем, поднимавшимся в огромных количествах из земли, по которой он протекал. Сильный жар, вызванный этим огненным телом, ощущался в Сорренто. В том же году, 20 февраля, в Южной Америке произошло землетрясение; оно привело к разрушению городов Талар и Карико, а также Конкенеса, Линареса и Чилиана: в местечке под названием Консепшен не осталось ни одного дома, а рабочие, занимавшиеся ремонтом собора этого города, были погребены под развалинами. В июне град и грозы нанесли большой ущерб в разных частях Англии; 9, 10 и 11 числа разные части страны сильно пострадали; разрушение стекла в окрестностях Кембриджа 9 числа было оценено в 2000 фунтов стерлингов. В Ньюмаркете произошла аналогичная потеря имущества. В Дареме молния ударила в западную башню собора и сбросила вниз огромную каменную массу, которая, упав на мостовую, разлетелась на множество осколков, в тот момент, когда группа студентов университета, осматривавших недавно возведенный памятник, встревоженная грохотом, бросилась из собора; двое из них были мгновенно убиты падающими обломками, а десять других получили тяжелые ранения. Примерно в это же время, в январе, в маленькой деревушке Раффхатен на границе Валахии произошло необычное явление - падение метеоритов: около 6 часов утра, 29 января жители были разбужены ото сна шумом, похожим на сильный ливень с градом, за которым сразу же последовал сильный грохот окон; велико было их удивление, когда они обнаружили, что земля на пространстве почти двух лиг в окружности была покрыта огромным количеством мелких камней, самые маленькие из которых были около четверти дюйма в диаметре, а самые большие были размером с мрамор; Они были светло-шиферного цвета и очень тяжелые, не уступая кускам металла такого же размера; когда их клали в огонь, они горели как уголь, выделяя при этом большое количество газа.

10 августа в разных частях графства Ланкастер ощущались толчки землетрясения: в Клитерое было два толчка - первый, произошедший около двенадцати ночи, был незначительным; второй случился около половины третьего утра; сначала слышался грохот, похожий на отдаленный гром, за которым мгновенно последовало сильное сотрясение дверей, окон и мебели во всех домах района; многие люди в ужасе поднялись с постелей и бросились на улицы. Толчки ощущались в Даунхэме, Уайзвелле, Пендлтоне, Милтоне, Ваддингтоне и во всех окрестных деревнях, прилегающих к Блэкпулу. Потрясение также ощущалось в Ливерпуле, в Ульверстоуне, Кендале, Гарстанге, Престоне и Блэкберне, где оно вызвало серьезную и всеобщую тревогу.

В этом, 1835 году, холера свирепствовала в Ливорно, где ежедневно уносила по шестьдесят-семьдесят человек. 25 августа Одесса испытала сильный толчок землетрясения; оно впервые почувствовалось около пяти часов пополудни, когда у подножия горы Ард-шех (на которой расположен Кассарич) поднялся густой паровой дым, из которого с огромным шумом вырывались столбы пламени; это было похоже на извержение вулкана. В тот же момент почувствовалось, что земля качается, и началось ужасное землетрясение, толчки которого продолжались семь часов подряд, сопровождаемые сильным громом; люди чувствовали себя так, как будто они находятся на берегу океана, взволнованного сильным

штормом: около двух тысяч домов были разрушены; смятение и ужас достигли своего пика; жители бежали в деревню, но многие были настигнуты в своем бегстве и погребены под руинами: таким образом погибло невероятное количество людей. До 1 сентября ежедневно происходило три или четыре толчка, но они были незначительными и не причиняли особого вреда. Около этого времени жители Кассариха, которые укрылись в полях или бежали в деревни, смогли вернуться в город; все деревни на расстоянии более 140 миль ужасно пострадали; в большинстве из них погибло множество людей, а многие дома и другое имущество были разрушены. Больше всего пострадали: в Танлусии было разрушено около шестидесяти домов и погибло много людей; в Тапирарчи было убито много людей, а Кервер сильно пострадал. Больше всего пострадала деревня Манцофир. В Велекесе остался только один дом, и многие погибли. Версан был полностью поглощен, как и Кумеци, на месте которого впоследствии возникло большое озеро. Этот год, 1835-й, можно сказать, был отмечен серией потрясений; в ноябре, среди ночи, по всей Калабрии, Цитре и т. д. произошло землетрясение; за ним последовало еще десять толчков с интервалами. В разгар этих волнений Кастильони, коммуна в округе Козенца, была сровнена с землей, а большая часть населения погибла безвременно. Аналогичная участь постигла и небольшую деревню Бонелло. В Леппано, в Ронде, в Казоле и других местах были причинены огромные страдания из-за обрушения домов. В течение всего этого года и следующего, 1836-го, в разных частях света свирепствовали эпидемии. В Европе, Америке (Северной и Южной) и на большей части островов Вест-Индии в северном полушарии была распространена апоплексическая, пагубная лихорадка, как ее называли.

1836 ГОД Н.Э. В течение двух дней погода была очень бурной, ветер дул с северо-востока. В воскресенье, 1 мая, штормовой ветер усилился, земля потемнела от тяжелых облаков пыли, а Темза весь день казалась бурной, как беспокойное море. Последствия шторма были заметны как на суше, так и на море: многие дома были лишены крыш, а сады и прочее имущество уничтожены.

18 октября, около восьми часов вечера, на небе появилось одно из самых великолепных явлений, известных как "бореальные авроры", или северное сияние. Сначала появилась большая светящаяся арка, протянувшаяся почти с севера на юг, от которой очень низко в небе протянулись струи, идущие с северо-востока на юго-запад и увеличивающиеся в числе, пока они не начали приближаться к зениту, очевидно, с ускоренной скоростью. Внезапно все полушарие покрылось ими. Однако это великолепное зрелище длилось всего около сорока секунд: разнообразие цветов исчезло, лучи потеряли свое боковое движение и превратились, как обычно, в мигающие излучения, которые все уменьшались в своем великолепии, пока не исчезли, оставив лишь бледный белый свет у горизонта".

В 1837 году в Риме свирепствовала холера, вызывая огромную смертность, от 200 до 300 человек умирали ежедневно. О страшной смертности от этого бедствия один автор говорит, что на Индийском полуострове с 1817 по 1830 год из более чем 4 000 000 жителей 1 800 000 стали жертвами. Другой автор приводит следующие данные о количестве жертв, унесенных в этот период:...

В Эривани и Тавриде была уничтожена четвертая часть населения. В Сирии его бедствия были чрезвычайно разнообразны; в некоторых местах половина населения была унесена в плен, в то время как в других, как в Триполи, погиб только один из примерно 200 человек. В Тифлисе три четверти захваченных погибли, в Астрахани две трети были унесены. Из 16 000 человек, атакованных в Кавказской провинции, жертвами стали 10 000; в Москве - половина,

и в Оренбурге погибла только пятая часть жителей. Из 54 000 и более человек, подвергшихся нападению в российских губерниях, погибло более 31 000. В Венгрии, как говорят, было захвачено 400 000, и более половины было уничтожено. В этой стране (Англии) и в Уэльсе, согласно таблицам, предоставленным д-ром Мерриманом на основе отчетов, присланных в Тайный совет, из 62 000 нападений погибло 20 578. В Ирландии из 54 552 заболевших жертвами стал 21 171 человек. В странах Азии, не подвластных европейцам, сведения о разрушительных действиях этой болезни крайне расплывчаты и скудны, хотя есть основания полагать, что в некоторых из них они были более обширными, чем в Индии.

Желтая лихорадка преобладала в различных частях Соединенных Штатов с 1834 по 1839 год, особенно в Чарльстоне. Предполагается, что причины ее возникновения зависели от сильной летней жары - повышение температуры значительно превышало все известные ранее показатели. Кроме того, город был переполнен чужестранцами, нанятыми для восстановления города после пожара: их плохо размещали, а из-за высокой зарплаты в город потянулось огромное количество беспутных и несдержанных людей. Именно среди них в основном и распространялась болезнь.

В 1837 году грипп появился в Лондоне в первую неделю января. В течение предыдущих четырех месяцев погода была необычайно влажной, холодной и бурной; выпало большое количество снега, который собирался на земле, даже на улицах Лондона, где он лежал неделями. Испарение холодной воды, вызванное последующей оттепелью, сделало воздух холодным и влажным на долгое время. В ноябре этого года с юго-запада пришел ураган большой силы. В день Рождества на западе Европы одновременно бушевала буря с ветром и снегом - снег выпал даже на улицах Лиссабона и Палермо: в Англии он выпал так сильно, что затруднил сообщение по всей стране. Примечательно, что в Кантоне снег выпал в феврале, что было неведомо старейшим жителям. Французская армия, шедшая на Константинополь в Алжире, сильно пострадала от трехдневного непрекращающегося снегопада. В этот период во всех частях европейских и американских морей бушевали сильнейшие ураганы. Погода в Англии была неопределенной и переменчивой с Рождества до середины февраля, когда разразился грипп: его продолжительность в Лондоне составила шесть или семь недель; половина населения была поражена, а обычные показатели смертности за это время были почти удвоены. Больше всего пострадали пожилые и молодые люди. Сильно пострадали жители России, Швеции и Дании. В Копенгагене, по данным доктора Отто, в январе месяце не менее 30 000 человек одновременно страдали от этой болезни. Грипп был распространен и в Шотландии, где он был замечен раньше, чем в Англии, и в целом вспыхнул в северных и восточных районах Англии раньше, чем проявился в южных и западных. Париж эпидемия настигла на месяц позже, чем Лондон, так как до этого болезнь распространилась в Кале и других промежуточных районах. Она вспыхнула с большой силой на северном побережье Испании, усугубившись событиями гражданской войны, бушевавшей в то время в Бискайе и Наварре. Во второй половине 1836 года в Сиднее и на мысе Доброй Надежды также свирепствовала эпидемия, напоминающая грипп северного полушария.

Во второй половине марта 1838 года на острове Вознесения среди гарнизона и жителей вспыхнула желтая лихорадка, причинившая большие разрушения. Болезни предшествовали проливные дожди в течение нескольких дней: в результате образовались большие скопления воды, которые испарялись под воздействием палящего солнца. Одно из самых обширных таких скоплений образовалось в неприглядном месте, окруженном низкими домами, в которых жили португальские пленники, большинство из которых подверглись нападению. Люди, занятые на откачке этой воды, очень жаловались ее неприятный запах;

они также страдали от лихорадки, причем наиболее тяжело. Эпидемия охватила экипажи нескольких военных кораблей, заходивших на остров, и многие матросы и офицеры погибли.

1839 г. Н.Э. В феврале на горе Сен-Бернар вспыхнула эпидемия чумы, которая пронеслась с быстротой молнии. Она характеризовалась тифозными симптомами и сопровождалась затычным бредом с редкими короткими ясными промежутками; из одной семьи, состоявшей из двадцати одного человека, выжили только трое: она распространялась исключительно на тех, кто жил на горе. Эпидемический эризипелас бушевал с большой интенсивностью в Алжире в этот период; эпидемическая болезнь также преобладала в районе Куломье во Франции, называемая "sudor miliaris". Предвестники болезни были очень разнообразны: некоторые из заболевших, проснувшись, обнаруживали, что их заливают пот; у некоторых заболеванию в течение нескольких дней предшествовала прострация сил, боли в суставах и т. д. Характерным симптомом была боль и ощущение удушья в эпигастральной области; это ощущение было больше или меньше в зависимости от количества пота, который у некоторых был настолько обильным, что при поднятии постельного белья появлялся густой пар: высыпания появлялись на третий или четвертый день; через десять дней эпидермис становился морщинистым и отпадал в виде чешуйчатого мехообразного вещества. Наиболее смертельными были случаи, когда мучительные боли возникали в эпигастрии. На аутопсии были обнаружены везикулярные высыпания в кишечном канале. В этом году (1839) в Петербурге была очень распространена петехиальная лихорадка; она поражала людей своеобразным образом; во время болезни не было ни бреда, ни расстройства умственных способностей; они говорили и действовали здраво, но после стихания болезни, к концу третьей или четвертой недели, они как бы просыпались, осознавая свое состояние. Корь также бушевала эпидемически. Желтая лихорадка в этом году (1839) была очень разрушительной в Галвестоне в республике Техас.

В 1840 году в Германии среди сельскохозяйственных культур, особенно картофеля, появилось заболевание, которое, по словам д-ра Мартиуса, настолько распространилось, что вызвало серьезную тревогу и даже угрозу полного исчезновения этого эскулента. В то же время остров Арран и другие районы Шотландского нагорья пострадали от аналогичной болезни картофеля: она свирепствовала там с 1839 по 1842 год, уничтожив не менее половины растительности.

В 1841 году чума свирепствовала в Сирии и в Эрзеруме с большой жестокостью. В течение этого периода, продолжавшегося до следующего, 1842 года, в Швеции царил эпидемия религиозного экстаза, как ее называли. Этот необычный эпидемический недуг отличался двумя яркими и примечательными симптомами: один - физический, состоящий из спазмов, произвольных сокращений или деформаций и т. д.; другой - психический, представляющий собой экстаз, более или менее произвольный, во время которого пациенты считали себя боговдохновенными и были вынуждены говорить о сверхъестественных вещах, которые, как им казалось, они видели; иногда они были вынуждены проповедовать. Больше всего страдала женская часть общества. Все, что оскорбляло разум, судорожно реагировало на тело, вызывая своего рода хорею, которую пытались разделить на две различные формы болезни, называемые психической и физической хореей. Болезнь поразила несколько тысяч человек; она редко приводила к летальному исходу. Пострадавшие, выздоравливая, чувствовали себя вялыми и ослабленными как телом, так и духом. Желтая лихорадка в этот период была смертельной в Ки-Уэст, Восточная Флорида, в США. В начале 1841 года ремиттирующая лихорадка распространилась среди команды корабля "Странник", принадлежащего Королевскому

флоту, в основном среди экипажей лодок, работавших на реках Нуньес и Понгос. Семьдесят человек заболели, а девять умерли. В течение этого года ремиттирующая лихорадка преобладала на многих других кораблях королевы, работавших на африканском побережье для пресечения работорговли.

1843 ГОД. В этом году по всей территории Соединенных Штатов, а также в Британской Америке урожай картофеля поразила болезнь. Эпидемия эризипелазы, известная под народным названием "черный язык", вспыхнула в ноябре 1843 года в округе Рипли, Соединенные Штаты, и охватила большинство поселков Делавэр, округ Дирборн и т. д. Эта болезнь, - говорит доктор Саттон, - "либо приняла несколько обликов, либо мы имеем несколько эпидемий, проходящих по стране вместе: одна была эризипелас, связанная с *scynanche tonsillaris*, или опуханием некоторых лимфатических желез в горле; другая считалась тифозной пневмонией, иногда сопровождавшейся увеличением подмышечных желез". "Эти два заболевания, - продолжает писатель, - были так тесно связаны в моей практике, что для меня было вопросом, не является ли последнее легочным эризипеласом; предвестники у каждого заболевания были одинаковыми, характер лихорадки у каждого был одинаковым, и часто случалось, что одна форма заболевания переходила в другую. Болезнь, как правило, не была смертельной". Осенью этого года Бостон посетила эпидемическая лихорадка; в октябре и ноябре она также свирепствовала в местечке под названием Эри в графстве Нью-Йорк. Этот маленький городок, или, скорее, поселение Эри, состоит из полудюжины домов, в которых проживает сорок три человека, из которых двадцать восемь заболели в период с 19 ноября по 7 декабря, десять из них умерли от болезни. В этой маленькой общине существовали некоторые разногласия, и большинство из них придерживалось мнения, что колодцы были отравлены какими-то злонамеренными людьми: однако для такого предположения не было ни малейших оснований. Болезнь началась со слабости, озноба, боли в пояснице и голове; появились симптомы тифа, язык стал коричневым и сухим; был замечен слабый бормочущий бред, а также кашель с отхаркиванием слизисто-гнойного характера. Еще один небольшой городок, который примерно в этот период посетила очень смертельная болезнь - желтая лихорадка, - это поселение в глубине страны в округе Уилкинсон, штат Миссисипи, с населением 750 человек. Он расположен примерно в сорока милях от Натчеза, на возвышенности, на 340 футов над уровнем или берегом Миссисипи с постепенным уклоном во всех направлениях; рядом с городом нет ни ручья, ни пруда, ни низины, - словом, при осмотре города и окрестностей можно сказать, что это одно из самых подходящих мест на юге для здорового поселения. В то время в Новом Орлеане не было распространено желтой лихорадки - более того, не было ни одного случая этой болезни в любом месте вдоль реки; следовательно, она не могла быть завезена. В городе заболел почти каждый; смертность была огромной: в течение первой недели ежедневно умирало от семи до десяти человек из столь небольшого населения. Болезнь очень быстро прогрессировала; пациентов внезапно охватывали сильные боли в голове и пояснице и жгучая лихорадка; через некоторое время начиналась рвота черноватой жидкостью, похожей на кофейную гущу, и через несколько часов наступала смерть.

В 1842 и 1843 гг. холера в спорадической форме свирепствовала со значительной силой во многих частях Персии, продолжаясь через определенные промежутки времени в течение двух последующих лет.

В 1844 году желтая чума произвела большие опустошения в Гори, в Сенегале.

В 1845 году болезнь картофеля быстро распространилась по Германии, Голландии, Бельгии, северным районам Франции, а также по большей части Англии, Шотландии и Ирландии. В

следующем, 1846 году, эта болезнь появилась вновь. Во время распространения этой болезни было замечено явление, достойное внимания, а именно: существование тумана или туманов непосредственно перед поражением посевов. В Голландии густой зловонный туман, который распространялся очень широко, наблюдался в 1845 году, предшествуя картофельной болезни. М. Пети утверждает, что во Франции было отмечено, что болезнь появляется после тумана. В Англии наблюдалось то же явление.

Весной 1845 года ремиттирующая лихорадка вспыхнула на борту судна "Эклер", находившегося у берегов Африки; первыми заболели те, кто был занят в лодочной службе. В то время судно находилось у реки Шербро, и лодки уже некоторое время исследовали ее бухты, а также бухты в сибарском рукаве этой реки. Болезнь продолжала распространяться среди экипажей лодок, и через некоторое время те моряки, которые не покидали корабль, стали подвержены лихорадке, которая совершала среди них такие страшные опустошения, что в конце концов "Эклер" был отправлен домой в качестве *dernier ressort*. Болезнь имела все признаки настоящей желтой лихорадки. Во время плавания "Эклер", получив отказ в пратике на Гори, пристал к Боа-Висте, одному из островов мыса де Верд, где команда была высажена и пробыла несколько дней; но эпидемия продолжала захватывать свои жертвы, поэтому команда, как больная, так и здоровая, была снова принята на борт, и судно взяло курс на Англию. Не доходя до Мадейры, умерли капитан Эсткур, доктор М'Клюр и помощник хирурга мистер Хартманн, а на следующий день скончался хирург корабля мистер Мачончи. Мистер Сидни Бернارد, помощник хирурга "Гроулера", вызвавшись добровольцем, был назначен на место мистера Мачончи и исполнял свои обязанности до последнего. По прибытии этого плавучего очага паразитов в Англию, в пратике было отказано, и здоровые, больные и умирающие оставались на борту. В результате погибло еще несколько человек, а болезнь прекратилась только через две недели после прибытия на отмель. Мистер Сидней Бернارد и лейтенант Айзексон, командир корабля, стали ее последними жертвами. Всего на борту судна от эндемии умерло семьдесят четыре человека, от первого до последнего. После отплытия "Эклера" лихорадка в Боа-Висте очень широко распространилась и была очень смертельной; от нее пострадало большое количество жителей.

В 1846 году, во время похода мормонов через пустыню, по дороге в новый штат Дезерет или Юта, после изгнания из Наву, они сильно страдали от эндемических заболеваний, в основном от возвратной и желтой лихорадки. Только в одном лагере от них пострадал 31 процент, и на всем протяжении дороги были обнаружены могилы погибших. Они также сильно страдали от странной скорпионовой болезни, которую они называли "черной раковой опухолью" и которая часто приводила к летальному исходу.

В это время, за несколько дней до того, как болезнь поразила картофель, было замечено, что плотное облако, похожее на густой туман, покрыло всю страну; оно отличалось от обычного тумана тем, что было довольно сухим и имело неприятный запах.

Продолжение: в этом и следующем, 1847 году, в Шотландии была распространена эпидемическая возвратная лихорадка. В Глазго было замечено, что в эпидемической конституции произошли заметные изменения. Экзантематозный тиф - разновидность продолжительной лихорадки, характеризующаяся наряду с другими симптомами высыпаниями на теле, напоминающими корь, протекающая в среднем двадцать один день и уносящая около 10 процентов жизней, - был вытеснен ремиттирующей лихорадкой, иногда сопровождающейся питекантропами, но не сопровождающейся высыпаниями: она также часто сопровождалась желтухой. Эпистаксис был очень частым; когда болезнь возникала у женщин в период менструации, выделения были повсеместно обильными, и очень многие женщины в состоянии беременности, охваченные болезнью, прерывали беременность;

кризис обычно формировался на седьмой день; рецидивы были частыми - фактически, почти неизменными при любых мерах предосторожности: смертность составляла около 3½ процента. Жертвами этой болезни стали около 15 000 человек, в основном те, кто проживал в плохо проветриваемых и грязных районах города, - бедняки и обездоленные.

Незначительная смертность по сравнению с тяжестью симптомов и слабостью, которую она оставила после себя, была предметом удивления. Эта болезнь, по-видимому, была очень похожа на ту, что преобладала в Дублине в 1826 году. Ратти в своей книге "Болезни Дублина за сорок лет" упоминает о нескольких эпидемиях, которые напоминали болезнь в Глазго. Они произошли в 1740, 1745, 1764 и 1765 годах. Есть также некоторое сходство между этой лихорадкой и той, что преобладала в Дублине в 1816 году, как сообщает доктор Стоукс.

В начале 1845 года холера с большой жестокостью распространилась по берегам Инда, и примерно в тот же период оказалась очень разрушительной в Афганистане. Затем она проникла в Персию, пересекла эту страну с востока на запад, распространилась на север в Тартарию и на юг в Курдистан, а также в пашалык Багдада. В сентябре болезнь распространилась в Герате и Самарканде, а в ноябре - в Бохаре. Крайняя злокачественность болезни может быть понятна из описания многих случаев. "Те, кто подвергся нападению, внезапно падали в состоянии летаргии, и в конце двух или трех часов умирали без конвульсий или рвоты, но от полного застоя крови, которую никакие средства не могли вернуть к циркуляции".

В этот период в Куррачи, недалеко от устья Инда, произошла самая страшная вспышка моровой язвы, которую только можно себе представить, и за несколько дней унесла 8000 жертв. Описание, данное очевидцем сцены в Куррачи, как говорит д-р Гэвин Милрой (в своей превосходной брошюре о холере), настолько полно ужасающего и поучительного интереса в отношении некоторых из наиболее поразительных характеристик посещений моровой язвы, что мы не можем удержаться от краткого изложения его основных деталей:...

В течение первых двух недель июня стояла сильная жара, но станция оставалась вполне здоровой. В воскресенье, 14-го числа, атмосфера была более чем обычно застойной и гнетущей; один из корреспондентов, присутствовавших при этом, говорит: "Казалось, сами небеса надвинулись на наши плечи; ощущение было удушающим". Когда войска шли в церковь, по небу поползло темное предвещающее облако, и внезапный порыв ветра угрожал зданию: он прошел почти так же внезапно, как и появился, и когда верующие удалились, воздух был таким же спокойным, как и в момент их сбора. В тот же час появился мор; до полуночи девять солдат 86-го полка были мертвы, а в госпиталь стали привозить людей в таком количестве, что трудно было принять меры для их приема; это была страшная ночь. С наступлением утра пришло известие о том, что мор охватил город и что пятьдесят человек уже стали жертвами его смертельного яда. Какой ужасной должна была быть стремительность нападения, когда мы узнаем, что иногда в течение не более чем пяти минут здоровые и крепкие мужчины были схвачены, сведены судорогой, упали и умерли! Мужчины, присутствовавшие на похоронах своих товарищей, подвергались нападению, их несли в госпиталь, а на следующее утро хоронили самих. Утром и вечером на церковном дворе выкапывали ямы; зашитые в постельное белье, без гробов, мертвые лежали рядом, и над всеми читалась одна служба! В течение следующих пяти дней стихия бушевала с ужасающей яростью; затем она ослабла, но еще неделю продолжала витать в воздухе. Менее чем за две недели 900 европейцев, в том числе 815 бойцов, были сметены с лица земли. Кроме них, в вечность канули 600 туземных солдат и 7000 лагерников и жителей города. Примерно в это же время в Суккуре, расположенном в 180 милях от Куррачи, разразилась жестокая лихорадка, которая через несколько часов оказалась смертельной. Хайдарабад,

промежуточный пункт между этими двумя местами, почти сразу после этого посетила холера. Мистер Александр Том, хирург 86-го полка, во время взрыва в Куррачи, так выразился об этом: "Я был свидетелем болезней тяжелых и смертельных, и самой холеры в явно тяжелой форме, но я никогда не мог предположить, даже в Индии, ее появления в такой ужасающей форме, как та, в которой она недавно развилась в 86-м полку: она разразилась почти буквально, как раскат грома, за которым последовал смертоносный взрыв, оказавшийся почти мгновенно смертельным".

В 1846 г. в Галлии произошла страшная смертность от голода и эпидемического мора: за первое полугодие умерло 1234 человека, а за аналогичный период последующего года смертность составила 5188 человек! В это время в Канаде (Северная Америка) стояла ужасно жаркая погода, термометр часто показывал 96° и 98°; от лихорадки ежедневно умирало множество людей. Эпидемическая холера, бушевавшая течение двух лет в Персии, к концу лета 1846 года вспыхнула в Тавризе и Тегеране, а осенью распространилась в местах, приближенных к российским границам. 16 ноября 1846 года случаи заболевания наблюдались в деревне Иалиани, а также в том же месяце в Лейкоране; следует отметить, что именно эти места впервые подверглись нападению в 1830 году. Болезнь также появилась в Бакру, в декабре перешла в Шемаху и Дербент, а в феврале 1847 года - в город Конба. Появление болезни в Ялянах и в Талышском районе было отмечено той злобой, которая в большинстве случаев характеризует начало холеры. В Ялянах мы наблюдаем замечательный пример того, как влияние торговли и местности способствовало ее распространению, выбирая в качестве жертв тех, кто только недавно оправился от лихорадки в стране: холера почти неизменно уносила всех, на кого нападала, девять десятых становились жертвами болезни. В местностях Закавказских губерний приступы стали менее сильными, а без городов болезнь уже не принимала злокачественного характера. К концу февраля предполагалось, что болезнь прекратилась, но в следующем месяце, марте, она возобновилась с удвоенной силой, а в апреле с ужасающей быстротой распространила разрушения. Пересекая берега Каспийского моря, она достигла Тифлиса в мае. В этом месяце она появилась и по ту сторону Кавказа, у Кизляра, откуда, вновь взойдя на Терек, проникла в Моздок, в конце июня - в Пятигорск и Георгиевск, а в первую неделю июля вступила в Ставрополь.

С октября 1846 года по июнь 1847 года на Кавказе и в Закавказских губерниях было зарегистрировано не менее 17 055 случаев холеры, из которых умерло 6318 человек. Астрахань сильно пострадала от холеры, большое количество жителей было унесено, как и в Москве. Из официальных сообщений, полученных из Петербурга, следовало, что холерой были поражены жители западного города Александров, а также Ольгопольского уезда, в Подолии. Последний находится на расстоянии около тридцати миль от австрийских границ.

В 1846 и 1847 годах эпизоотия или мор уничтожил много скота в Европе, в основном быков; собаки, лошади и овцы пострадали сравнительно меньше. Большое количество рогатого скота было уничтожено в Валахии. Разновидность плевропневмонии поражала людей и животных в различных частях Шотландии, главным образом в Восточном Лотиане, а также в Абердиншире, распространяясь по всему северу; она также в некоторой степени преобладала в Айршире.

В январе последнего, 1847 года, грипп распространился на побережье Португалии и на юго-востоке Испании; он также появился на Ньюфаундленде и в Новой Зеландии; в марте - в Вальпараисо; в апреле - на побережье Сирии; в июле, августе и сентябре он вспыхнул на

западном побережье Африки, к югу от экватора; в это время (в августе) он свирепствовал в Гонконге. В декабре Париж был охвачен этой болезнью, которая также свирепствовала в Мадриде; она называлась "la grippe" и захватила более половины населения: говорят, что в Париже пять тысяч человек были уложены в постель из-за этой широко распространившейся болезни в одно время. Примерно в этот же период остров Ява был охвачен эпидемическими заболеваниями. Вирусная оспа принесла большие разрушения, а затем в Ирландии воцарился тиф; смертность среди медиков была огромной: по подсчетам, в течение года там умерла пятнадцатая часть всего медицинского сообщества. Большая смертность от тифа наблюдалась в Праге с 16 декабря 1846 года по 16 декабря 1847 года; число умерших за это время составило 5192 человека. В течение последнего, 1847 года, холера свирепствовала в Москве, Стокгольме, Петербурге и Кронштадте; различные части Европы посетил грипп, от которого пострадала большая часть жителей Копенгагена; болезнь также преобладала в Марселе, поразив половину населения из 80 000 человек; характер ее, однако, был легким.

В последние две недели ноября 1847 года вспыхнула эпидемия довольно примечательного характера, которая распространилась на севере Шотландии, начавшись в Данди, пройдя по всему побережью до Киннэрдс-Хед и распространившись в западном направлении, затронув Хантли, Кит, Элгин и Инвернесс; сначала болезнь проявилась болью в горле, затем головной болью, болезнью желудка и отхаркиванием темной, желчной на вид субстанции. Этот недуг дошел до такой степени, что университет и Королевский колледж, где в то время проходили занятия, были закрыты; половина студентов Маришальского колледжа и университета были отложены; в такой же пропорции пострадали и ученики грамматических школ. В Эдинбурге и Монтроузе болезнь достигла угрожающих масштабов, и школы в целом были посещены; 810 учеников, принадлежащих к школам в последнем месте, пострадали за один раз. Главной причиной считается сырая и дождливая погода. Желтая лихорадка преобладала в Новом Орлеане с 5 июля по 22 октября; она унесла 2544 человека. Холера в этом году преобладала в Трапезунде, расположенном на восточных берегах Черного моря. Один известный автор утверждает, что жители этого города жестоко страдали: Примерно в то же время Константинополь поразила страшная моровая язва, которая оказалась смертельной. У нас также есть сведения о голоде и моровой язве в Силезии. Голод и бедствия в Рыбенске и Плесе были ужасающими; во многих частях последнего места умерло на 4500 человек больше, чем в предыдущем году, который также был очень смертельным; от 15 до 20 процентов жителей были перебиты болезнями. В Рыбенске от голода ежедневно умирало огромное количество людей, а Комитет помощи заявлял, что сотни детей-сирот были замечены стоящими рядом с трупами своих родителей и просящими хлеба.

В течение последних двух лет эпидемический мор свирепствовал и приводил к смертельным исходам в разных частях света. В последнем, 1847 году, грипп свирепствовал по всей Англии; следующими наблюдениями, взятыми за основу отчета генерального регистратора от 30 января 1848 года, мы завершаем эту историю эпидемических моров:

Метеорологические явления были особенно примечательны перед началом эпидемии гриппа. Население не получало достаточного количества картофеля из-за нехватки, вызванной болезнью, которая существовала в предыдущие годы, - своеобразной вспышкой. В начале года распространилась цинга. В апреле началась эпидемия сыпного тифа, и смертность увеличилась. Распространились также диарея, дизентерия и холера. С первой недели октября ветер дул с юго-юго-запада и юго-востока. Погода была повсеместно теплой; 24 октября наблюдалась яркая аврора, которая потрясла магниты. В течение квартала она появлялась восемь раз. Во вторник, 16 ноября, наступила удивительная темнота; ветер

сменился на северо-западный и, несмотря на различные изменения, по-прежнему дул с севера над Гринвичем со скоростью 160 и 250 миль в день. Средняя температура воздуха внезапно упала с 11° выше до 10° ниже средней. В воскресенье было 54°, в пятницу - 32°, в ночь на пятницу - 27°. Земля была замерзшей; ветер три дня был тихим, а в субботу вечером над Темзой и Лондоном в течение пяти часов стоял густой туман. В течение недели в воздухе не шевелилось электричество - все было неподвижно, словно природа затаила дыхание при виде губителя, явившегося принести в жертву своих детей. В понедельник небо стало пасмурным, воздух влажным; ночью ветер сменился на южный и восточный и в течение четырех дней проходил над Гринвичем со скоростью 200 и 300 миль в день. Температура внезапно поднялась и оставалась от 2° до 9° выше средней в течение всей недели, закончившейся 27 ноября. Началась эпидемия гриппа: в первую неделю декабря умерло 2454 человека, в следующую неделю - 2416 человек, а за шесть недель - 11 339. Эпидемия за это время унесла 5000 человек сверх смертности сезона. Загородные районы, похоже, не пострадали ни в какой степени, - факт, который показывает, насколько чистота воздуха влияет на возникновение эпидемических заболеваний.

Грипп, как было замечено, часто связан с другими эпидемиями: он предшествовал и сопровождал чуму или "черную смерть" в XIV веке; он предшествовал великой чуме в Лондоне в 1665 году; он последовал за эпидемическим тифом в 1803 году; предшествовал тифу в 1837 году и произошел в разгар эпидемии брюшного тифа в 1847 году. Грипп также предшествовал и следовал за эпидемией холеры с 1831 по 1833 год. Короче говоря, можно сказать, что грипп с незапамятных времен, как правило, предшествовал и сопровождал эпидемический мор во всех уголках земного шара, как это отмечено Генеральным регистратором в Англии в 1728, 1733, 1743, 1758, 1762 годах; через пять лет после этого в 1767, 1775, 1782 годах; снова в 1788, 1803, 1831, 1832 и следующем 1833 году, а также в 1846 и 1847 годах.

ГЛАВА IX. ПРИРОДА И ПРИЧИНЫ ЭПИДЕМИЧЕСКИХ МОРОВ.

У нас есть множество оснований полагать, что ничто не бывает случайным, но, напротив, все в этом мире является следствием замысла; все окружающие нас вещи несут на себе явную печать мастерства и благодеяний своего всемогущего Автора.

"Так по мощному кивку твоему, ЭФФЕКТ и ПРИЧИНА

Идут рука об руку, согласуясь с законами твоими;

Встают по зову воли; объединяются в группы,

Развлекают, радуют, наставляют и служат человечеству".

Истории эпидемических моров или болезней - из-за огромного количества людей, которых они охватывают в одно и то же время, а также из-за их интенсивности и разрушительности - не только имеют большее значение для человечества, чем общие недуги, но и представляют глубокий интерес в той мере, в какой это касается вопросов патологии. Эпидемии также чрезвычайно интересны с физической и моральной точки зрения: их история и исследование их причин позволяют понять устройство мира, в котором совокупность органической жизни подвергается воздействию больших сил природы; ведь, насколько

позволяет судить человеческое знание, все организованные тела, в силу различных причин, столь же несхожих, сколь сложных и многочисленных, в большей или меньшей степени подвержены изменениям и распаду. Так, мы видим, как болезни поражают и уносят человечество во все времена и во всех регионах: роса губит бессловесных животных, а морок не щадит растительное царство, от самого крепкого дуба до самой ничтожной травы; в общем, вся природа в разной степени подвержена разрушительной тенденции стихий в их общей эволюции в мирской экономике, основанной на неизменных законах, вытекающих из изначального и высшего положения:

"Чудотворная рука,

----- в величественном молчанье колеблет по воле

Могучие движенья беспредельной природы".

Учитывая, что эпидемические моры или болезни с незапамятных времен были более разрушительными для человечества, чем все другие недуги или даже голод и меч вместе взятые, несколько удивительно, что всестороннее и эффективное исследование такого важного класса болезней, основанное на расширенных и научных взглядах, еще никогда не было сделано, - более того, почти никогда не предпринималось. Такое равнодушие к детальному изучению природы и причин эпидемий, а также безразличие, проявляемое к повседневным явлениям, на которые так много обращали внимание древние, в высшей степени предосудительно; Ибо ничто не может быть более вредным для дела истины и не может более тормозить научные поиски, чем такое пренебрежение к природе вещей, ибо одного только повседневного опыта достаточно, чтобы показать, что каждый эффект в физическом мире имеет предшествующую причину, которая в любое время открыта для экспериментов и исследований и которая, как бы ни была неясна вначале, часто может быть объяснена и понята с помощью тщательного наблюдения и неуклонного упорства в наших исследованиях.

Эпидемии - это острые заболевания, которые быстро проходят свои стадии, что делает абсолютно необходимым, чтобы мы были готовы не только быстро облегчить состояние тех, кто подвергся нападению, но и, если возможно, предотвратить поражение других, что можно сделать, только обратив внимание на результаты беспристрастного исследования всего, что известно о законах, по которым они управляются - причины, по которым они возникают, и способ их распространения.

Древним, которые были точными наблюдателями природы и ее законов, мы обязаны многими ценными сведениями о всеобщих бедствиях, называемых эпидемическим мором,^[2] и хотя среди их трудов мы можем с первого взгляда не узнать многие болезни по нашей современной номенклатуре, тем не менее, при внимательном прочтении и исследовании мы сможем идентифицировать некоторые из них в достаточной степени, чтобы показать мудрость и превосходство решений наших предшественников по сравнению с путаницей и бесполезностью многих нозологических различий и классификаций, созданных со времен Гиппократов, которые не только отвлекают нас от истинного характера болезней, но и вводят в заблуждение в наших практических взглядах.

Записи древности показывают, что все виды моровой язвы, включая лихорадочные заболевания, были известны под разными названиями с самых ранних веков существования мира. От начала еврейской нации, от первого поселения израильтян в нездоровом Египте до сегодняшнего дня, мы наблюдаем серию чумы или моров, охватывающих различные части обитаемого земного шара и уничтожающих миллионы представителей человеческого рода;

и если мы обратимся к истории древних народов, а также к современным анналам медицины, мы найдем в них записанный один и тот же характер болезней, возникающих по одинаковым причинам, происходящих в похожие сезоны, происходящих в похожих местностях и отмеченных в целом одинаковыми обстоятельствами. Поэтому предположение о существовании какой-либо новой болезни, выдвигаемое некоторыми современными авторитетами, представляло бы Божественную силу как отказ от законов природы, - короче говоря, подразумевало бы не что иное, как приостановку или изменение действия тех законов, которые Всемогуший в своей мудрости наложил на природу при сотворении;

"По чьему всемогущему слову

Все они из ничего произошли;

И все пребудут

От изменений свободны;

Его твердый указ

Непоколебимо постановление Его".

-законы, которые благочестивый псалмопевец Израиля в своих размышлениях о божественной благодати и величии Иеговы, проявленных в царстве природы, описывает как восхитительную цепь естественных причин и следствий, созданных и сохраненных им в этом нижнем мире: "Все, что угодно Господу, Он делает на небе и на земле, в море и во всех глубоких местах. Он заставляет испарения подниматься от концов земли, Он делает молнии для дождей, Он вызывает ветер из своей сокровищницы, Он поражает первенцев Египта от человека до зверя, Он покрывает небо облаками, Он готовит дождь для земли и т. д. - Предположение о существовании какой-либо новой болезни в наши дни, следовательно, несостоятельно, но должно быть объяснено нашей неспособностью проследить болезни под теми же названиями и точными характерными симптомами, которые были описаны нашими предшественниками в изучении природы; На самом деле, сравнительно современное происхождение некоторых болезней, можно сказать, опирается на отсутствие или недостаток четкого и явного уведомления о них в трудах древних, возникающих в некоторой степени из-за ложных или несовершенных переводов с оригинала, а также из-за практики древних в отнесении различных злокачественных заболеваний к одной и той же язвенной конституции; ибо следует помнить, что они считали, что все лихорадочные заболевания имеют такое родство друг с другом, что они классифицировали все язвенные эпидемические бедствия под одной общей головой или термином, то есть., PESTILENCE, PLAGUE, or FEVER; под названием "чахотка" они отмечали все хронические заболевания; а фурункулы, струпья, пустулы, пятна, карбункулы и т.д. были включены в понятие "кожные заболевания".

Далее, ссылаясь на современную номенклатуру, мы слышим, что мор в Египте называется чумой, желтая лихорадка в Америке и других странах - желчной ремиттирующей и интермиттирующей, а также желтой лихорадкой в Вест-Индии, тифом или нервной лихорадкой в Великобритании: мы читаем о тех же эпидемиях, которые древние называли прыщами, пустулами, апостемами и гангренозными язвами, теперь называемыми явной и сливающейся оспой, карбункулами и т. д.: И я повторяю, что изучение древних писаний, как священных, так и светских, не только дает нам достаточно доказательств происхождения, природы, причин, прогресса и насилия таких болезней в первобытные века мира, но они также демонстрируют идентичность древнего моровой язвы и современной чумы, -сходство

древних и современных лихорадок, сходство горящих фурункулов и современных карбункулов, сходство пустул и оспы - все это доказывает, что никаких *существенных* изменений в природе болезней или их причинах не произошло со времен первого заселения мира; И, прежде всего, они демонстрируют постоянное единообразие Провидения во всех действиях природы.

ГЛАВА X. О ПРИЧИНАХ ЭПИДЕМИЧЕСКИХ МОРОВ.

"Docebo causas, quas diligentîâ experientiâque comperi".

Опыт учит нас, что явления эпидемического мора или болезни разнообразны и непохожи друг на друга, не имеют регулярного хода или последовательности, но начинаются и прекращаются в периоды, зависящие от определенных изменений времен года и изменяемые различными обстоятельствами, особенно такими, как местность и привычка организма.

Хроники всех народов изобилуют заметками о замечательных волнениях природы, которые время от времени оказываются столь губительными как для животного, так и для растительного царства; и если внимательно изучить факты, подробно изложенные в историях эпидемических моров или болезней, то можно легко понять, что в определенные периоды или времена года ЭЛЕМЕНТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ охватывала, так сказать, весь земной шар, неся смерть и несчастья во все уголки. Поэтому я придерживаюсь мнения, что грандиозные явления природы, проявляющиеся в волнениях нашего физического мира, дают нам богатый материал для объяснения всех эпидемических моров и болезней; что последние, следовательно, можно отнести к естественным причинам, без поиска или охоты за таинственными агентствами, пренебрегая теми, которые природа постоянно представляет нашему взору.

Я полностью осознаю, что установление причин болезней любого описания является вопрос, присутствующих с большим количеством трудностей, не только от разнообразия и непроницаемой природы причины себя, но и от особенностей функций и различных идиосинкразии живой системы, на которую такие причины действовать; многочисленные условия, будучи найдены способны изменить последствия общей причиной болезни, виз. Сезон года, особое состояние атмосферы, особенно в отношении тепла и влажности, обстоятельства местности, различные темпераменты людей, подверженных их действию, влияние предыдущих заболеваний, - все это в большей или меньшей степени способствует возникновению разнообразных форм заболеваний.

В качестве иллюстрации, говоря об атмосферном влиянии - *главной возбуждающей* причине болезней, - каждый практикующий врач знаком с определенными условиями, которые благоприятствуют возникновению определенных расстройств, таких как обычный катар или простуда, и ее более тяжелая форма, называемая гриппом, коклюш, поражения кишечника, желудочные лихорадки и т.д. Воздействие внешней температуры сначала производит на функции кожи (которая соединяет нас с внешним миром) увеличение или уменьшение естественных выделений, внезапно изменяя или нарушая баланс циркулирующих жидкостей между внешними и внутренними частями или поверхностями, независимо от процесса потоотделения, обычно называемого потом, поскольку существует бесчисленное множество

химических агентов, более ядовитых и более важных с точки зрения их устранения из системы в форме неощутимого пота. Я повторяю, что воздействие внешней температуры, вызывая реперкуссию кожных выдохов (чувствительных и неощутимых), так повреждает *жизненную силу* системы, чтобы быть *возбуждающей* причиной болезни; и, хотя из-за наших несовершенных знаний, это едва ли допускает исследование, оставляя в стороне химические исследования, так что мы не можем объяснить или определить точную особенность каждого и каждого условия атмосферы, благоприятствующего производству каждого вида расстройства, эффекты такой внешней температуры, однако, не менее определены и очевидны для наших чувств. Все факторы естественны, заключаются в избытке состояния или изменений, действующих на людей, чья восприимчивость варьируется значительной степени от моральных, а также физических *предрасполагающих* причин; но наша неспособность определить их особые условия или *aurea*, как заметили Гиппократ, Сиденхем, Бэкон и другие, не более ополчается против наших рассуждений об их видимых эффектах, чем знание гравитационного принципа или силы необходимо для доказательства гравитации.

Но к вопросу о причинах, возбуждающих и предрасполагающих к болезням; следует предположить, что, приписывая эпидемические моры или болезни естественным причинам, не следует полагать или делать вывод, что одна из таких причин, как тепло, холод, влага, засуха и т. д., будет достаточной для возникновения болезни: для этого необходимо сочетание этих причин в непрерывности и последовательности, в поводе и вариации, а также в обстоятельствах и вирулентности.

Мне всегда казалось, что никогда не проводится, а точнее, никогда не проводилось, правильного и достаточного различия между предрасполагающими и возбуждающими причинами болезни - ошибка, которая приводит к большой путанице и противоречивым выводам со всех сторон. *Например*, в отчете об эпидемическом море, бушевавшем несколько лет назад в Ирландии, было единогласно установлено, (так говорится в отчете) "что предрасполагающими причинами были быстрые атмосферные колебания, низкие болота и другие выделения". Здесь мы имеем возбуждающую причину, "атмосферные колебания", объединенную с предрасполагающей причиной, "болотные выделения"; в то время как, с другой стороны, в недавних отчетах о холере от различных авторитетов, мы имеем болота и другие выделения в качестве возбуждающих причин, что, по размышлению, покажется любому человеку явно ошибочным, поскольку, если болота и другие выделения должны рассматриваться как возбуждающие причины, а не предрасполагающие к болезни, мы вряд ли когда-либо найдем места, свободные от моровой язвы, где, как предполагается, эти вещества зарождаются, в то время как мы видим различные местности в Южной Америке, - в Британской Гвиане, например, и даже в Эфиопии, - которые были осуждены как очаги и питомники моровой язвы, где гниение, как предполагается, создает и концентрирует свои самые смертельные яды, - все еще пользуются своими сезонами солёности: Повторяю, именно из-за отсутствия таких различий между возбуждающими и предрасполагающими причинами, в сочетании с неучетом огромного разнообразия обстоятельств, как прошлых, так и настоящих, местных и общих, индивидуальных и общих, которые влияют на возникновение болезни, возникло столько неопределенности и споров о причинах эпидемических моров. Такие различия покажутся более важными и необходимыми для предотвращения и смягчения эпидемического мора или болезни, если их правильно рассмотреть, поскольку предрасполагающие причины, которые в значительной степени находятся под нашим контролем, всегда существуют или действуют в большей или меньшей степени, в то время как возбуждающие причины, можно сказать, возникают лишь время от времени.

Как уже отмечалось, причины болезней описываются как предрасполагающие и возбуждающие. Первые, предрасполагающие причины, я понимаю, чтобы быть, - недостаток света; нечистый воздух (особенно от плохой вентиляции), в котором включены малярии и всех других вредных паров, из какого источника возникает; скудный и обеднения диеты; и, хотя последнее, не в последнюю очередь, привычка тела, вызванные нерегулярной и искусственной жизни человека в состоянии цивилизации, которая, за счет истощения системы, вызывает предрасположенность к болезни, делая человеческий каркас более восприимчивы к внешним впечатлениям; основные возбудители болезни, такие как элементарные нарушения, состоящие из колебаний температуры и состояние окружающей среды, как гигрометрические влияния, электрическое напряжение, и т.д..

Натуралисты во все века сходились во мнении, что внезапные атмосферные мутации пагубно влияют на представителей растительного царства так же, как и на животных, и, полагаю, будет признано, что существование растительного царства необходимо для поддержания животного, - физиология обоих отражает много света друг на друга. Мы видим, что растительное царство атаковано болезнью, называемой *blight*, - "*pestiferous blight*", как ее называют некоторые; эти *blights* - всего лишь мор, поражающий растительное царство, и всегда приписывался естественным причинам, элементарным нарушениям и т.д.

В периоды, которые были примечательны появлением вспышек, животные, такие как рогатый скот, как известно, рано или поздно страдали от них; и человек также, как я покажу на этих страницах в полной мере. Поэтому, рассуждая по аналогии, не можем ли мы заключить, что то состояние или состояние элементов, которое приводит к возникновению пятен - язв в растительном мире, - будет также пагубно действовать на животное царство, особенно на человеческую расу, поскольку люди, в силу привычки тела и т. д., более склонны к болезням или восприимчивы к ним?

Обращаясь к анналам истории, которые так обильно показывают, что древние рассматривали все всеобщие бедствия как происходящие из нарушенного состояния сезонов, я приведу несколько примеров (начиная со священной истории), объясняющих причины всеобщих недугов, называемых эпидемическими морами или болезнями.

В книгах Ветхого и Нового Заветов мы находим прекрасное описание великих причин моровой язвы, вызывающих ее последствия в регулярной последовательности и с абсолютной достоверностью. Книги о Боге, проследивая руку Всемогушества через вторичные причины, вызывающие последствия, карающие виновных смертных, приписывают все болезни непосредственному вмешательству Божественного Провидения:

"*Pestis et ira Deûm Stygiis sese extulit undis*".

Почему? Потому что Бог - первая великая причина, первоначальный творец всего сущего, хранитель и управляющий всем на небе и на земле, а также единственный распорядитель стихий.

Видя, таким образом, что наш Создатель, обладая суверенитетом вселенной, может использовать для исполнения своих целей любые средства, которые ему заблагорассудится, мы, исследуя причины всех бедствий, ни в малейшей степени не оспаривая их божественного происхождения, можем заметить, что Всемогуший распорядитель событий осуществляет свои цели с помощью естественных средств; -далее, излагая причины болезней как существующие в естественных и обычных вещах и изменяющие существа и вещи этого естественного мира, мы можем в равной степени воздать должное мудрости и благодати, всемогушеству, справедливости, милосердию, суду и провидению Всевышнего,

как и показать их как непосредственно нанесенные виновному человеку. Да, еще более славными представляются атрибуты Всевышнего в возвышенных тайнах природы!

В частности, когда правители пяти городов, Гата, Экрона, Аскелона, Газы и Ашдода, собрались для того, чтобы избавиться от ковчега, захваченного филистимлянами у евреев, можно предположить, что они были осведомлены о естественных средствах, используемых Всевышним для достижения своих целей, хотя в своей нечестивости они сомневались в божественном происхождении своего бедствия от моровой язвы. Не обращая внимания на всемогущество и мудрое руководство своего Творца, они увещевали людей терпеливо переносить постигшее их несчастье и не верить ни в какие другие причины моровой язвы, которая их уничтожала, *кроме тех, что происходят из действий природы, которая при определенных оборотах времени производит такие изменения в телах людей, в земле, в растениях и во всем, что растет из земли, чтобы возбудить болезнь.*

Что касается стихийных возмущений, то пророк Амос (гл. IV, ст. 8 и 9) сначала описывает наступление великой засухи, затем появление насекомых - пальмового и ракового червей, которые уничтожили всю листву и траву: овощи, сады и оливковые дворы - все пало жертвой и вызвало страшный голод, за которым последовал страшный мор.

Аввакум в своей молитве (глава iii.) упоминает о великом море, которому предшествовали землетрясения и сильные волнения стихий; солнце и луна стояли неподвижно в своих жилищах, горы дрожали, а воды переполнялись, вызывая голод и мор, в результате чего погибло 14 000 человек.

И снова, в 28-й главе Второзакония, где содержатся обещанные проклятия и благословения Всемогущего на Его народ, мы имеем притчу, *выразительно* иллюстрирующую естественные средства, используемые нашим Творцом для осуществления Его целей: "И небо твое будет медью, а земля железом"; одно обозначает засуху, во время которой небеса не дадут дождя, подразумевая также сильную жару; другое - непродуктивность земли, не приносящей плодов, - последствия такой засухи вызывают голод и, в конечном счете, болезни. Опыт нашего времени наиболее полно иллюстрирует совпадение *физических причин* голода и моровой язвы - факты, которые древние пророки всегда связывали между собой: меч, голод и мор, как три зла, которые обычно сопровождали или следовали друг за другом; и мы не можем представить себе сомнений в том, что эта связь не случайна, особенно в отношении двух последних, а обусловлена их зависимостью от сходных атмосферных явлений.

Иеремия (глава IV, ст. 11 и 13), описывая приближение вавилонских войск, сравнивает их с иссушающими, иссушающими, испепеляющими и испекающими ветрами Египта, Африки, Аравии и Азии, которые увядают и уничтожают плоды земли, растапливая и угнетая все живые существа; Он уподобляет их тучам пыли и вихрям, проносящимся по тем губительным странам Востока, где жара и засуха, росы и ливни, проливные дожди, холодные северные ветры зимой и весной, сменяющиеся удушающей жарой летом и осенью, порождают мор и кожные болезни.

Обращаясь к истории Египта, который и по сей день является очагом эпидемии, мы наглядно представляем себе ряд событий, происходящих и заканчивающихся производством язвенных болезней. Во-первых, воды рек стали красными, рыба умерла и воняла, вызывая гниение тел, а воды стали непригодными для использования людьми или животными: во-вторых, стаи лягушек заразили землю, проникая в самые дома; их сменило множество насекомых, вшей, мух и т. д.: в-третьих, полевые звери страдали от моров; и наконец, человек страдал от нарывов, пятен и т. д. Если мы рассмотрим топографию Египта, то найдем

множество причин, объясняющих его великое и постоянное безлюдье: вся страна лежит вблизи тропика Рака; на востоке она ограничена Красным морем, на западе - пустынями Ливии, на севере - Средиземным морем, а на юге - Абиссинией или Верхней Эфиопией. Вся нижняя часть страны охвачена рукавами Нила и ежегодно затопляется этим отцом рек, когда он разливается: он поднимается на двадцать четыре фута в перпендикулярном направлении при среднем увеличении на четыре дюйма в день, и это продолжается с конца июня до начала сентября, когда он начинает постепенно спадать. Жители сеют кукурузу и овощи в октябре и ноябре, сразу после схода вод; сбор урожая приходится на март и апрель. Вольней отмечает, что поверхность земли последовательно принимает вид океана пресной воды, болота, зеленой равнины и высушенной пустыни из песка и пыли, и все это в такой быстрой последовательности, что она никогда не может быть иной, чем бессодержательной.

Напомним подробнее. В тот бедственный период во дни Моисея, о котором говорится в истории Египта, сезон отличался необычным явлением: воды приобрели цвет крови из-за добавления каких-то удивительных веществ или насекомых, которые убили всю рыбу и вызвали зловоние во всех низменных землях Египта, так что они не могли пить воды из реки или прудов в течение семи дней; Это особое состояние вод и жара атмосферы породили стаи лягушек, которые, как утверждается, забрались в их дома, в самые спальни, вошли в их печи и даже в их тесто. Какое-то сильное волнение стихий или резкое изменение погоды убивало лягушек в домах, деревнях и полях. Когда люди собирали их туши в кучи, их становилось так много, что вся земля воняла их гниющими телами; после этого вши начинали заражать жителей, а также тела домашних животных; рои шумных насекомых, таких как мухи и т. д., сменялись общим гниением мертвых лягушек, и по мере того, как продолжалось и усиливалось превышение сезонов, наступал смертельный мор среди домашних животных, рогатого скота и лошадей, верблюдов, волов и овец. Это было предвестием ужасного мора среди людей, согласно обычному ходу природы; действительно, египтяне еще не оправались от потери своего скота, когда огненные пустулы, апостемы и гнилостные язвы поразили их собственные тела. После этой череды бедствий поднялась страшная буря с градом, которая уничтожила скот, травы и фрукты; во время этой огромной бури мы читаем, что молнии, смешавшись с градом, пронесли по земле и были столь ужасны и печальны по своему виду и последствиям, что фараон и весь его народ задрожали, как будто столпы природы были потрясены до самого основания, а мир вот-вот должен был прийти к концу: В довершение этих бедствий восточный ветер принес по всей земле Египетской целые сонмы саранчи; они опустились на все берега и границы земли и покрыли лицо земли, так что земля почернела от них; они пожрали остатки трав, которые пощадил град, и не осталось в земле Египетской ни одной зеленой твари.

Вскоре после этого подул сильный западный ветер, который сбросил всю саранчу в Красное море, где она и утонула; впоследствии ее тела были вымыты на берег, они невыносимо воняли и стали большой вспомогательной причиной моровой язвы среди жителей. В то же время три дня по всей земле царил удивительная тьма, и жители не могли видеть друг друга и не поднимались с мест; в то же время в стране свирепствовал мор. Эта страшная болезнь сначала поразила всех молодых и крепких, всех первенцев человеческих и звериных - от первенца царя до первенца раба, - да, не было дома в , в котором не было бы мертвецов; удар был столь ужасен, что священный историк называет его немедленным судом Божиим в наказание за их нечестие. И вот, как говорит благочестивый рассказчик, случилось это среди ночи, что Господь поразили всех первенцев Египта, от первенца фараона, сидевшего на престоле, до первенца служанки, стоявшей за мельницей, и даже первенцев зверей; словом, столь ужасны были бедствие и разрушение, что египтяне воскликнули: "Мы все мертвецы!"

Принимая во внимание все вышеизложенные обстоятельства, можно ли колебаться, приписывая ужасную болезнь, царившую в Египте, кому-либо другому, кроме моровой язвы, свойственной этому времени года? Можем ли мы предположить действие каких-либо иных, кроме естественных причин, таких как длительная засуха, чрезмерная жара, горячие обжигающие ветры, тучи удушливой пыли и песка; проливные дожди, сменявшие засуху; бури с градом и молниями; голод, ставший следствием разрушений, произведенных саранчой и пожирающими насекомыми; вредные испарения от мертвых лягушек, уничтоженных мрачным волнением стихий; невыносимое зловоние, исходившее от туш огромного количества мертвых животных? Можем ли мы представить себе, спрашиваю я, какие-либо другие причины, способные вызвать столь ужасный мор, кроме внезапных изменений погоды, разливов рек и всеобщего разложения мертвой животной и растительной материи по всему владению Египта? Я повторяю вопрос: разве у нас нет достаточного количества материалов для объяснения этого ужасного бедствия, обрушившегося на народ Египта?

Примерно в этот период ужасных страданий египтян от моровой язвы началась первая страшная эпоха испанской эпидемиологии; дата, однако, указывается по-разному. Некоторые авторы относят ее ко времени Давида, 1017 г. до н.э., когда во время эпидемии было уничтожено 70 000 человек, когда 70 000 человек были уничтожены за три дня моровой язвой; другие авторы утверждают, что она началась среди испанцев в 1100 году до н.э. *Двадцать пять лет в Испании без перерыва длилась засуха; источники пересохли, реки перешли в брод, их воды почти застоялись; не было ни пастбищ для скота, ни плодов для людей; так велика была бесплодность земли, что почти не было ничего зеленого, кроме нескольких оливковых деревьев на берегах Эбро и Гвадалквивира: Таково, говорит историк, было меланхоличное состояние древней Испании, "полное ужасных смертей, чумы и бедствий всех видов, которые, вместе с эмиграцией в другие земли, почти обезлюдили нашу страну".*

Греческий поэт Гомер описывает причины моровой язвы, напавшей на армию при осаде Трои, как объясняемые сильной жарой и неблагоприятным временем года. Он называет солнце Аполлоном:

"На мулах и собаках сначала началась зараза,

А в последнюю очередь мстительные стрелы устремились на человека;

Но пусть какой-нибудь пророк или священный мудрец

Исследовать причину гнева великого Аполлона".

Фукидид, другой знаменитый греческий историк, описывает подобное состояние атмосферы с физическими нарушениями как причину ужасного мора в Афинах:

τεκμήριον δὲ τῶν μὲν τοιοῦτων ὀρνίθων ἐπίλειψις σαφὴς ἐγένετο, καὶ οὐχ ἑωρῶντο οὔτε ἄλλως οὔτε περὶ τοιοῦτον οὐδέν- οἱ δὲ κύνες μᾶλλον αἶ σθησιν παρεῖχον τοῦ ἀποβαίνοντος διὰ τὸ συνδιατῆσθαι.

Лукреций, подражая Фукидиду, выражается таким образом:

"Nec tamen omnino temere illis solibus ulla

Comparebat avis, nec noctibus secla ferarum

Exibant sylvis; languebant pleraque morbo

Et moriebantur; cum primis fida canum vis
Strata viis animam ponebat in omnibus ægram;
Extorquebat enim vitam vis morbida membris."

"Ни птиц в полдень, ни зверей ночью,
Их родные леса покинули; с вредителем
Вдали они томились и часто умирали;
Но вождь псов свою щедрую силу сдает,
Загрязняя дороги, пока безжалостный бич
По всем конечностям его тошнотворный дух гнал".

Поэт Овидий в седьмой книге своих "Метаморфоз", описывая страшный мор, случившийся на острове Эгина (см. "История моров"), представляет мор как возникший по следующим причинам: -Он представляет землю покрытой плотными облаками, тьмой и удушающим зноем; смертоносные южные ветры дуют в течение четырех месяцев, сами являясь парами болезни; озера и фонтаны заражены, воздух отравлен, и вся земля заражена ядовитыми змеями, как это случалось с людьми в древности. Чума или мор сначала поражала лошадей, волов, мулов, овец, собак, кошек и даже птиц, а затем и людей; смерть была внезапной, улицы были завалены трупами людей и зверей, и вся природа, казалось, страдала от преждевременного омертвения.

Чтобы показать идентичность этой болезни с египетской чумой, желчной ремиттирующей или желтой чумой Вест-Индии и Соединенных Штатов, болезнью, называемой андалузской лихорадкой, которая с древнейших времен производила такой хаос в Испании и прилегающих странах, а также с чумой, которая не раз посещала Англию и Ирландию в давние времена, Мы собрали симптомы этой болезни из поэтического перечисления Овидием болезненных явлений, которые были следующими: сильный жар в кишечнике, покраснение лица, затрудненное дыхание, желчная рвота, боли в голове, с упрямым запором, большой упадок сил, неутолимая жажда, бред, часто сопровождаемый комой, сильное страдание, сухой черный язык, кашель и т.д.с., которые заканчивались летальным исходом в течение двух, трех или четырех дней: ниже приводится перевод или подражание оригиналу.

"Ужасная чума пришла от разгневанной Юноны,
Чтоб на землю, носящую имя соперницы, обрушиться,
Пока не раскрылся ее роковой гнев,
И кипящая злоба еще таилась.
Сначала мы чувствовали лишь гнетущую тяжесть
Мрачных туч, а потом - нашу судьбу,

И трудились, чтобы унять зной:
Но уже через четыре луны наступили перемены,
Смертоносными порывами дул роковой южный ветер,
Заражая весь воздух и отравляя его.
Наши горы тоже заражены,
И толпы гадюк ползут по полю,
И с грязной кровью и отвратительными ядами
Портит все озера и ядом все ручьи.
Молодая болезнь начала свирепствовать с меньшей яростью,
Захватывает птиц и зверей, приближаясь к человеку;
Рабочие волы падают перед плугом.
Пахари удивляются, смотрят, не могут понять, как;
Табунные овцы с тошнотворным блеянием чахнут,
Их шерсть уменьшается, как и их сила;
Воинственные кони, понуждаемые внутренними врагами,
Пренебрегают своими почестями и покидают поле боя;
Обессиленные и вялые, ищут отступления,
И у яслей стонут, но желают более благородной судьбы.
Олени забывают свою скорость, кабаны - свою ярость,
И медведи не могут побороть более сильные стада:
Общая слабость теперь охватывает их всех,
В лесах и полях они беспорядочно падают.
Воздух источает зловоние, и, как ни странно,
хищные птицы и звери избегают добычи;
Гниющие тела гниют на земле,
и распространяют страшную заразу по всей округе.
Тем временем чума приобретает все большие размеры,
Она пирует на людях и не жалеет более жалкой добычи.
Кишечный жар начинает гражданскую войну,
И сначала вспыхивает скрытое пламя,
И огненное дыхание, которое кажется раскаленным воздухом.

Их черные сухие языки распухли и едва шевелятся,
А из задыхающихся легких вырываются короткие густые вздохи:
Они задыхаются, тщетно надеясь унять
Их бушующее пламя, но это усиливает жар.
Ни постели, ни укрытия не могут вынести больные.
Все на земле, под открытым небом,
Они лежат и надеются найти там приятную прохладу.
А горящая земля, с горячим гнётом,
возвращает им тепло, которое они сначала отдали.
Все средства они пробуют, все лекарства используют,
Которые природа может дать или искусство создать:
Непобедимая, она насмехается над тщетными замыслами,
И искусство, и природа, пренебрегая, объявляют причину божественной".

Гиппократ, великий основатель и родоначальник рациональной медицины, в своей книге "Эпидемические болезни" точно описывает превратности погоды и различные сезоны года, приписывая им причины всех болезней. Так, он описывает состояние атмосферы, вызывающее необычайно страшную эпидемию и смертность: Сезон, отмеченный обильными ливнями, южным ветром, следующим за засухой; жаркая и знойная осень, с обильными дождями; влажная, открытая, светлая и теплая зима, крайние холода после обращения солнца под равноденствием, с дующими ветрами, со снегом и внезапными большими переменами погоды.

"Annus austrinus, imbribus abundans atque in totum ventis tranquillus fuit. Quum autem paulo superioribus anni temporibus justo majores siccitates vigerent, sub Arcturum sperantibus austris multum fuit. Autumnus obscurus, nebulosus, cum aquarum abundantia, hyems austrina humida et levis. Longo vero post solis conversionem intervallo juxta Æquinoctium, extremæ hyemes adfuerunt; jamque sub Æquinoctium ipsum Aquilonares venti cum nivibus non ita diu speravere. Ver rursus austrinum a flatibus quietum, aquæ multæ et continentes ad canem usque. Æstas verum calida, æstus præfocantes magna. Anniversarii venti (Etesias vocant) pauci disjunctim speravere. Sub Arcturum rursus spirantibus aquilonibus aquæ multæ." - (On Epidemics, bk. iii. sect. 3.)

Опять же, в разделе 8 и 18 мы имеем: "In aëre considerandum quanta insit caliditas, frigiditas, crassitudo, tenuitas, siccitas, humiditas an plenior an vero minor et copiosior. In quibus quænam mutationes et ex quibus fiunt, quomodoque se habeant, animadvertere oportet", - прямо указывая на то, что язвенная конституция времен года состоит из атмосферных превратностей, жары и холода, сухости и влажности не по сезону и в избытке.

Гален, великий комментатор трудов своего учителя, выделяет две причины моровой язвы: одна - большая нерегулярность времен года и, следовательно, язвенное состояние воздуха; другая - порочное состояние человеческого тела от испорченной и неполноценной пищи,

нечистого воздуха и т.д., благодаря чему оно становится способным к болезни: здесь мы имеем возбуждающие и предрасполагающие причины болезни, четко указанные.

Далее, в качестве иллюстрации того, что постоянная засуха вызывает голод с его другими бедствиями, болезнями и смертностью, мы можем привести прекрасное описание страданий христианской армии под стенами Иерусалима, сделанное Тассо:

"Листья поникли, на увядших ветвях

И трава, и трава иссохли;

Земля раскололась в трещинах, в потопах каждый ручей разлагается,

И бесплодные тучи с молниями яркими появились.

Воздух был неподвижен, и ветер не приближался и не удалялся,

Но над землей, с леденящим дыханием летит

Южный ветер, посланный из сожженной солнцем Африки,

Густой и теплый, прерывистый ветер,

На грудь, на горло и на лицо.

Не больше утешения принесла и мрачная ночь;

В ее густых тенях пылал жар,

Ее соболиная мантия была ярко расшита,

С пылающими звездами и скользящими огнями на золоте.

Не освежить (печальной земле) твоей жаждущей души.

Скупые луны не дали остыть майским росам,

И иссушила живительную влагу.

В деревьях, в растениях, в травах, в цветах, в траве.

И маленький Сильв, что в его магазине дарят

Из чистейшего хрусталя в руки христиан,

Камешки голые в его русле показывает,

И скудно скользит над выжженными песками.

Крепкие тела воинов сильных,

Которым не страшны ни дальние походы, ни утомительный путь,

Ни тяжелые руки, что на плечах их висели,

не могли утомить, ни смерть не могла их поразить,

Теперь слабые и немощные бросили свои конечности,

Громоздкий груз на раскаленную глину;
И в каждой жилке тлел огонь,
Который иссушал их плоть, а твердые кости плавил.
Томился конь, в прошлом свирепый, И траву предлагал.
Его корм презирали, и он от него отказывался;
На каждом шагу он спотыкался, а кто возвышен был
И высоко выдвинулся, и теперь упал его гребень;
Завоеванное им, все забыто,
И от желания славы не вздымалась его грудь;
И трофеи, отвоеванные у врага, - его поздние награды,
Он теперь пренебрегает, презирает, ни на что не обращает внимания.
Томится верный пес, и привычная забота
О своем дорогом господине и домике забыл;
Задыхаясь, он лежал и набирал свежий воздух.
Чтоб остудить пылающий в его внутренностях жар;
Но дыхание (которое мудрая природа приготовила
Чтоб унять жар в желудке) теперь не дышал,
Ибо мало облегчения, (увы!) мало помощи они получают,
Что вдыхают воздух, а всасывают обжигающий огонь".

Ученый прелат Евсевий дает очень философское описание нечистого состояния атмосферы во время сильной моровой язвы, опустошавшей Римскую империю. Он пишет следующее: "Воздух был настолько ядовит, повсюду витали трупные испарения, испарения земли были настолько гнилыми, ветры с моря, выдохи из болот и рек настолько вредными, что некий ядовитый раствор, как бы от гнилых трупов, приносился стихиями и покрывал прилегающие сиденья или скамьи, стены и бока домов, а роса выглядела как пепел мертвых тел". (См. изд. Paris. 1628.)

Тацит в своем описании Рима отмечает, что каждый третий или четвертый год происходило то, что они называли "tempus grave aut annus pestilens", и приводит следующий тетрастихон.

"Рим, прожорливый от людей, покоряет возвышенные шеи героев;

Рим, полный лихорадок, страшен семенами смерти;

Римские лихорадки верны своим продолжительным течением,

Вторгнувшись однажды, редко покидают живого человека".

Если рассмотреть местоположение Рима и другие сопутствующие факторы, то мы легко поймем, почему там так часто свирепствовали моры. Он расположен в равнинной местности

на низких берегах Тибра, окружен обширными Остиенскими и Понтинскими болотами, подвержен мощным лучам солнца, наводнениям и другим волнениям стихий; кроме того, жители, постоянно занятые войной, не обрабатывали свои земли настолько, чтобы производить пищу для половины населения, и не имели налаженных торговых связей с другими странами, из которых они могли бы снабжаться во время нехватки. Из-за их постоянных вторжений сельское хозяйство также было прервано у всех прилегающих народов, и прославленные римляне часто были вынуждены питаться травой, листьями и нездоровыми кореньями, или потреблять провиант, хранившийся для их скота, пока люди и звери, и, как говорят, птицы и рыбы, не погибли вместе, настолько вредоносными были времена года; "vulgato per omne genus animalium morbo".

Я мог бы продолжать умножать авторитеты *до бесконечности*, чтобы показать, что до середины семнадцатого века эти века были полны физических и политических бедствий, достаточных для объяснения частых вспышек смертельных болезней; И мы также обнаружим, что после этого периода все те страны, которые приняли разумные правила при строительстве своих жилищ, расширении улиц, улучшении дренажа и обеспечении достаточного количества трех основных жизненно важных элементов - света, воздуха и воды, пропорционально испытали соответствующую невосприимчивость к моровой язве, Примером тому служит наша собственная страна, хотя в этом девятнадцатом веке мы еще очень, очень далеки от того улучшенного состояния, которое должно было вызвать наше богатство и неоднократные предупреждения о болезнях, которые были нам гарантированы, особенно с 1832 года, - теперь уже почти двадцать лет.

Однако только после великого пожара 1666 года, во время перестройки Лондона, были приняты меры по охране здоровья населения. В 1665 году, во время великой и ужасной чумы, наши улицы были узкими, а дома, построенные из дерева, закрывались друг от друга, один этаж значительно выступал над другим, так что казалось, что они почти касаются друг друга сверху, и смотреть с улицы на небо было все равно что смотреть со дна колодца. Канализации почти не было; улицы были сырыми и влажными, и на них выбрасывали почти все, что попадало под отбросы, а некоторые корпорации, даже церковные власти, упорно отстаивали право посылать своих свиней на улицы, чтобы те питались отбросами, которые они там находили в изобилии. Очевидно также, что общие привычки горожан никак не противодействовали дурному влиянию их несовершенной архитектуры на домашнюю чистоту.

Знаменитый Эразм утверждает, что интерьер лондонских жилищ был отвратителен до последней степени. Он прямо приписывает "потливую болезнь", которая была разновидностью чумы, неудобной форме и плохому расположению домов, грязи улиц и неряшливости внутри дверей. В письме к врачу кардинала Вулси, в котором он рассказывает о бытовых привычках наших соотечественников в те времена, он говорит: "Здесь царит такая степень нечистоты и даже грязи, о которой мы не можем и мечтать в наше время". Он продолжает: "Полы обычно глиняные, усыпанные камышом, который время от времени убирали, а под ним безмятежно лежит древняя коллекция пива, жира, кусочков рыбы, слюны, экскрементов собак, кошек и всего, что было мерзким". Хентцер замечает, что даже пол комнаты присутствия королевы Елизаветы в Гринвичском дворце "был устлан сеном по английской моде"; а Хьюм в доказательство скудости жизни в те дни отмечает, "что контролер домашнего хозяйства Эдуарда Шестого платил всего 30 с. в год за свой дом на Ченнел-роу, который, как и большинство улиц Лондона, был не мощен и не сточен, и содержал скопление отбросов и такой грязи, которую обычно в них бросали".

Сиденхем, который пишет об изменениях в количестве болезней в зависимости от местности, конституции сезонов и т. д, замечает, что Лондон в его время был плохо построен, плохо осушен, плохо снабжался водой, а соседняя страна до самых пригородов была так плохо расчищена, что жители регулярно подвергались возвращению аги весной и осенью; А в дневнике де Фо мы называем одной из многих причин моровой язвы, которая случилась в этой стране в 1665 году, многолюдность города и пригородов, которые были чрезвычайно переполнены вследствие расформирования армий после восстановления королевской семьи и монархии. Наш город, говорит де Фо, по подсчетам, насчитывал на 100 000 жителей *больше*, чем когда-либо прежде; по некоторым подсчетам, в два раза больше, так что мор в один год (1665) стал более ужасно разрушительным от огромного количества людей, собравшихся вместе, чему способствовали особые стихийные волнения, бушевавшие в течение нескольких лет до этого; действительно, можно сказать, что мор существовал в Лондоне непрерывно с 1661 по 1666 год.

В 1665 году страшная чума обострилась в июле месяце, что было вызвано задымленностью атмосферы, холодными ночными росами или сырыми туманами, частыми холодными ливнями и холодными ветрами, чередующимися с теплом и сухостью воздуха; словом, казалось, что в этот мрачный период болезни и смерти существуют все крайности, вызывая агу, желчные расстройства, болезни кишечника и т. д. В следующем месяце великий всеобщий мор, казалось, поглотил все предыдущие болезни в одном общем разрушении. Действительно, с августа все другие болезни были поглощены мором: все недомогания, начинавшиеся в их обычной форме, равномерно превращались в смертельную чуму; и в сентябре, говорит великий историк, "смерть триумфально проскакала среди преданных жителей Лондона; позаимствовав роковую косу Времени, она скосила людей, как траву, и погрузила несчастные останки в ужас и отчаяние".

Высказав таким образом много аргументов в пользу естественных причин всеобщих бедствий или эпидемических моров, почерпнутых из историй моров с древнейших времен, мы переходим к рассмотрению этой "vexata quæstio" - заразы.

ГЛАВА XI. О КОНТАГИИ.

Споры по такому вопросу, как заражение, не должны вызывать удивления, если учесть неясность, сопутствующую всему, что касается тонких агентств (предполагаемых качеств заражения); и поскольку мы замечаем, что различные эффекты возникают от одних и тех же причин, а также сходные эффекты от различных причин в человеческом теле, огромное поле неизбежно открывается для споров, как признает каждый беспристрастный наблюдатель.

То, что доктрина заражения имеет сравнительно современное происхождение (впоследствии Гиппократ), полностью подтверждается историческими исследованиями, и было бы действительно бесконечной, если не убыточной, задачей рассматривать бесчисленные аргументы, которыми время от времени пользовались контагионисты и их оппоненты в поддержку своих мнений, Особенно когда спорящие могут зачислить на одну сторону такие имена, как Чисхолм, Кларк, Клегхорн, Прингл, Бианки, Линд, Мид, Уоррен и множество других, как контагионистов, а на другую сторону, как неконтагионистов, таких

людей, как Хиллари, Хак, Хантер, Джексон, Буланд, Пинкард, Бэнкрофт, Скотт, Раш, Миллер, Колдуэлл, Червин, а также многих других более современных людей.

Что касается нашего сегодняшнего предмета, заражения, то для меня всегда было трудностью понять точный или реальный смысл, в котором обычно пишут возбудители; И я должен признаться в своей неспособности понять значение, которое они придают термину "зараза", а также термину "инфекция", настолько противоречивы их применения терминов "зараза" и "инфекция", одни используют их как синонимы, другие проводят различия между заразой и инфекцией, имеющие столь произвольное значение, что они действительно не являются ни определенными, ни понятными; в то время как сами контагионисты часто отступают от своих *заявленных* принципов. Например, Папон в своей работе под названием "Эпохи памятных времен чумы" считает, что несомненными причинами чумы являются неводеланные земли, болотистая почва, грязные озера, грязные города, а также случайные причины, такие как перепады температуры и голод, в то время как цель его исследований, очевидно, состоит в том, чтобы доказать, что в каждой современной чуме причиной была *иностранная* инфекция!

Доктор Мид, несмотря на то, что он отстаивает идею заражения, как и большинство других контагионистов, виновен в непоследовательности, утверждая, "что испорченное состояние воздуха сопровождает все чумы".

Доктор Патрик Рассел, великий контагионист, давая подробнейший отчет о происхождении, распространении и спаде чумы, признает бесполезность карантинных законов для предотвращения заражения, и, что весьма любопытно, он делает большой акцент на том, что он называет "язвенной конституцией воздуха".

Доктор Гамильтон, еще один великий контагионист, утверждал, что грипп, который преобладал в Англии, да и во всей Европе в 1782 году, был заразным, и что болезнь распространялась только путем заражения; но в то же время он сообщает нам, что "в разных местах многие сотни людей были охвачены мором в одно и то же время", а доктор Гамильтон (впоследствии сэр Гилберт) утверждал, что "в разных местах многие сотни людей были охвачены мором одновременно". (впоследствии сэр Гилберт) Блейн, также сторонник заражения, говорит о гриппе как о заболевании моряков посреди океана!

Однако, чтобы примирить противоречивые мнения, различные современные писатели, обладающие опытом и талантом, пытались показать, что эпидемические болезни, *не* заразные в начале своего развития, могут приобретать такой характер от замкнутого воздуха, грязи и других скоплений. Что нечистый воздух, недостаток света, скопление *немытых* людей и т.д. будут по предрасположенности способствовать возникновению и обострению болезней, как мы наблюдаем в тюрьмах, больницах и лагерях, я вполне могу понять; но что эпидемические болезни, такие, например, как чума, желтая лихорадка или холера, распространяются контактным путем, у меня, после двадцатипятилетнего проживания в странах с чумой, нет оснований верить; Ибо я видел, как эпидемии охватывают сразу огромное количество людей, - иногда я видел, как они нападают на целый народ или его часть, в то время как в другое время они преобладают только среди жителей отдельных провинций и городов. На каком принципе заражения или инфекции, спрашивается, можно объяснить такую универсальность или пристрастность болезни? Конечно, не из какого-либо познаваемого свойства заразы. Все, что я когда-либо читал и видел о природе эпидемий, свидетельствует против доктрины заражения, в то время как все, что было приведено, насколько мне известно, в поддержку заражения, имело отрицательный или, во всяком случае, не положительный характер.

Эпидемические болезни, которые появлялись и распространялись в разные времена года, - фактически, в любое время года, - например, в середине лета, а также в глубине зимы, - которые также были обнаружены пересекающими целые континенты, продолжающими свой путь в течение многих месяцев подряд, и часто принимая определенное направление или прогресс, часто поражая большие массы людей, живущих в одном и том же месте, в то время как другие в соседних местностях свободны, - не могут, я утверждаю, быть приписаны заразе, но качествам и влияниям окружающей атмосферы, в сочетании с истощающими привычками, ис.

Кроме того, заразные болезни можно распознать по определенным периодам их проявления, особенно в отношении спецификации, а также по способу их распространения, в то время как, если бы эпидемические моры зависели от заразы или были вызваны ею, они никогда бы не прекращались, пока не вымерли бы целые сообщества!

За сто шестьдесят лет (до 1832 года) в нашей стране не было ни одного случая чумы или обострения чумы, несмотря на наши сношения со странами, где, как можно сказать, ужасная чума существует всегда. Откуда же, спрашивается, наш иммунитет в течение столь длительного периода, если чума является важной и опасной? Ибо представляется, что, несмотря на расширение наших сношений и торговли с местами, населенными вредителями, наша свобода от моровой язвы была более значительной, очевидно, из-за изменений в нашем моральном и физическом состоянии с семнадцатого века, что привело к такой степени общественного здоровья, которой наши предки были чужды, когда мор свирепствовал на нашей земле, и которая не объясняется, как некоторые могут предположить, бдительным исполнением этих жупелов, "карантинных законов", о которых недавний писатель очень справедливо замечает, "что они не только абсурдны и ненужно обременительны для торговли, но извращены и варварски в высшей степени, независимо от вызываемых вредных страхов, будучи настолько же опасными для сообществ, насколько они воюют против здравого смысла и ЧЕЛОВЕЧЕСТВА."

В то время как речь идет о карантине, можно задать вопрос: "Как получилось, что так мало было получено доказательств заражения от работы лазаретто?" В интересах тех, кто придерживается таких взглядов, опубликовать СЛУЧАЙНЫЕ последствия их работы в лазаретто. Разве мы не можем ожидать, что из показаний ответственных лиц, отвечающих за такие заведения, нам сообщат об ужасных ежегодных жертвах жизни на таких опасных работах, об ужасной подверженности тех, кто в них занят, распаковке заразы, так сказать, оптом? Есть ли у нас хоть одно свидетельство из лазаретов, чтобы оправдать веру в заразу? Я думаю, что нет; по крайней мере, мои *не* очень ограниченные исследования не дали мне таких доказательств, и я боюсь, что именно в теме заразы, как и в других вопросах, связанных с мором, авторы ищут особые факты, которые особенно благоприятствуют их предвзятым мнениям, в то время как они напрягают простые факты, чтобы ответить на их собственные гипотезы. Кроме того, мы видим, что мор все так же распространен и разрушителен, как и в прежние годы, в тех городах, в которых еще не наметилось движение вперед. Так, Большой Каир и Константинополь по сей день не избавлены от чумы. Большой Каир всегда переполнен огромным количеством жителей самого низкого сословия, находящихся в самом жалком состоянии нищеты. Улицы очень узкие и тесные, а в одном небольшом доме часто проживает тридцать-сорок человек. Он расположен на песчаной равнине у подножия горы, которая, препятствуя ветрам, делает жару еще более удушающей. Через его середину проходит большой канал, который наполняется водой во время периодического разлива Нила, а после спада реки постепенно высыхает; в него сбрасывают всевозможные нечистоты, падаль и т. д., так что зловоние, исходящее от него и грязи вместе,

невыносимо противно. В определенные периоды года чума нападает на жителей, появляясь сначала среди низших слоев населения, которые в большинстве своем находятся в жалком состоянии: ее распространение останавливается только тогда, когда Нил, разливаясь, смыкает этот груз нечистот; холодные ветры, которые дуют в то же время, очищают воздух. В Константинополе чума, как правило, вспыхивает в той части города, которая находится в низине и болотистой местности.

Исследуя древние записи по медицине и обращаясь к истории, как священной, так и светской, нельзя найти ничего, что свидетельствовало бы о том, что до Гиппократов эпидемический мор считался заразным; в самом деле, все писатели до арабов неизменно говорят об эпидемических болезнях как о возникающих от мест, времен года и конституции воздуха; и нигде в своих трудах великий родитель медицины, эрудированный и всепонимающий Гиппократ, не допускает мысли о заразности: - Δεῖ δὲ καταμανθάνειν τῇν Κατάστασιν τῶν Ὁρέων ἀκριβῶς, καὶ τῶν Νούων ἐκάστην.

Я хотел бы спросить всех непредвзятых людей: какое отношение могла иметь зараза к ужасающей и широко распространившейся вспышке моровой язвы в Куррахе (см. "Историю моровой язвы", с. 177), где 8000 жертв были сразу схвачены и унесены в течение нескольких дней?

Но что я хотел бы привести в поддержку НЕКОНТАГИОЗНОСТИ эпидемического мора, независимо от КАЖДОГО другого авторитета, так это тот замечательный факт, что в нашем древнейшем медицинском трактате, 13-й главе Левит, нет ни одного упоминания о том, что эпидемические болезни считаются заразными, хотя в то время, когда создавался Левитский кодекс, не было недостатка в опыте эпидемических заболеваний; ведь во времена Моисея времена в Египте были действительно бедственными: - по всей земле свирепствовали мор и голод. Если бы эпидемические болезни, столь распространенные и смертоносные в Египте, считались заразными, можно предположить, что они были бы перечислены как таковые среди тех, которые были указаны как обладающие этим характером, а именно: проказа, чесотка, лихорадка и т. д.; и когда мы наблюдаем такую тщательность, проявленную в Моисеевых постановлениях, вплоть до освобождения домов от сырости перед заселением, мы не можем предположить, что были бы опущены указания по предосторожности в отношении таких универсальных и смертоносных болезней, как эпидемии. Имея перед глазами этот замечательный факт, основанный на священном авторитете, я не могу предположить, на каком основании *вообще существует* идея заражения, тем более что возникновение моровой язвы не только предсказано, но и сама ее природа и способ производства положительно переданы нам из того же божественного источника.

"Поразит тебя Господь чахоткой, и лихорадкой, и воспалением, и сильным жжением" и т. д. (Втор. гл., ххviii) - "И превратится она в мелкую пыль во всей земле Египетской, и будет нарыв, вспыхивающий огнем на людях и на зверях по всей земле Египетской" (Исх. гл., ix). (Исход, гл. ix.) - "Но рука Господа была тяжела на Ашдоцев, и Он истребил их и порастил их эмеродами" (сильной дизентерией), "даже Ашдод и берега его". (1 Цар. гл., ст.) - "Я также сделаю это с вами; Я даже назначу над вами ужас, чахотку и жгучую болезнь" и т. д. (Левит. гл., ст. ххvi) - "Я поражу жителей этого города, как людей, так и животных; они умрут от сильной язвы". (Иеремия, гл. хxi.) - Солнце и луна застынут в своих жилищах, горы задрожат, воды переполнятся, вызывая голод и мор. (Аввакум, гл. iii.) - "Вот, Я пошлю на него взрыв". (2 Цар. xix.) - "Господь сделает дождь на земле твоей порохом и пылью" (Втор. ххvii). (Втор. ххviii.) -

"Небо твое будет медью, а земля железом". (Там же) - "И если род Египетский не поднимется и не придет, у которого нет дождя, то будет чума" и т. д. (Захария, гл. xiv).

В заключение: полностью убежденный в необходимости того, что для обеспечения хоть какого-то подобия рациональных выводов о природе и происхождении, или причинах, эпидемических моров, мы должны не только приступить к их исследованию, лишившись всех предрассудков в пользу *эκσκλυζιv* доктрин, но в то же время руководствоваться беспристрастным стремлением к КОМПЕТЕНТНОСТИ, как единственному, истинному способу преодолеть бесчисленные трудности, сопутствующие исследованию всеобщих бедствий, И исходя из того, что в самом начале мы должны осознать *αβσολυτoυ* необходимое различие между предрасполагающими и возбуждающими причинами болезни, должный учет которых ведет к профилактическим или санитарным мерам, я берусь повторить свое мнение - мнение, основанное на тщательном изучении предшествующей истории эпидемий, - что все эпидемические моры или болезни должны быть объяснены по принципу естественных причин, т.е., Что атмосферные возмущения, состоящие из колебаний температуры, гигрометрического влияния, атмосферного давления, электрического напряжения и т. д, являются возбуждающими причинами; в то время как, с другой стороны, недостаток света, нечистый воздух, особенно от дефектов вентиляции, в которых включены малярии и всех других вредных паров, из какого бы источника не возникали; скудный рацион, и привычки, вызванные нерегулярной, искусственной жизни многих, являются предрасполагающими причинами, которые путем истощения и иначе портит систему, сделать его более восприимчивым к внешним атмосферным впечатлениям в производстве эпидемического мора или болезни.

Λεγέτω μὲν οὖν περὶ αὐτοῦ ὡς ἑκαστος γινώσκει, καὶ ἡ ἀτρὸς, καὶ ἰδιώτης, ἀφ' οὗτου εἰς κὸς ἦν γενέσθαι αὐτὸ, καὶ τὰς αἰτίας ἅστινας νομίζει τοσαύτης μεταβολῆς ἡ κατὰ εἶναι δύναμιν ἐς τὸ μεταστῆσαι σκεῖν. А теперь я предоставляю каждому, будь то врач или нет, высказать свое собственное мнение о ней, указав, откуда она могла возникнуть и какие причины он считает достаточными, чтобы произвести столь значительные изменения в конституции человеческого тела" - (Фукидид об эпидемиях).

ГЛАВА XII.

ПРОФИЛАКТИКА: ИЛИ СПОСОБ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ БОЛЕЗНЕЙ.

"Органические формы с химическими изменениями стремятся,

Жить, но умереть, и умереть, но возродиться;

Бессмертная материя храбрится в буре преходящей,

Восстает из обломков, неизменная в форме".

Изначальный замысел Творца предусматривает сохранение и поддержание постоянного равновесия с помощью различных природных процессов, так что из века в век, пока не будут завершены все цели, ради которых существует Земля, одни и те же задачи будут решаться одними и теми же силами:

"Тот самый закон, что лепит слезу

И заставляет ее течь из своего источника,
Этот закон сохраняет Землю в виде сферы,
И направляет планеты по их курсу".

Далее мы знаем, что вся организованная материя, будь то животная или растительная, обладает материалами, из которых она состоит, лишь ограниченное время, а сама жизнь является лишь благом, предоставленным для целей Бесконечной Мудрости.

"Которые, таким образом, чередуясь со смертью, выполняют

Безмолвные предписания воли Всемогущего;

Чья рука незримо вершит дела природы,

По законам неведомым; кто дает и кто возобновляет".

И снова, просматривая истории ушедших эпох, мы узнаем, что с древнейших времен болезни посещали каждую страну с частотой и злокачественностью, всегда пропорциональными интенсивности предрасполагающих причин. В разделе "Природа и причины болезней" я уже говорил о том, что болезни возникают в результате определенных условий или превратностей атмосферы, а также применения других сил, вызывающих непосредственную слабость. Над первым, как над возбуждающей, жизненно важной причиной, у нас мало контроля; только над вторым, предрасполагающими причинами, мы можем попытаться противостоять с достаточной долей успеха. Видя, что такие предрасполагающие причины чаще всего возникают из-за нарушения непреложных законов, изначально заложенных для управления человечеством, - из-за пренебрежения самыми очевидными законами нашего бытия, - и что Провидение, по большей части, действует по ВТОРИЧНЫМ причинам, мы должны направить наши усилия на устранение любого состояния, которое *предрасполагает* к болезни или усугубляет ее, причем такое состояние в большей или меньшей степени поддается человеческому регулированию.

"Профилактика", - гласит пословица, - "лучше, чем лечение". Когда источники болезни устранены, производство зла ограничено, если не полностью уничтожено; поэтому особое внимание мы хотели бы уделить принятию и применению профилактических мер, основанных на научных взглядах, с помощью разумных законодательных актов; ведь с помощью таких мер мы не только в значительной степени предотвращаем болезнь, делая организм менее восприимчивым к ней, но и уменьшаем ее фатальность, приводя жизненную систему в нормальное состояние, способное противостоять ей.

"Salus populi est suprema lex".

Прискорбно, что в нашей стране, со всеми ее практическими талантами и огромным прогрессом в цивилизации, до сих пор было достигнуто так мало прогресса в вопросе, глубоко затрагивающем моральное, а также физическое состояние огромной массы нашего населения. В качестве одного из многих доказательств того, что может быть достигнуто разумными мерами, можно привести нынешнее состояние нашего военно-морского флота по сравнению с тем, что было в прошлом веке. Раньше мы не слышали среди наших моряков ничего, кроме дизентерии, лихорадки, цинги и т. д., а эти болезни, как известно, обезлюживали целые флоты. В году 1726, когда мы были в море, большая смертность от этих бедствий произошла во флоте, состоящем из семи кораблей, под командованием адмирала Хозиера, на Вест-Индской станции. Он дважды терял команду своего собственного корабля.

В 1741 году, также в море, половина команды флота капитана Энсона умерла от цинги менее чем через шесть недель после выхода из Англии; а в 1780 году в госпиталь Хаслара из флота Ла-Манша было отправлено 11 732 случая цинги, дизентерии и лихорадки! В то время как сейчас, благодаря вниманию, уделяемому конструкции наших судов, вентиляции, чистоте и диете, мы почти не встречаем этих болезней среди моряков, а в палатах Хасларского госпиталя, которые раньше были переполнены случаями цинги, теперь редко можно увидеть хоть один случай.

Две главные составляющие жизненной силы - это свет и воздух, к которым можно добавить воду. Они, поставляемые нам мудрым и благодетельным Творцом в неограниченном количестве, незаменимы для здорового состояния животной жизни; отсутствие одного из них или загрязнение другого, как пагубное для жизни, должно играть ведущую роль во всех санитарных мерах.

"Light-----

-----Блестящее одеяние природы!

Без чьей красоты все окутано

В неважный мрак".

Из опыта мы знаем, что влияние света и температуры атмосферы на живые организмы очень схоже, проявляясь в сильнейших стимулирующих эффектах; на самом деле, свет, как известно, является важным агентом в изменении явлений атмосферы, ее стимулирующие эффекты более или менее изменены светом, в зависимости от постоянства и интенсивности такого света. Солнце является основным источником света и тепла, их влияние можно рассматривать как неразрывное и действующее согласованно; если термометр перенести из темноты на свет, то можно увидеть, что ртуть поднимается, и, с другой стороны, если перенести его со света в темноту, то она упадет.

"В стеклянных трубках ртутные столбики поднимаются,

Или опускаются, повинувшись застывшему небу;

Или, касаясь фигурной шкалы, повторяют

Приятные градации кругового тепла".

Мильтон прекрасно апострофирует великое светило, Свет, таким образом:

"Славься, Святой Свет! Первенец небесный,

Или вечного со-вечного луча,

Яркий поток яркой сущности приумножь, -

Кто скажет о твоём фонтане? До солнца...

Перед небесами ты был, и на голос

Бога, как мантией, покрыл

В восходящий мир вод темных и глубоких".

Начиная рассмотрение свойств света, мы видим, что его влияние на неорганические тела и овощи однозначно; короче говоря, можно сказать, что его влияние настолько обширно, что нет ни одного вещества, которое, подвергаясь его воздействию, не испытывало бы некоторых изменений. Без света, независимо от тепла, которое является его обычным спутником, едва ли существовал бы хоть какой-то след растительности, и когда мы размышляем о замечательной зависимости животного и растительного царств друг от друга, животного - путем выделения углекислого газа, обеспечивающего жидкость, необходимую для растительности; растения, с другой стороны, путем выделения кислорода, снабжающего атмосферу газом, который одинаково необходим для благополучия первого, мы не можем предположить, что свет менее важен для жизни животных.

Химические эффекты света и его влияние на жизнеспособность животных и растений привлекали внимание философов: - "О Солнце!

"О Солнце!

Ты сияешь в безграничном величии за границей,

Высоко сияя издалека - первоклассный бодрок, тепло;

Из всех материальных существ первое и лучшее!

Божественный поток!

Без твоего пронзительного взгляда наша грубая форма

Была грубой, нелюбовной массой, инертной и мертвой;

А не как сейчас, сладостной обителью жизни.

Сколько форм бытия ждут Тебя!

Вдыхающий дух; нераскрывшийся разум,

возвышенного Тобой, вплоть до повседневной жизни,

Мириады смешивающихся мириад в твоём луче -

Растительный мир тоже твой!

Мертвое творение от твоего прикосновения

Обретает мимическую жизнь. Но это

И все, что может воспевать многострадальная Муза,

В твоём великолепии, достоинстве и пользе,

неравноценны! Великий делегированный Источник

Света и жизни, благодати и радости".

Что касается растительного царства, то мы видим, что самые нежные из дисковидных растений или цветов постоянно поворачиваются к солнцу; также хорошо известно, что изменение положения листьев растений в разные периоды дня полностью обусловлено действием света; растения, растущие в тени или в темноте, бледнеют и лишаются своего естественного и здорового цвета - они становятся "этиолированными" или

бланшированными. Садоводы пользуются знанием этого факта и, исключая свет, получают сельдерей, салат-латук и т. д. в белом состоянии. Если картофель поместить в темную камеру с одним маленьким отверстием для проникновения света, то при прорастании росток повернется и будет расти к свету, и будет оставаться бледным и светлым, пока не достигнет света и не подвергнется его воздействию, когда приобретет свой естественный и здоровый цвет.

Свет способствует созреванию семян, плодов и цветов. Профессор Дэви опытным путем установил, что красные розы, тщательно изолированные от света, дают розы почти белого цвета. Овощи обязаны свету не только своим цветом,^[3] но и вкусом и запахом: они происходят из того же источника или, во всяком случае, сильно зависят от него. Свет также является важным элементом в топографическом расположении растений. Южные склоны наших холмов и горных хребтов всегда покрыты более развитой расой растений, чем северные; это полностью зависит от большей степени света и тепла, которыми пользуются первые. Чем свободнее облучение, тем охотнее большинство растений расцветает и дает богатые плоды; это так хорошо понимают в виноградарских странах на Рейне, что правый берег этой реки, обращенный к солнцу, считается гораздо более ценным, чем левый, и за его вина назначают более высокую цену.

Обращаясь к животному царству, которое является более близкой нам областью, мы обнаруживаем, что эта часть природы в равной степени зависит от света для своего правильного развития и жизнеспособности. Животные падают духом, когда лишены света; известны случаи, когда люди, долгое время находившиеся в темных помещениях или подземельях (даже если они хорошо проветривались), становились бледными, их общее состояние здоровья ухудшалось, на коже вскрывались гнойники с водянистой влагой, они становились вялыми и часто падали духом. В отсутствие света в организме преобладают белые жидкости; действие лимфатической системы усиливается, и она придает организации животных тот замечательный бланшированный вид, который называется "etiolement". Отсюда вытекает вполне обоснованное предположение, что отсутствие солнечных лучей в значительной степени способствует развитию золотухи.

"Впусти солнце, и ты закроешь доктора", - гласит старая итальянская пословица. Влияние свободного доступа света, как момента, имеющего огромное значение для благополучия каждого человека, было доказано экспериментами доктора Эдвардса, который показал, что если головастики питать правильной пищей и подвергать обновляющему воздействию воды (чтобы сохранялось бронхиальное дыхание), но полностью лишить их света, рост продолжается, но их метаморфоза в состояние дышащих воздухом животных задерживается, и они остаются в виде крупных головастиков. Доктор Эдвардс также отмечает, что люди, живущие в пещерах и подвалах, или на очень темных, узких улицах, склонны к рождению деформированных детей. Кролики, которых держали в темном подвале, были поражены *mollities ossium*, их конечности были бесполезны.

Недавно было заявлено, что случаи заболевания на темной стороне обширного барака в Санкт-Петербурге в течение многих лет были равномерными, в пропорции ТРИ к одному по отношению к тем, которые были на стороне, освещенной сильным светом.

Дюпюитрен рассказывает о случае с одной дамой, чьи недуги не давали покоя нескольким выдающимся врачам. Эта дама жила на одной из узких парижских улиц, в темной комнате, в которую никогда не светило солнце. После тщательного осмотра Дюпюитрен пришел к выводу, что ее жалобы связаны с отсутствием света, и порекомендовал перевести ее в более

благоприятную обстановку: перемена принесла самые благоприятные результаты; все ее жалобы за очень короткое время исчезли.

В серии экспериментов, проведенных г-ном Саймоном на кошках, которых этот джентльмен содержал в темных подвалах, он обнаружил после смерти заболевание почек, напоминающее то патологическое состояние железы, которое обычно называют morbus Brightii (болезнь Брайта), а в других случаях - зарождающееся жировое перерождение печени.

Гумбольдт заметил, что среди нескольких народов Южной Америки, которые носят очень мало одежды, он не встретил ни одного человека с естественным уродством; а знаменитый Линней в своем рассказе о путешествии по Лапландии называет постоянное воздействие солнечного света одной из причин, делающих летнее путешествие по высоким северным широтам таким особенно полезным и бодрящим; в то время как в менее благоприятных регионах наблюдается обратное явление...

----- "За Торнейским озером,

И самой далекой Гренландии, до крайнего полюса,

Где, постепенно угасая, угасает сама жизнь;

Там зима вершит свой неумолимый суд.

Возле дикого Оби живут последние люди!

Там, наполовину освещенные далеким солнцем,

Которое возвращает и созревает как людей, так и растения.

Там человеческая природа обретает свою низшую форму!"

Теперь мы приступим к рассмотрению еще одной важнейшей составляющей жизненной силы. Воздух -

"Vivit Ætherias vitaleis suscipit auras".

Слово "атмосфера" имеет греческое происхождение и означает тело пара сферической формы. Быстрота движения атмосферного воздуха не может быть объяснена ничем, кроме его текучести; поэтому атмосферный воздух, постоянно упругая жидкость, которая окружает Землю, хотя и невидимая, может быть названа материальной и обладать всеми свойствами материи; ведь она занимает пространство, притягивает и притягивается, а значит, имеет вес. Она также имеет природу жидкости, поскольку приспосабливается к форме сосуда, в котором находится, и давит одинаково во всех направлениях. Ее сила, когда она порочна, как причина болезни, может быть определена только путем научного изучения ее свойств, особенно в том, что касается ее сродства с другими вещами. Поэтому этот вопрос должен привлекать внимание каждого человека, профессионального или непрофессионального, заботящегося о благе человечества.

"Вряд ли возможно, - говорит профессор Дэви, - должным образом оценить в огромной экономике земных приспособлений важность механизма, с помощью которого газы и пары быстро проникают друг в друга и становятся одинаково распространенными. Атмосфера, окружающая земной шар, состоит из смеси нескольких воздушных жидкостей в определенных пропорциях, от правильного поддержания которых, в меру и по весу, зависит благополучие всего органического творения".

Одно из главных назначений атмосферы - снабжать животных средой для дыхания. Дыхание - это необходимое усилие человеческой системы. Его непосредственным результатом являются значительные изменения в крови.

"В крови есть жизнь, которая зависит от воздуха".

Также обеспечивается выход углекислого газа и получение некоторого количества кислорода и азота, которые, соединяясь с составными частями хилеи, преобразуют ее в характер и качество питательной крови. Предполагается, что температура животного также является следствием разложения воздуха в процессе дыхания. Процессы дыхания и горения постоянно приводят к разрушению жизненно важного воздуха и замене его другим, который является смертельным ядом для жизни животного. С помощью вентиляции и циркуляции, вызывающих потоки воздуха, такой ядовитый воздух не накапливается, а распространяется по окружающему пространству, в то время как жизненно важный газ устремляется, противодействуя тенденции, чтобы восполнить недостаток, который могло создать местное потребление; и таким образом объясняется одна из очевидных причин настоятельной необходимости свободной вентиляции.

Несмотря на наше несовершенное знакомство с тем, как вода взвешивается в атмосфере, хорошо известно, что на человеческое тело сильно влияет водный пар в таком взвешенном состоянии, и что источники ядовитых эманаций активны пропорционально уровню влажности атмосферы и ее температуре. Атмосфера, перенасыщенная влагой, не только препятствует кутикулярным выделениям, необходимым для здорового состояния, но и ощутимо уменьшает водянистые выдохи из легких, вызывая тем самым различные болезненные эффекты на систему. Мы наблюдаем, как превращение летучих тел в газообразную форму, примером которого может служить аромат цветов, становится более ощутимым во время выпадения росы вечером или утром, когда роса испаряется и рассеивается лучами утреннего солнца: таким же образом активизируется выдыхание вредных веществ, таких как грязь из канав и плохо осушенных сточных вод. Избыток влаги, уменьшая жизненную активность, является еще одной причиной болезней в сочетании с усыпляющим действием вредных газов: отсюда более ядовитые свойства или вредное действие этих газов в застойной атмосфере, которая всегда более влажная, чем там, где есть эффективная циркуляция, *т.е.* вентиляция.

"Какая важная польза для человечества,

Для каких великих целей подчинен ветер!

Везде, где летает активный пар,

Он гонит облака и вентилирует небо;

Сметает с земли вредоносный шлейф инфекции,

И раздувает до полезной ярости вялый поток.

Ибо если бы море стояло без сопротивления,

Смерть огромными шагами опустошит землю;

Палящее солнце, с неприветливым лучом,

Даст скорби вечную тему;

И проклятые испарения, таящиеся в венах,

Сжигали бы с неутрачивающей болью.

Таковы были язвы, распространившиеся по земле Египта,

Когда Моисей, наученный Богом, протянул руку;

Из оживленной пыли падали мириады людей,

И месть пролилась на ожесточенных врагов Израиля".

Значительная польза от вентиляции была отмечена несколько лет назад в Савойской и Ньюгейтской тюрьмах, в обеих из которых тюремная лихорадка, как и прежде, была частой и очень смертельной. Вентиляция была опробована по рекомендации великого и доброго доктора Хейлза, чьи исследования и эксперименты были постоянно направлены на благо человечества. Хорошие результаты превзошли даже самые оптимистичные ожидания доктора, поскольку число заболевших значительно сократилось, а лихорадка стала менее смертельной, после того как была налажена должная вентиляция и тем самым остановлена предполагаемая инфекция. Обратившись к трудам благожелательного Говарда, мы увидим, что он нашел тюрьмы на континенте совершенно свободными от моровой лихорадки, благодаря тому, что квартиры, в которых содержались заключенные, были просторными и хорошо проветривались.

"Листья, легкие и жабры дышат жизненным эфиром,

На зеленой поверхности земли или в волнах под ней".

Доктор Томас Бейтман, рассказывая о лондонских лихорадках, возникающих среди бедняков, замечает, что, увидев пациента в слабом бормочущем бреду лихорадки в его собственном жилище, он часто удивлялся тому, что после ночи, проведенной в Доме выздоровления, он обнаруживал ясный ум и бодрый организм, хотя никаких лекарств ему не давали. Мы сами наблюдали замечательное и решительное влияние на пульс, вызванное удалением пациентов, страдающих от слабого тифа и других лихорадок; их улучшение было общим и решительным, просто от перемещения из нижней палаты в верхнюю, где вентиляция была более совершенной. Из многих ярких иллюстраций пользы, которую приносит свободный доступ чистого воздуха, можно привести замечательное снижение заболеваемости и смертности среди плотоядных в Зоологическом саду, о котором сообщалось в 1845 году, после улучшения вентиляции. Следующее сообщение, взятое из истории Дублинской больницы для лежащих больных, в необычайной степени демонстрирует преимущества свободной вентиляции. В этой больнице в 1782-83-84 и 1785 годах 2944 младенца из 7650 умерли в течение первых двух недель после рождения, то есть почти каждый шестой ребенок умер от конвульсий, которые медсестры называли девятидневными судорогами. У этих детей шла пена изо рта, челюсти смыкались, лицо опухало и выглядело синим, как будто они задохнулись. Последнее обстоятельство заставило лечащего врача приписать болезнь и большую смертность тесноте и скученности в больнице, что вызвало недостаток хорошего воздуха. Были придуманы воздушные трубы и другие отверстия, комнаты поддерживались сладкими и свежими с помощью вентиляции, и в результате было замечено, что в

1786	из	1372	детей умерло	51
1787	"	1375	" "	59
1788	"	1496	" "	55
		4243		165

Таким образом, с тех пор как вентиляция была проведена должным образом, из 4243 детей умерло 165; в то время как среднее число смертей от того же числа, до проведения вентиляции, составляло 1632!

"И все провозглашают Всемогущество Божественное".

Мы видим его доброту, его заботу о сохранении жизни,

Во всех чудесных свойствах воздуха.

Если бы однажды энергия воздуха была отменена,

Сердце перестало бы изливать свой пурпурный поток;

Пурпурный прилив забыл бы свою привычную игру,

И не вернется на свой диковинный путь;

Грубые испарения пронизывали бы источники жизни,

И заставят увянуть самый яркий человеческий цветок".

Доктор Бэррон в ходе ряда экспериментов поместил несколько молодых кроликов в тесную сырую среду; многие из них умерли через промежутки времени от пяти до семи недель с момента заключения. После перемещения выживших в сухие помещения, которые в остальном были благоприятны для здоровья, так как хорошо проветривались, их состояние вскоре заметно улучшилось. Этот факт был подтвержден экспериментами сэра Джеймса Кларка, доктора (ныне сэра Роберта) Карсвелла и доктора Дженнера.

В отчете о заболевании, случившемся в эдинбургской полиции, составленном фельдшером, отмечаются последствия плохо проветриваемого здания вокзала. Это служит дополнительным примером, если таковой необходим, важности чистого воздуха и его достаточного количества. Люди, размещенные в этом доме, изначально были самыми здоровыми и молодыми в отряде; тем не менее уровень заболеваемости среди них был очень высок, как и смертность - более чем втрое выше, чем среди другой части отряда, размещенной в других местах. Из тридцати семи человек, проживавших в этом доме, только один был свободен от функциональных расстройств: основными симптомами были большая чувствительность к атмосферным изменениям, обильное холодное потоотделение, постоянное чувство усталости, боль в глазных яблоках и потеря аппетита.

Похоже, что во всех предложениях по улучшению санитарных условий на сайте главной темой является вредное свойство зловонных испарений. Выгребные ямы и канализационные стоки кажутся главным объектом заботы даже в законодательных процедурах; как будто вокруг нашего земного шара нет вредных газов, не ощутимых для обоняния, но имеющих гораздо большее значение с санитарной точки зрения. И хотя пары, возникающие из выгребных ям и несовершенного дренажа, несомненно, являются одной из многих причин, предрасполагающих к заболеваниям, они не имеют такого первостепенного значения, как вентиляция; ведь их вредное влияние, из какого бы источника они ни возникали, в большей или меньшей степени зависит от их существования в открытых или закрытых местах. Неумомимый Парент Дюшателе в своей работе "Гигиена публики" показал, что зловоние, грязные выдохи, какими бы отвратительными они ни были, не обязательно являются причиной болезни, если они не накапливаются, как можно было бы предположить *à priori*. Он

сообщает нам, что в одном из самых обширных "шантье конных животных", расположенном в Монфосоне, в миле или двух от Парижа, занимающем большое открытое пространство, куда ежегодно свозят на убой тысячи лошадей, собак и кошек и где собирают почти все парижские отбросы, можно встретить самый отвратительный смрад: Земля, пропитанная кровью убитых животных, испускает отвратительнейший запах, как и огромные кучи гнилой плоти, собранной для навоза и выведения личинок для кормления домашней птицы! Однако рабочие, живущие и работающие в этих местах, занимаясь грязным делом изготовления клея, музыкальных струн и т. д., обладают иммунитетом от болезней, который поистине удивителен, а их избавление от болезней во время разрушительного распространения холеры в Париже было столь же замечательным. Существование таких отвратительных неприятностей, представленных Дюшателе, ни в коем случае нельзя одобрять; но упоминание о них здесь сделано для того, чтобы показать на основе хорошо известных фактов, что устранение стоков, возникающих из-за несовершенства дренажа, выгребных ям и т. д., не имеет такого важного значения, как свободный доступ атмосферы; Ведь мы видели, что застойный воздух вызван отсутствием свободного тока, и что он становится более влажным, чем обычно, из-за отсутствия света (который является теплом), и далее, что эта влажность увеличивает активность вредных газов, так что там, где вентиляция неисправна, всегда будет накопление, и, следовательно, концентрация, газов из выгребных ям, выдыхов из тела при дыхании, и с кожи; Все эти факты, рассмотренные с точки зрения физиологии, показывают огромную важность доступа света и чистого воздуха, на которых должны основываться все санитарные меры, чтобы быть эффективными. Вентиляция, воздействуя на корень зла, устранит все его дурные последствия.

Опять же, следует помнить, что цель вентиляции - не только рассеять и избавиться от неприятных для обоняния запахов, но и снабдить систему жизненным стимулом - той самой *rabulum vitæ* - кислородом, необходимым для правильного выполнения функций различных органов, который невозможно получить в должной пропорции из застоявшегося воздуха - в такой атмосфере из-за плохой циркуляции его количество не соответствует потребности или потреблению. Когда животное находится в ограниченном количестве атмосферного воздуха, оно умирает, как только расходует кислород; и никакой другой воздух не может поддерживать жизнь животного, кроме кислорода или смеси, содержащей его в определенной пропорции. Кроме того, вентиляция, обеспечивая жизненный стимул и вызывая нормальное состояние, также укрепляет систему против атмосферных колебаний - главного возбудителя болезней.

Открытие и расширение стоков или их создание там, где их раньше не было, в то время как населенные пункты остаются в переполненном состоянии, будет, пока проводятся такие операции, умножать зло. Начать следует с того, чтобы сровнять с землей норы физического и морального беззакония, которым так позорно позволили существовать в местах обитания тех несчастных, кто не в силах исправить страдания, которым Творческая Мудрость никогда не хотела подвергать самое жалкое пресмыкающееся, тем более человека, который когда-то был образом своего Творца - Его благороднейшей работой!

После того как темы Света и Воздуха были исчерпаны, мы перейдем к обсуждению свойств Воды:

"Этот главный ингредиент в различных произведениях Неба,

Где гибкий гений сверкает в драгоценном камне,

Растет крепко в дубе и бежит в вине".

Она является необходимым напитком для человека и других животных, постоянно используется в качестве растворителя для большого количества твердых тел, играет важную роль в доставке питания в растительный мир и придает соленость атмосферным регионам - в общем, это жидкость, настолько широко распространенная на нашем земном шаре, и, следовательно, настолько универсально известная, что вдаваться в подробности ее различных свойств было бы излишним для целей этих страниц.

"Если и есть в природе универсальное лекарство,
то это вода", - говорит Хоффман.

Учитывая, что вода имеет как диетическое, так и медицинское значение, всех, кто хоть что-то знает о воде, которую пьют в этом великом мегаполисе, не может не удивлять тот факт, что никогда не принималось никаких мер по очистке этого элемента, столь необходимого для здорового существования, хотя многие прекрасные планы время от времени предлагались людьми, практически сведущими в таких вопросах. В отчете комитета Палаты общин, опубликованном еще в 1836 году, говорится, что в воду из Темзы "падают экскременты почти полутора миллионов человеческих существ; - стирки их грязного белья, - грязь и отходы многих сотен мануфактур, - отбросы и разлагающиеся растительные вещества с рынков, - грязная и горькая жидкость со скотобоен, - и гнойные мерзости из больниц и расчлененных помещений, слишком отвратительные, чтобы их описывать." Загрязненное состояние воды, подаваемой в этот огромный мегаполис, однако, не единственное вопиющее зло. Недостаток в количестве, а также пагубное качество также являются предметом справедливой жалобы: запасов этой первой необходимости жизни недостаточно для питья и кулинарных целей, независимо от ее использования в качестве гигиенического средства, для личного омовения; полезные эффекты которого мы рассмотрим далее.

"И в ванне приготовленной я конечности омываю.

Оживляющие сладости восстанавливают упадок ума,

И снимите мучительное чувство труда".

Использование ванны, несомненно, существовало с самого начала мира. Похоже, что купание было инстинктивно принято всеми народами и племенами по всей Вселенной. Среди северо- и южноамериканских индейцев, в Африке, даже среди самых варварских и нецивилизованных рас - купание является обычаем, которому они уделяют *скрупулезное* внимание: однако, как ни странно, по сей день личное омовение мало известно или практикуется в этой гордой стране как гигиеническое средство: оно рассматривается скорее как предмет роскоши, и то очень скупой, даже нашими богатыми и средними классами.

Сократ говорит нам, что "купание делает человека чистым и душой, и телом". Клеменс Александριν говорит, что ее следует практиковать "ради ЗДОРОВЬЯ и чистоты, и, наконец, ради удовольствия".

Древние римляне считали баню самым важным элементом в экономике своей жизни: они считали ее необходимой для здоровья и комфорта; представление о великолепии и роскошном строительстве римских бань можно составить из поэтического описания Статием бань Клавдия Этруска:

"Ничто там не вульгарно, ни одна самая прекрасная медь

Во всем сверкающем строении есть место.

Из *серебряных* труб текут счастливые воды,
И в *серебряные цистерны* поступают внизу.
Посмотрите, как с благородной гордостью сомнительный поток
Застыл с удивлением на сияющем краю;
Оглядывает свои богатства и восхищается своим состоянием;
Не желая срываться со славного места".

Самыми примечательными банионами были бани императоров Диоклесиана и Антония Карагаллы, с их диковинными сводчатыми крышами, просторными апартаментами и тысячей других украшений и удобств. При Диоклесиане 140 000 человек потратили много лет на их строительство.

Баня действует как морально, так и физически. Она прививает привычку к чистоте, которая, как выяснилось, связана только с самоуважением, возвышенной сдержанностью, умом и нравственностью.

"Это самое чистое упражнение для здоровья!

Так жизнь удваивается; и часто сохраняется

Смелым пловцом, в стремительном крушении

катастрофического несчастного случая. - Отсюда конечности

Соединяются в силу! И та же римская рука

Что поднялась победоносно над покоренной землей,

научилась, пока была нежной, покорять волну!!!

Из чистоты *тела разум*

черпает тайную, сочувственную помощь!!!"

Ничто так не успокаивает раздражительные импульсы страстей, как особое спокойствие, которое дарит ванна. Римляне в дни сладострастия неизменно прибегали к бане, чтобы снять последствия распушенности, сильной усталости от путешествий и т. д. Кто, спросим мы, не испытывал после ночного дебоша в потворстве роскоши, когда голова и сердце угнетены, а нервная энергия расшатана, восстанавливающее и бодрящее действие ванны, - ведь что так прекрасно снимает лихорадочную раздражительность и возмущение нервной системы, как *холодная, теплая или горячая ванна*, в зависимости от того, чем привык пользоваться преступник. Повсюду на континенте ванны находятся в самом совершенном состоянии. Французы ежедневно совершают полное личное омовение. В Италии, Голландии и Германии баня пользуется большим покровительством, а среди турок и персов, да и во всей Азии, купание является обязательной частью их религии. Они считают ее абсолютной жизненной необходимостью, в то время как мы, самые изысканные люди в мире, довольствуемся сменой белья, да и то очень часто поверх не очень чистого нижнего белья или фланели!

Венгры и русские купаются по примеру древних; особенно в России, где баня занимает столь важное место в системе жизни, ею пользуются люди всех возрастов и при любых обстоятельствах. Русский считает баню средством от всех своих недугов; он летит в нее по любому поводу; мужчины, женщины в лежащем положении, дети, почти во всех болезнях, перед и после путешествия и т. д., прибегают к бане как к своему *солатиуму, который*, по выражению знаменитого Каллена, "придает чувство молодости, бодрости и самодовольства". Римляне в течение пятисот лет обходились без врачей; Именно с помощью ванны они излечивали все свои болезни, и по сей день многие народы лечат свои недуги с помощью ванн, - в чем нет ничего удивительного, как может показаться на первый взгляд из-за простоты таких средств, если учесть важность кожи в животном мире, Что она не просто орган чувств, а наделена обширным и сложным нервным аппаратом, через который осуществляется связь со всем организмом, и что она обладает обширными секреторными, экскреторными и абсорбционными способностями, *нормальное состояние* которых необходимо не только для здоровья, но и для самой жизни.

Учитывая наши претензии на все утонченное, пожалуй, нет расы людей, более лишенных личной чистоты, чем мы сами.[4] Это факт (каким бы неприятным ни было упоминание о нем), не допускающий возражений, поскольку большая часть, включая даже *высший* и средний классы населения этой страны, никогда не подвергается полному омовению в течение всей своей жизни, - с детства до самой смерти. Представьте себе восьмидесятилетнего человека, пышущего нечистотами, накопленными за три четверти века!

"Погребенный в дыму, в грязи и ядовитой сырости".

Можно ли удивляться, что *он* передает своему потомству испорченное, запятнанное состояние жидкостей, которое влечет за собой страдания в виде золотухи и всевозможных кожных заболеваний?

Однако, независимо от наследственной предрасположенности к кожным и другим заболеваниям, слишком часто люди, которые просто ежедневно обрызгивают водой шею, лицо и руки, - пренебрегая мытьем своего тела из года в год, так что отработанные вещества системы сгущаются на коже, затрудняя тем самым выдыхаемые поры, и вызывая различные внутренние жалобы, а очень часто и всеобщий зуд, - чтобы примириться с мыслью, что их страдания вызваны скорбным диатезом, который передался им от их предков, без какой-либо их собственной вины или ссылки на их грязные личные привычки.

Пожалуй, нет большей нелепости, чем распространенное представление о том, что мытье лица и рук, а иногда и ног, представляет собой личную чистоту, или что такое частичное омовение может действовать гигиенически. Именно со всех частей поверхности тела (с одних больше, чем с других, особенно с тех, которые покрыты) выводятся химические соединения и отработанные элементы в виде ощутимого и неощутимого пота, поэтому, чтобы избежать зла, связанного с грязными личными привычками, мы не должны довольствоваться частичным омовением, а распространить его на все тело.

Всем тем, кто не знает или скептически относится к вопросу о гигиенической ценности личного омовения, мы рекомендуем ознакомиться с трудами докторов Эндрю Комба, Саутвуда Смита и др.-Они познакомятся с важными функциями и назначением своих *покровов*, найдут в вышеупомянутых трудах исчерпывающее исследование кутикулярной экономики, а также тесную связь внешней и внутренней кожи (одна является продолжением другой), Показано, что через систему потоотделения, состоящую из отверстий в коже, называемых порами, температура тела не только регулируется в определенной степени, но и из нее удаляется ряд соединений, вредных для животного мира, благодаря чему кровь и

другие жидкости поддерживаются в состоянии чистоты. Пот, как по качеству, так и по количеству, абсолютно необходим для благополучия человеческого тела: чтобы дать некоторое представление о вредных последствиях вмешательства в функции кожи путем удержания и необходимого накопления бесчисленных химических агентов, мы можем обратиться к исследованиям Лавуазье и Сегена по этому вопросу. Они подсчитали, что в течение *минуты* кожа выдыхает *восемь зерен* пота, что эквивалентно *тридцати трем унциям* за *двадцать четыре часа*. На кутикулярной поверхности, по их подсчетам, имеется семь миллионов пор, которые, будучи закупоренными нечистотами из-за недостатка личной чистоты, должны препятствовать выведению их содержимого, и они, будучи снова выброшенными в систему циркуляции, не могут не быть очень вредными для здоровья. Опять же,

Независимо от важности кожи для внешней жизни, она не менее важна для внутренней экономики тела, сохраняя великое равновесие различных систем (тело - это система систем), с помощью которых поддерживается человеческий каркас.

Поэтому недостаток личного очищения посредством омовения объясняет частоту многих наших самых мучительных и смертельных заболеваний, таких как болезни легких и почек, называемые чахоткой и болезнью Брайта, а также столь распространенное в этой стране заболевание, и очень справедливо названное "наследством англичанина", "диспепсией", благодаря тому, что мы заставляем легкие, почки и кишечник, которые являются депурирующими органами, так же как и кожа, играть роль мусорщиков всей системы, в устранении большей части ее нечистот, и таким образом выполнять надлежащую функцию кожи.

"Мы не знаем, - говорит один опытный и талантливый писатель, - ни одной страны Европы, где люди были бы так мало расположены к тому, чтобы совершать хотя бы тот бодрящий вид омовения, который происходит от купания. Грязные лица, грязная одежда, грязные дома - в общем, грязь повсюду - вот характерные черты наших людей; и все же, как бы плохи они ни были (в целом по необходимости), мы знаем, что под поверхностью есть еще худшие последствия, ибо там, где видна физическая грязь, там же царит и *моральная деградация*".

Правда, за последние несколько лет было предпринято немало достойных похвалы усилий для создания бань и прачечных для бедных, которые, надо надеяться, получат дальнейшее поощрение и распространение; Но поскольку мода управляет значительной частью человечества, даже в медицине, мы бы предложили, чтобы для обеспечения более полного и общего использования личного омовения, наши лидеры моды и высшие классы, которые так много говорят по вопросу о банях для бедных, должны показать пример, установив бани, по обычаю восточных народов, в своих собственных частных домах; поскольку, несмотря на рост богатства и роскоши, великолепие и размеры домов недавней постройки в этой стране, бани еще очень далеки от всеобщего распространения. Многого можно добиться, покровительствуя немногим прекрасным, но заброшенным общественным баням этой великой метрополии; такие меры не только увеличат число уже существующих бань, но и побудят к личной очистке, которая в конечном итоге окажется необходимой. "*Usus est altera natura*".

В завершение наших замечаний о трех основных составляющих жизни, мы хотели бы заметить, что удивительно, с каким небольшим количеством пищи человек может жить в здоровье и силе, (мы, конечно, ссылаемся на тех, кто ест, чтобы жить), когда поставляется в

должной пропорции с реквизитами для жизненной силы, а именно, свет, воздух и вода. Далее, мы бы спросили, что может быть более чудовищным в этот просвещенный век, настолько возмущающим все принципы разума, настолько противоречащим повседневному опыту и здравому смыслу, как "запрет на свободный свежий воздух и подачу смертным небесного света" этим пятном на цивилизации, налогом на окна, - налогом, возникшим в беззаконии,[5] в то время, когда так много говорят о санитарных мерах?[6] Мы пренебрегаем первыми принципами жизнеспособности, чтобы лезть в канализацию и выгребные ямы, которые, повторяем, являются лишь второстепенными соображениями, *конечный результат* которых окажется не лучше, чем облегчение обоняния, чтобы пощекотать вкусовые нервы, предоставляя нашему вкусу, в виде воды Темзы, грязные мерзости разросшегося города.

Говоря о профилактике, нельзя не упомянуть о варварском и пагубном обычае внутриутробного захоронения, который нельзя не осудить, поскольку он не только подрывает все христианские чувства - ежедневное отвратительное зрелище нарушенных святынь - но и в высшей степени деморализует и отравляет общество. "Pessimum est tempore Pestis habitare in locis mortuorum monumentis propinquis".

Судя по отвратительной апатии, проявляемой в этом огромном мегаполисе в деле избавления от мертвых, кажется, что ничто, кроме одной из тех ужасных эпидемий, которыми в прежние времена Всемогуший был склонен наказывать беззакония своего народа, не заставит тех, чьей непосредственной областью он является, осознать зло и опасность подобных мерзостей, которые они, вопреки здравому смыслу, руководствуясь корыстью и глупостью, по-прежнему увековечивают.

"Вы, кто среди этого лихорадочного мира хотел бы носить

Тело свободное от болей, от забот ум,

Бегите от городов; избегайте мутного воздуха;

Не вдыхайте хаос вечного дыма,

И летучим тлением мертвых,

Умиравший, больной и живой мир

Выдыхаемый, чтобы запятнать прозрачный купол небес

Тусклой смертностью".

То, что погребение, или заключение мертвых в могилу, является древнейшим обычаем, не подлежит сомнению. Среди древних евреев отсутствие погребения считалось величайшим несчастьем. Любое обнажение мертвых (даже преступников) рассматривалось как загрязнение их земли. Египтяне и азиаты практиковали погребение с самого начала времен. Впоследствии появился обычай *сжигать* тела умерших. Судя по описанию похорон Патрокла у Гомера, греки прибегали к сожжению уже во время Троянской войны. Они также прибегали к погребению, о чем свидетельствуют их историки, рассказывающие о том, как тело клали в могилу: Плутарх говорит нам, что их клали лицом на восток или на запад; Цицерон сообщает нам, что в ранние времена, как в эпоху Цекропа, погребение использовалось только греками, но у нас есть достаточно свидетельств в истории, что оно всегда происходило без их городов, особенно среди евреев и греков, от которых римляне

переняли эту практику. В Новом Завете есть несколько отрывков, показывающих, что евреи хоронили своих мертвых без своего города. Так, гробница, в которую Иосиф из Аримафеи положил тело нашего Спасителя, находилась в том же месте, где он был распят (Иоанн хіх. 41), что было недалеко от города (Иоанн хіх. 20). И мы учим святого Матфея (xxviii. 52-53), что во время страстей Господа нашего разверзлись гробы, и многие тела святых, которые спали, восстали и вышли из могил после Его воскресения, и *пошли в Святой город*, и явились многим.

Сервий, рассказывая о несчастной смерти своего коллеги Марцелла, случившейся в Греции, говорит, что тот никак не мог добиться от афинян разрешения место для его погребения в *пределах* города. Римляне соблюдали тот же обычай с самого начала строительства своего города; впоследствии он стал законом, установленным децемвирами: "Не сжигать и не хоронить в пределах города". Обычно они хоронили возле дорог, на специально отведенных для этого полях. Их причина, похоже, была основана как на священных, так и на гражданских соображениях: в первом случае, чтобы пассажиры могли видеть могилы и помнить о собственной смертности - отсюда, как говорит Варро, надпись на памятниках : "Sta viator!", во втором - "чтобы воздух не портился от зловония гниющих тел". О Проперции рассказывают, что он очень искренне желал, чтобы его не хоронили по обычному обычаю, рядом с *дорогой*, опасаясь, что это нарушит его тень. Однако среди римлян были исключения из запрета на внутригородские захоронения, как, например, в случае с весталками, которым, как сообщает Сервий, по закону было разрешено хоронить в пределах города. Такая же привилегия или честь была предоставлена некоторым выдающимся личностям, например Валерию Публиколе и Фабрицию, и сохранялась за их наследниками; однако никто из их семей впоследствии не был там похоронен, но когда тело несли туда, кто-то клал под него горящий факел, а затем немедленно уносил его, в подтверждение привилегии покойного и его отступления от этой чести. Затем тело переносили для погребения в другое место за городом.

Древние персы никогда не хоронили в городах или поселках. Их царей хоронили на высоком холме к востоку от Персеполиса: вообще по всей Персии и Леванту не было мест для погребения, кроме тех, что находились за городом.

Кладбища турок всегда находились за пределами городов, чтобы воздух не портился от испарений, исходящих от могил: они, как и римляне, также хоронят по обочинам дорог, чтобы путники помнили о необходимости молиться Богу за усопших. Китайцы используют похожий способ захоронения. Евсевий сообщает нам, что когда христиане, по благосклонности Константина, строили церкви в городах, места для захоронений им отводились за пределами городов и поселков.

Согласно Григорию Турскому, только во второй половине шестого века, около 590 года н.э., были освящены места погребения и кладбища в городах.

Внутригородские захоронения и церковные дворы, похоже, возникли из идеи, что люди, проходящие мимо могил своих родственников или друзей по пути на богослужение, могли бы напомнить о необходимости вознести за них молитвы; кроме того, еще одним мотивом могла быть прибыль. Грубые и ужасные оскорбления, которые сейчас так часто причиняются мертвым из-за переполненности, к большому сожалению нашей национальной религии и характера христианского народа, никогда не могли быть предусмотрены; напротив, предполагалось предложить священное убежище для смертных останков тех, чья память была нам дорога.

Не только у иудеев, но и у всех народов мира было принято считать, что святые места оскверняются присутствием мертвых тел или костей мертвецов. Поэтому, когда Иосия захотел осквернить жертвенники, посвященные идолам, он сжег на них кости мертвецов, которые достал из могил, находившихся на горе (2 Цар. xxiii. 16). И когда Бог через Иезекииля угрожал наказать Израиль, он сказал им, что их жертвенники должны опустеть: "и положу мертвые тела сынов Израилевых пред идолами их, и разбросаю кости ваши вокруг жертвенников ваших" (Иезекииль vi. (Поскольку у иудеев по божественному закону были омовения, промывания и очищения от осквернения мертвыми, что называется *Βαπτισμὸς ἁπλὸς νεκρῶν* (Ecclesiasticus xxxiv. 25), - омовение от загрязнения прикосновением к мертвому телу, - так и у язычников от них произошел обряд очищения от осквернений, полученных от мертвых; ибо *Flamens* или *Funera Mater*, отпуская народ после похорон, окропляли его водой, чтобы очистить от загрязнений, полученных при виде погребения; И когда они входили в храм, их сначала окропляли святой водой, *σφραγίσια*, так часто упоминаемой языческими писателями, чтобы они не выглядели оскверненными перед богами.

Госпериан сообщает нам, что древние очень противились нововведению хоронить в городах и церквях, и поэтому соборы их епископов вынесли несколько канонов и постановлений против внутригородских и церковных погребений.

Независимо от того, сжигали или погребали древние своих умерших, они никогда не выбирали место для богослужения, будь то погребение тела или хранение его праха. В течение многих веков после утверждения христианства они никогда не осмеливались сделать храм Божий местом погребения умерших: напротив, когда древний способ погребения вне города стал игнорироваться, погребения в церквях были отвергнуты властью. Один из законов Феодосийского кодекса гласит: "Пусть никто не воображает, что церкви апостолов и мучеников были предназначены для погребения мертвых". Императору Карлу Великому принадлежит следующее предписание: "Пусть никто не хоронит покойников в церкви". Впоследствии Людовик Благочестивый самым решительным образом выступал против погребения в церквях, требуя, "чтобы при погребении умерших соблюдались уставы, принятые и установленные древними отцами".

Древние так упорно не желали ничего подобного осквернению своих церквей, что, по словам Барония, некий Борахас, преследуемый язычниками в Газе и оставленный умирать, был взят христианами и отнесен в церковь; язычники и некоторые из властей, дознавшись о нем, пожаловались, что христиане нарушили свободу их города и преступили их законы: потому что они принесли в город мертвое тело, чего ни в коем случае нельзя было делать; они полагали, что Борахас умер.

Погребение в церкви или рядом с ней, как нам говорят, произошло от первого христианского императора Константина, который, хотя и не хотел быть похороненным в церкви (что в его время было неслыханно), решил, что его останки должны быть помещены как можно ближе к ней, и они были, соответственно, погребены в паперти большой церкви в Константинополе. Впоследствии эта практика распространилась, и высокопоставленные лица стали претендовать на подобную привилегию; их низшие родственники, хотя и не претендовали на право быть похороненными в паперти, считали за честь быть погребенными как можно ближе к ней; отсюда еще одна причина появления больших дворов и подворий вокруг церквей.

"Меланхолические призраки умерших знаменитостей

С покаянным видом, когда они проходили мимо,

Все указывают на землю и улыбаются человеческой гордости".

Через некоторое время после этого папа Григорий Великий ввел в церкви и установил самым торжественным образом мощи, заключенные в золотые футляры, которые иногда помещались на алтаре, или над ним, но обычно под ним. Это заставляло людей стекаться к ним и хоронить там своих умерших в надежде, что оба получают пользу от такого почитания. Таким образом, то, что изначально считалось профанацией, в конце концов, благодаря разложению последующих веков, стало не только средством удовлетворения честолюбивой гордыни, но и, по-видимому, даровало благословения вечного счастья.

Обычай хоронить знатных людей в церквях впервые ввел в этой стране Катберт, десятый архиепископ Кентерберийский, который в 798 году н. э. добился от Папы Римского привилегии иметь церковные дворы для погребения: что касается погребения в церквях, то этот обычай возник не ранее 1076 года. В правление Вильгельма Завоевателя совет, состоявшийся в Винчестере при Ланфранке, архиепископе Кентерберийском, согласно девятому канону, выступил против погребения в церквях; вскоре, однако, это вошло в обычай, и под алтарями стали строить склепы.

"Это ужасно, - сказал австрийский император, - что место поклонения - храм Высшего Существа - превращается в гумно для живых существ".

Человек, который на смертном одре ставит в своем завещании условие, чтобы его похоронили в церкви или часовне, ведет себя как безумец; он должен подавать своим ближним хороший пример и не делать все возможное, чтобы разрушить их здоровье, подвергая их воздействию испарений, исходящих от трупа в состоянии гниения.

Приведенный ниже отрывок из проповеди, прочитанной в 1552 году епископом Латимером, доказывает, что даже в тот сравнительно ранний период, когда население Лондона едва ли составляло одну пятую часть от нынешнего, вредное явление, связанное с внутренними погребениями, было признано опасным для здоровья. "Жители Наима, - заметил епископ, - хоронили за пределами города, что, несомненно, похвально; и я удивляюсь, что Лондон, будучи таким большим городом, не имеет места для погребения за его пределами; ведь, несомненно, хоронить в пределах города вредно, особенно в такое время, когда случаются большие болезни и многие умирают вместе. Я думаю, верно, что многие умирают на церковном дворе Святого Павла, и это я говорю по опыту, ибо сам я, когда бывал там по утрам, чтобы послушать проповеди, ощущал такой дурной и нездоровый запах, что мне было хуже от этого еще долгое время после; и я думаю, не менее того, это является причиной больших болезней и недугов".

Хорошо было бы жителям этого огромного мегаполиса, если бы план сэра Кристофера Рена был реализован при восстановлении города после пожара 1666 года. Все церковные дворы должны были быть удалены за пределы города.

В 1786 году законодательное собрание Германии приняло закон, который неукоснительно соблюдался в империи, где правил Иосиф Второй, и которому нам следовало бы подражать, вместо того чтобы использовать нижние части наших часовен в качестве складов и чуланов. Этот закон запрещает хоронить мертвые тела в любой часовне или церкви, где бы они ни находились; ни звание, ни достаток не могут получить разрешение обойти его, так как при его исполнении не обращают внимания на личности.

О вредных и смертельных последствиях выхлопов от переполненных погребальных ям мы имеем яркую иллюстрацию, которая едва ли допускает сомнения[7] - по крайней мере, в том,

что касается предрасположенности. В одной из старых работ, озаглавленной "Наследие древнего врача доктора Довера", мы находим следующее; Довер, надо понимать, был необычным персонажем, объединившим в своем лице профессию врача и бродяжничество. Он рассказывает: "Когда я взял штурмом два города Гуякиль, расположенные под линией в Южных морях, случилось так, что незадолго до этого среди них свирепствовала чума. Чтобы обезопасить себя и сплотить людей, мы заложили церкви, а также принесли сюда награбленное в городах. Нас очень раздражал запах мертвых тел. Их едва ли можно было назвать погребенными; ведь испанцы за границей не используют гробов, а бросают несколько мертвых тел одно на другое, накрывая их только досками; так что неудивительно, что мы подхватили инфекцию. Через несколько дней после того, как мы поднялись на борт, один из хирургов сообщил мне, что несколько моих людей были взяты в руки после бурного воздействия, с таким упадком духа, что они не могли двигаться; менее чем через сорок восемь часов на наших кораблях было сто восемьдесят человек в таком жалком состоянии".

Доктор Адам Кларк в своем "Комментарии к Святому Луке" советует: "Не следует устраивать захоронения в городах и поселках, а тем более в церквях и храмах или рядом с ними. Этот обычай чрезмерно вреден для жителей, и особенно для тех, кто часто посещает общественные богослужения в таких церквях и храмах. Бог, приличия и здоровье запрещают эту шокирующую мерзость. * * * Из долгих наблюдений я могу подтвердить, что церкви и молельни, расположенные на кладбищах, и особенно те, в стенах которых погребены мертвые, совершенно нездоровы; и многие, посещая такие места, сокращают свой путь к дому, предназначенному для живых. Что увеличивает беззаконие этой отвратительной и смертоносной работы, так это то, что места погребения при многих церквях и храмах превращаются в источник частной выгоды. Все это нелепое поведение столь же непристойно и нездорово, сколь и профанично. Каждый человек должен знать, что газ, который выделяется из гнилой плоти, особенно из человеческого тела, не только недружелюбен, но и губителен для жизни животных. Суеверие впервые ввело практику, которую корысть и жадность продолжают поддерживать".

Преподобный доктор Рендер в своем "Путешествии по Германии", опубликованном в Лондоне в 1801 году, упоминает следующий случай: "В июле 17-го года в... умерла очень корпулентная дама. Перед смертью она попросила, в качестве особого одолжения, чтобы ее похоронили в приходской церкви: она умерла в среду, а в следующую субботу была похоронена в соответствии со своим желанием. На следующий день священник произнес погребальную проповедь: погода была необычайно жаркой; следует заметить, что в течение нескольких месяцев, предшествовавших ее смерти, стояла сильная засуха; не выпало ни капли дождя, поэтому время было необычайно знойным. В следующее воскресенье у протестантского священника было очень много прихожан, около 900 человек, в этот день совершалось Святое Таинство. Погода по-прежнему оставалась очень жаркой, и многие были вынуждены во время службы выходить на улицу, чтобы не упасть в обморок, а некоторые и вовсе теряли сознание. В Германии существует обычай, согласно которому люди, желающие принять таинство, не едят и не пьют в этот день, пока церемония не будет полностью завершена. Проповедь заняла около часа с четвертью; после этого был освящен хлеб, который, согласно обычаю, оставался непокрытым во время церемонии.

"Причастников было около ста восьмидесяти человек. Через четверть часа после церемонии, не успели они выйти из церкви, как более шестидесяти из них заболели; несколько умерли в жесточайших муках, другие, более крепкого телосложения, выжили благодаря помощи медиков; жесточайшее смятение охватило всю общину и город. Было сделано заключение, что вино было отравлено, и так считали все; ризничий и еще несколько

человек, принадлежавших к ризнице, были немедленно арестованы и брошены в тюрьму. В следующее воскресенье священник прочитал захватывающую проповедь и указал прихожанам на других участников заговора. Эта восторженная проповедь была напечатана. Обвиняемые подверглись большим лишениям; в течение недели их держали в темнице, а некоторых из них подвергали пыткам; но они упорно отстаивали свою невиновность. В следующее воскресенье магистрат приказал поставить на час на алтарь непокрытый кубок с вином; едва прошло это время, как они увидели, что вино наполнено мириадами насекомых; проследив их путь до источника, под лучами солнца удалось выяснить, что они вышли из могилы дамы, похороненной в предыдущие две недели. Люди, не принадлежащие к ризнице, были уволены, и четверо мужчин принялись вскрывать могилу и гроб; при этом двое из них упали и скончались на месте, а двое других были спасены только благодаря огромному напряжению медицинского таланта. Невозможно описать словами то ужасное зрелище, которое труп, когда гроб был открыт. Он представлял собой сплошное гнилое месиво; теперь стало ясно, что многочисленные насекомые, как крупные, так и мелкие, вместе с выделениями, исходившими из тела, вызвали язвенную инфекцию, которую за неделю до этого приписывали яду. После этого открытия те, кого обвинили в отравлении вином и т. д., были освобождены, а священник и магистрат искупили вину за необоснованное обвинение".

Святой Кирилл, оправдывая способ погребения язычников, сказал, "что их храмы были лишь красивыми памятниками мертвецам". Насколько иначе он выразился бы в отношении наших христианских митрополичьих церквей или храмов этого, девятнадцатого века, которые являются отвратительными вместилищами разложения!

Но несколько лет назад, осенью 1843 года, ядовитые последствия нарушения порядка на кладбище стали слишком очевидны. Церковь и церковный двор в Минчинхэмптоне очень старые, последний служил местом для захоронений на протяжении пятисот лет, поэтому он был густо завален мертвыми телами. При перестройке церкви возникла необходимость, или ее сочли целесообразной, опустить поверхность кладбища на фут или два от останков погребенных. Многие тела были потревожены во время этого процесса и перезахоронены. Извлеченная таким образом земля темного цвета, насыщенная, по сути, продуктами человеческого гниения, в роковой час была направлена на нужды сельского хозяйства! Около тысячи телег было использовано: часть - на новом участке, чтобы трава быстрее росла, часть - в качестве навоза на соседних полях, часть - в саду настоятеля, а часть - в саду покровителя. Таким образом, семена болезни были широко посеяны, и результат оказался таким, какого мог ожидать любой здравомыслящий человек. О распространении болезнетворного яда, которое вскоре последовало, свидетельствовала вспышка лихорадки в этой ранее здоровой местности. Семья настоятеля и жители улиц, прилегающих к церковному двору, подверглись нападению первыми и пострадали больше всех. Ректор потерял жену, дочь и садовника. Погиб и садовник покровителя, который занимался тем, что удобрял цветочные клумбы человеческим навозом. Словом, куда бы ни попала земля, за ней следовали болезни. Дети, посещавшие школу, заболели лихорадкой, проходя по перевернутой поверхности кладбища, возвращались домой и умирали; но они не передавали болезнь тем, кто находился рядом с ними, и она не возникала ни у одного человека, не подвергавшегося воздействию причины, вызвавшей ее развитие. Произошло семнадцать смертей, и около двухсот детей были поражены корью, скарлатиной и особыми высыпаниями.

Не следует ли рассматривать страшные последствия таких неблагоприятных действий как возмездие Небес, настигшее тех, кто причастен к осквернению мертвых? Присвоение земли, которая должна была считаться священной, человеческих останков для целей сельского хозяйства - выращивания овощей и цветов! Да еще и одним человеком, занимающим священный пост пастора. *О tempora! О нравы!*

Учитывая огромную важность этого вопроса, как с моральной, так и с физической точки зрения, крайне прискорбно и поистине позорно для нации, кичащейся своим характером, общим превосходством и богатством, что существует практика (захоронения внутри страны), в пользу которой нельзя привести ни одного аргумента, но против которой могут выступить религия, история, здравый смысл и повседневный опыт.

Анализируя вышеизложенные наблюдения и серьезно размышляя о состоянии плохо проветриваемых помещений и мастерских, сырых, темных и мрачных подвалов - немногим лучше темниц, - мрачных, тесных, душливых дворов и узких темных переулков этого огромного мегаполиса, в которые редко проникает свет небес; Созерцая эти обители наших низших классов (которые были бы вредны даже для свиней), мы говорим, что преступная апатия, предрассудки и плохая организация тех, чья обязанность - исправлять такие вопиющие беды, не может не быть очевидной. В заключение мы настоятельно рекомендуем всем таким нарушителям и всем, кто участвует в деле санитарной реформы, полезные указания относительно мытья, очищения и т. д., содержащиеся в Моисеевых предписаниях, особенно в следующих отрывках, показывающих, с какой тщательностью решались все вопросы, касающиеся здоровья, вплоть до освобождения домов от сырости; чтобы мы, просвещенные и утонченные люди XIX века, могли извлечь из этого пользу.

"34 Когда вы придете в землю Ханаанскую, которую Я даю вам во владение, и наведу язву проказы[8] на дом в земле вашего владения;

35 и придет хозяин дома и скажет священнику, говоря: кажется мне, что в доме этом чума:

36 Тогда священник прикажет опустошить дом, прежде нежели священник *войдет в него* для осмотра чумы, чтобы все, *что* в доме, не сделалось нечистым; а после священник войдет в дом для осмотра:

37 и посмотрит на чуму, и вот, если чума *будет* в стенах дома с пустотами, зеленоватыми или красноватыми, которые на вид ниже стены;

38 то священник выйдет из дома к дверям дома и затворит дом на семь дней:

39 А на седьмой день священник опять придет, и посмотрит, и вот, *если* чума распространилась по стенам дома;

40 И прикажет священник, чтобы взяли камни, в которых *язва*, и бросили их в нечистое место за городом:

41 и заставит выскрести дом кругом, и высыпят пыль, которую выскребут за городом, в нечистое место:

42 и возьмут другие камни, и положат *их* на место тех камней; и возьмут другой раствор, и замажут дом.

43 И если опять придет чума и начнется в доме, то после того, как он уберет камни, и после того, как он выскоблит дом, и после того, как он замажет его;

44 то священник придет и посмотрит, и вот, *если* чума распространилась в доме, *то* это проказа в доме; он нечист.

45 И разобьет дом, камни его, и бревна его, и весь раствор дома, и вынесет *их* из города в место нечистое".

Левит, глава xiv.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Acad. de la Hist. sobre las Sepulturas, p. 60.

Acerbi, Enrico, Dottrina teorico-pratica del Morbo petechiale. Milan, 1811.

Ackerman, J. C. G. De Dysenteriae Antiquitatibus. Lips. 1777.

Adams, Jos., M.D. Inquiry into the Laws of Epidemics. 1808.

Adelung, Wolfgang Heinrich Kurtze, historische Beschreibung der reralten u. s. w. Stadt. Hamb. 169.

Agricolæ, Georgii, De Peste libri tres. Basileæ, 1554.

Aikin, John, Biographical Memoirs of Medicine in Great Britain, from the revival of literature to the time of Harvey. 1780.

Ainstie, W. Observations on the Cholera Morbus of India. 1825.

Aldereti, Dr., en Salamanca, p. 71.

Alebert, J. L. Traité des fièvres pernicieuses intermittentes. Paris, 1812.

Alexandri, F. Tratado della Peste a Febri pestilenti. 4to.

Allionii, Caroli, Tractatio de Miliarium origine, progressu, natura, et curatione. Augustæ Taurinorum, 1758.

Alperius, Prosher, De Medicina Ægyptiorum libri IV. Veneta, 4to, 1591.—lib. i. cap. 14, 18.

Alphani, F. De Pestilentia necnon de Variolis et Morbillis. 1577.

Amaller, C. F. Descripcion de la Enfermadad Epidemica en Cadiz. 4to, Cadiz, 1800.

Ambrogi, V. De cognoscendis et curandis Febribus pseudo-perniciosus. Rom. 1805.

Amos, chap. iv. ver. 6, 10.

Anales de Aragon por los Argensolos, lib. i. p. 668.

Anderson, S. A few Facts and Observations on the Yellow Fever, 1798.

Angelas, Andreas, Struthiomontanus, Annales Marchiæ Brandenburgicæ, das, ist; Ordentliches Verzeichniess und Beschreibung der fürnemsten und gedenckwirdi Goten Märckischen Jahrgeschichten u. s. w. Franckfort a O. 1598.

Annales, Berolino Marchier ab anno 965 ad annum 1740.

Anon. Blatter knitissche für die geschichte der Epidemien. Rudolet, 1805.

—— Cure of the Miliary Fever by a subject to Mithridates king of Pontus. Lond. 1751.

—— A Collection of valuable and scarce Pieces relating to the Plague of 1665. 2nd edit. Lond. 1721.

—— The Causes of Discontents in relation to the Plague. London, 1721.

Antes, J. Observations on the Manners, &c. &c. of the Egyptians, and on the Plague. 1800.

Antiguo Comentario de Barcelona, p. 100.

Antommarchi, F., M.D. Mémoire sur le Cholera regnant à Varsovie. Paris, 1831.

Antwerpsch Chronykié, sedert. denjare 1500, tot het jaar 1574, door F. S. V. Le Leyden, 1743, 4to.

Aregala, J. M. Succincta Exposicion de la Enfermedadan, Malaga, 1804.

Aretæi Cappadocis Ætiologia Semeiotica et Therapeutica Morborum acutorum et diuturnorum, &c. Ed. Geog. Henisch. Augustæ Vindelicorum, 1603.

Armesto, R. Reflexiones sobre la Epidemica en Cadiz, 1800.

Armstrong, Practical Treatise on Typhus Fever, 1816.

Assalini, P. Observations on the Plague, &c. of Egypt, 1804.

—— Observations sur la Peste, le Flux Dyssenterique, &c. 1803.

Astruc, Johann. De Morbis Venereis libri novem. 2 tom. Lutetiæ Parisiorum, 1740.

—— sur l' Origine des Maladies Epidémiques, principalement de la Peste. 8vo. Montp. 1721.

Aubert, L. De la Peste ou Typhus d'Orient, Documens et Observations recueilles pendant les années 1834 à 1838 en Egypte, en Arabie, sur la Mer Rouge, en Abyssinie, à Smyrna, et à Constantinople.

Audibert, Caille J. M. De l'Analogie appliquée à l'étude des Epidémies, &c. Montp. 1833.

Audouard, F. M. Lettre sur la Contagion de la Fièvre Jaune réponse à I. Ledillot. 1820.

Augustine, A. Observations Epidemii qui ab anno 1747–1757 grassati, &c., Venet. 1758.

Aureliani Cælii, Siccensis, De Morbis acutis et chron. libri VIII. 1755.

Austin, W. The Anatomy of the Pestilence, a poem. Lond. 1666.

Autenrieth, Hermann Friedrich, Ueber das Gift de Fische mit vergleichender Berücksichtigung des Giftes von Muscheln, Käse, Gehirn, Fleisch, Fett und Würsten, so wie der sogenannten mechanischen, Gifte. Tübingen, 1833.

Autrechaux, D'. Relation de la Peste de la ville de Toulon, 1721.

Averrhoes de Peste colligit, lib. vii. cap. 1.

Avila en su libro da Pestilencia.

Aynes, C. Regimen Pestis et Dysenteriae populariter grassantium praeservandae et curandae, 1607.

Baccii, Andr. De Thermis libri VII. Patavii, 1711.

Bailly, V. Rapport, &c. sur la Fièvre Jaune qui a regné au Port du Passage en 1823.

Bajamonti, G. Storia della Peste che regno en Dalmazia, 1783–84–85.

Baker, Sir Richard, A Chronicle of the Kings of England from the time of the Romans Government unto the death of King James. 1665.

Baker, Sir G., M.D. Account of the Influenza in London, 1775. Med. Observ. & Inquir., vol. vi. p. 352. 1784.

Balæi, Joannis, Sudovolcæ, Illustrium Maioris Britanicæ Scriptorum, hoc est, Angliæ, Cambriæ, et Scotiæ, Summarium ad annum 1548.

Baldissoni, Manifesto sulle Febbre di Barcelona dell' anno 1821.

Ballonius, G. Epidemiorum et Ephemeridum libri II. 1840.

Balme, C. Observations et Reflexions sur les causes, les symptomes, et le traitement de la Contagion dans différentes Maladies et spécialement dans la Peste d'Orient et la Fièvre Jaune. Paris, 1822.

Bamford, J. A short Dialogue concerning the Plagues Infection. 1600.

Bancroft, E. N. An Essay on the disease called Yellow Fever, with Observations on Febrile Contagion. 1811.

Barea, Fernandez, Dr. Conversaciones Malaguenos, p. 32.

Barbette, P. Tract. de Peste, cum notis F. Dicheri. 1667.

Bargos, De Peste, p. 16.

Barry, D. On the Gibraltar Epidemic, in Lond. Med. and Physical Journal, vol. lxxv. p. 380 and 476.—*Idem*, vol. lxxvi. p. 91 and 475.—*Idem*, vol. lxxvii. p. 1 and 96.

Bateman, Thomas, M.D. A succinct Account of the Contagious Fever. London, 1818.

Bates, J. Descriptio quorundam Morborum Hungariæ endemiorum. Ultraj. 1775.

Bates, Thomas, An Enchiridion of Fevers incident to Seamen during summer in the Mediterranean. 1709.

Batt, W. Alenni ditagli sulla Febbre Gialla.

Bauhinus, J. Von. Der Peste. 1598.

Bay, W. On the Operation of Pestilential Fluids on the large intestines, termed Dysentery. New York, 1797.

Bayer, Wenceslaus von Elbogen, genannt Cubito—Richtger rathschleg und bericht der ytzzt regierenden Pestilentz soman den Engelischen Schweyss nennet Leyptzigk d. 4 September, 1829. (Im Besitz des Verf.)

Bayrus, P. de. Quæstio nova de Peste. 12mo, 1507.

Bell, G. H. A Treatise on Cholera, Asphyxia, or Epidemic Cholera, as it appeared in Asia and in Europe, 1831.

—, *George Hamilton.* A Treatise on the diseases of the Liver and on Bilious Complaints, &c. 1833.

Bellengin, in British and Foreign Medical Review, Jan. 1838, p. 234; Medico-Chirurgical Review, Jan. 1838, p. 164.

Benedetti, A. Liber de observatione in Pestilentia. 4to, Venice, 1493, and folio, Bologna, 1516.

Bermardus, F. Tract. de Origine et Causis Morborum Pestilentium. 4to, Colon. 1518.

Bermudez, Francisco de Pedraza, Historia Ecclesiastica, p. 190.

Berthi, J. N. Précis Historique de la Maladie dans l'Andalousie, 1802.

Bertrand, J. B. Relation Historique de la Peste de Marseilles en 1720. 12mo, Colon. 1721.

Benza, T. X. Relatio Historica Pestis Austriam aliquando vastantis. 1717.

Beza, T. Tractatus de Peste. 12mo, Lugd. 1565: by Stockwood, 8vo, 1580.

Bianchi, G. F. Lettre delle Febbre maligno. Venez. 1750.

Bigeon, L. F. Instruction sommaire sur la Dyssenterie épidémique Dinan, 1815.

Bindt, J. B. Loimographia sur Historia Pestis contagiosa. 4to, Roma, 1658.

Birnius, L. J. Pestis ad vivum delineata et curata. Leod. 1671.

Blackmore, R. A Discourse on the Plague, with an Account of Malignant Fevers. 1721.

Blanco, Salgado, part iii. p. 11.

Blane, G. Report in Edinburgh Medical and Surgical Journal, vol. iii. p. 385.

Bodei, A. Nuove Ricerche sulla Costituzione epidemica dominante Milan, 1816.

Boecler, J. Recueil des Observations qui ont été faites sur la maladie de Marseilles, 1726.

Bokelius, J. De Peste Hamburgensi. 12mo, Hurricop, 1577.

Bonn, M. Hermann. Lübecksche Chemica, s. l. 1634.

Borchardt, J. S. Kuvza Dorstellung der Cholera. Bul. 1831.

Bose. Programma de Erysipelate Intestinorum. Lips. 1783.

Bournard, Alexander, Essai sur la Fièvre adynamique ou la Gastro-enterite.

Boyle, J. The Epidemic Yellow Fever at Sierra Leone. 1823.

Brasbridge, T. The Poor Man's Jewel, a Treatise on the Pestilence. London, 8vo, 1578.

Brayer, A. Neuf Années à Constantinople, Observations sur la Topogr. de cette capitale; la Peste, les Causes, &c., et la Non-contagion de cette maladie, &c. 2 tomes.

Briere de Borsmont, Relation Historique et Medicale du Cholera Morbus de Pologne, comprenant l'apparition de la maladie, ses progrès, ses symptômes, sous modes de traitement, et les moyens préservatifs. Paris, 1831.

Brookes, R. A History of the most remarkable Pestilential Distempers that have appeared in Europe for 300 years. 1721.

Brown, Robert, Vermischte botanische Schriften, Ins. Deutsche übersetzt und mit Anmerkungen versehen von C. G. Nees von Esenbeck. Schmalkalden, 1825. 2 Bde. 8vo.

Browne, Jos., M.D. Practical Treatise on the Plague and all pestilential Epidemics that have occurred within the last century. 1720.

————— Antidotaria, or a Collection of Antidotes against the Plague. Lond. 1721.

Bruce, A. Inquiry into the Cause of Pestilence, &c. &c. 1759.

Brugner, O. Enarratio novæ destillationis, etc. Barcin. 1562.

Brunswick, H. Liber Pestilentialis Buch der vergift der Pestilenz. folio, Strasb. 1700.

Buffa, F. Fattico Osservazioni sulla Febbre Epidemie petechiale. Fienze, 1819.

Bulard, A. F. De la Peste Orientale d'après les Matériaux recueillies à Alexandrie, au Caire, à Smyrne, et à Constantinople, pendant les années 1833 à 1838.

Bullen, D. B., M.D. Practical Observations on the Epidemic Cholera at Cork, 1832.

Buonagente, V. de. Decem Problemata de Peste. 1566.

Burgos, Alonso de. De Avertenda et Profliganda Peste, p. 16.

Burnett, W. Official Report on Fever of H. M. S. 'Bann,' on the Coast of Africa.

Burserii de Kanilfeld (Joann. Baptist.) Institutionum Medicinæ practicæ quas auditoribus suis prælegebat vol. IV. Recudi cur. J. F. C. Hecker. Lipsiæ, 1826.

Bushnan, S., M.D. On Cholera.

Cabiran, M. Rapport fait à la Société de Médecine sur l'Epidémie connue sous le nom de Grippe. Toulouse, 1806.

Cælii Aureliani, Siccensis, De Morbis Acutis et Chronicis libri VIII. Ed. Jo. Conrad. Amman. Amstelodami, 1755.

Caius, John, A Boke or Counseill against the disease commonly called the Sweate or Sweaytyng Sicknesse, Imprinted at London A.D. 1552.

Caii Johannis, Britanniae. De Canibus Britannicis liber unus; De rariorum Animalium et Stirpium historia, liber unus; De Libris propriis liber unus; De Pronunciatione Græcæ et Latinæ Linguæ, cum scriptione nova, libellus; ad optimorum exemplarium fidem recogniti a S. Jebb, M.D. 1729.

Caldwell, C. Medical and Physical Memoirs, containing a particular inquiry into the origin and nature of the Pestilential Epidemics of the United States of America. Philadelphia, 1801.

Calvert, On the Plague of Malta, 1813.—Medical Transactions of the Medico-Chirurgical Society of London, vol. vi. p. 50.

Camerarius, J. Synopsis quorundam brevium, sed perutilium comment. de Peste clariss. viri Donzellini Ingrassiæ—C. Rancini, et post hoc sui ipsius eadem de Lue scripta, in lucem retulit, &c. 8vo. Nuremb. 1583.

Campo, Antonio, Cremona, fedelissima città et nobilissima colonia de Romani, rappresentata in disegno col. suo contato et illustrata d'una breve historia, &c. Milano, 1645.

Capmani, Compendio historico y cronologico de la Pestes contagios y epidemias, tomo iv. de las Memorias historicas, num. 7. p. 66.

Carta Anteapologetica de Pedro Biosca Casanova, p. 48.

Casai, Dr., en su Historia Natural y Medica del principado de Asturias.

Casiri, en su Biblioteca Arabigo Hispana Escorialense, tomo ii. pp. 71 & 72, p. 334, p. 89.

Castro, R. de. Tractatus brevis de Natura et Causa Pestis quæ anno 1596 Hamburgensem civitatem afflixit. 4to. 1596.

Castro, P. de. Pestis Neapolitana, Romana, et Genuensis, ann. 1656 et 1657, fideli narratione delineata, &c. 12mo, Verona.

—— Bayonatis Febris maligna punctularis aphorismis delin., parte ii. cap. 20, p. 311.

Celsi, Auli Cornelii, De Medicina libri octo, ex recensione Leonardi Targæ. Patavii, 1769.

Cervi del Doet. Elogio Historico, p. 25.

Chenot, A. Tractatus de Peste 1766, et Historia Pestis Transilvaniæ, &c. 1770, 1771. Opus posth. edit.

Chervin. Examen des nouvelles Opinions de M. Lassus concern. la Fièvre Jaune, Paris, 1829; et Examen Critique de prétendues preuves de Contagion de la Fièvre Jaune observée en Espagne.

Chesne, Andre Du, Histoire générale d'Angleterre, d'Ecosse, et d'Irlande. Paris, 1614.

Chiappa, J. Del Saggio d'Istoria sul Catarrho Epidemia. Lucca, 1806.

Chicoyneau, Verney and Soulier, A succinct Account of the Plague of Marseilles.

Chisholm, C. An Essay on the Malignant Pestilential Fever introduced into the West Indies from Bulama in 1793 and 1794. 2 vols.

Choisi, F. Mémoire sur les Maladies Epidémiques qu' occasione le desséchement des Marais. Bordeaux, 1776.

Chollet, Mémoire sur la Peste qui a regné epidémiquement en Constantinople en 1834, et sur la Non-contagion.

Christie, Thos., M.D. An Account of the Ravages of the Small Pox in Ceylon. 1811.

Chunradus, Janus, Historia morbi qui ex castris ad rastra, a rastris ad rastra, &c. anno 1621–23.

Clarke, J. A Treatise on Yellow Fever in Dominica in 1793 and 1796.

Cleghorn, Observations on Diseases of Minorca. 1751.

Clot-Bey, A. B. De la Peste observée en Egypte—Recherches et Considérations sur cette Maladie, 1840.

Coley, W. Account of the Epidemic Ague at Bridgenorth in 1784, with Observations on Dysentery. 1785.

Colmenares, Historia de Segovia, cap. xlvii. p. 590, &c.

Comparetti, And. Riscontri Medici delle Febbri larvate periodiche perniciose. 2 vol. Padova, 1795.

Copland, J. Of the Pestilential Cholera, its nature, prevention, and curative treatment. 1832.

Cordus Euricius, Eyn Regiment vie man sich von den neuen Plage der Englisch Schweiss, Gernannt, berwaren und so, Mandamit ergriffenwird, darenn halten. Marpurg, 1529, 4to. Die zweite Auflage ist bald nach der ersten erschienen und dieser in dem Exemplar der Köngl. Bibl. zu Berlin augebunden.

Cox, Daniel, Observations on the Epidemic Fever of the year 1741.

Cramer, D. Daniel, Das grosse Ponneschi kirchen-chronicon u. s. w. Act. Stetten, 1676.

Crawfurd, R. Practical Observations on Cholera, and on the treatment of the disease. Dublin, 1834.

Cronica del Rey Don Fernando el IV.

Crono-historia de la provincia de Toledo de cada Segunda ano 8, cap. i. sec. 3.

Currie, W. A Treatise on the Synochus Icteroides as it lately appeared in Philadelphia, 1794.

Curriel, Don Felipe, Medico de la universidad de Valladolid, Tratado completo de quartanas, obra curiosa è instructiva, muy útil para los que exercen la Medicina en tenenos pantanoros y otros lugares en donde con edemiens o epidemicas esta fiebres y para todos aquellos que no puedan en dirigidos por facultatiors instruidos: Madrid, por Vegœ y compania, ano 1799, en octavo.

Dalechamps, J. De Peste libri tres; et R. Chalin de Vinaris, Liber de Peste. 1553.

Dalin, Olof. S. vea Rikes Historia. 3, Delen. Stockholm, 1747.

Dalmas, Recherches Historiques et Medicales sur la Fièvre Jaune. 1805.

Dameto, De Peste, p. 39.

Damiani, Tertii, Vissenaci Decicopolitani, Theoricæ Medicinæ totam rem miro compendio complectentes, non modo medicis aut chirurgis, verum et omnibus quibus sanitatis divitiæ cordi

sunt, accommodæ, atque adeo necessariæ; his accessit libellus περὶ τοῦ ἰδρωνούσου tempore quo hoc malum sæviret, ab eodem concinnatus. Antwerpiæ, 1541.

David, Psalm lxxviii.

Davis, On the Fever of Walcheren and its consequences. 1810.

Dawson, G. P. Observations on the Walcheren Diseases. 1810.

Degner, J. H. Historia Medica de Dysenteria bilioso-contagiosa quæ 1736 et 1738, &c.

Delpech, J. Etudes de Cholera Morbus en Angleterre et en Ecosse. Paris, 1832.

Desgenettes, R. Histoire Médicale de l'armée d'Orient. 1802.

Deveze, J. Recherches sur la Maladie Epidémique qui a ravagé Philadelphie en 1793.

Deville, J. J. Mémoires et Observations sur l'Epidémie de Cholera Morbus qui a regné au Bengal pendant l'été de 1818.

Dewar, H., M.D. Observations on Diarrhœa and Dysentery in the Army in Egypt, 1803.

Diccionario Historico de los Mas ilustres profesores de la bellas artes en España cuyo autor saed esta Noticia de Mongaret Guatrei journal abrigé de ce qui s'est peste a Marseilles l'an de la peste 1721, Dand. Bard.

Dickinson, Observations on the Inflammatory Epidemic incidental to Strangers in the West Indies. 1819.

Diego, Don, De Gaviria y Don Juan Isasi e Isasmendi otras vices citado.

Diemerbroeck, I. de. De Peste libri IV. 4to, ann. 1646–1665.

Diodorus Siculus, tom. i. num. 38, p. 360.

Dolleman, M. Disquisitiones historicæ de plerisque apud Belgas Endemicis Morbis. Amst. 1824.

Donato, Refflessioni sulla cagione fisica delle Febbri di mutazione. Napoli, 1802.

Dorado, Historia de Salamanca, cap. 35, p. 214.

Dormer, Reges de Aragon, p. 242, 55, 481, 7, 82.

Dubourgdien, C. V. Commentarii de Peste et Exanthematibus. 1656.

Ehlwart, Ch. Metrica Descriptio Pestis. Colbey, 1650.

Eichelberg, C. A. De Causis Phenomenorum in progressionem morborum epidemiorum. Noviomag. 1776.

Elsacher, P. V. De Febribus continuis biliosis putridis. Antwerp. 1774.

Emery, M.D. Reflexion sur la Fièvre Jaune.

Erasmi, Desiderii, Roterodami, Epistolarum libri XXXI. et Melanchthonis libri IV. &c. Lond. 1624.

Escobar, De Peste, p. 81.

Etiennes, Journ. Des Connaissances Medico-Chirurg. Febry, 1837.

Ezekiel, chap. v. ver. 6, 12, 16, 17.

Fabzar, Robert, The new Chronicles of England and France, named by himself the Concordance of Histories, 1811.

Fallopj, Gabrielis, Opera quæ adhuc extant omnia. Francofurti, 1584.

Fanzano, Lupercis, Anales de Aragon, p. 89, n. 8.

Faulkner, Treatise on the Plague. Lond. 1820.

Fell, Joannes, Rerum Anglicarum Scriptorum veteres. Oxon. 1684.

Fergus, J. F. History and Treatment of Cholera in Vienna in 1831–32.

Fergusson, W. in Medical Transactions of the Medico-Chirurgical Society of London, vol. ii. p. 180. vol. viii. p. 108.

Fernalii, Joannis Ambiani, Universa Medicina, tribus et viginti libris absoluta. Lutetiæ Parisiorum, 1567.

Fernandez, J. Ensayo Analytico sobre la Natura, las Causas, et de las Calenturas Amarillas, 1821.

Ferrara, A. Coup-d'œil sur les Maladies régnantes dans une des îles de la Grèce (Leucadia). Paris, 1827.

Ferraras, Sinopsis Hist. cron, de España, p. 199.

Ferrari, J. R. On the Yellow Fever of Xeres, 1821, in Edinburgh Medical and Surgical Journal, vol. xix. p. 368.

Ficinus, Marsilius, Tractatus de Morbo Epidemico. 1518.

Finke, M. Histoire de l'Epidémie Bilieuse de Tecklenbourg depuis 1776 à 1780, (transl. Latin,) Paris, 1815.

Fodéré, F. E. Leçons sur les Epidémiques et l'Hygiène Publique. 5 tom. Paris, 1824.

Fonseca, Ant. De Epidemia febrili in exercitu reginæ Catharinæ anno 1620–21. Meckl. 1623.

Font, La C. Dissertationes duæ de Veneno Pestilenti. 12mo. Amst. 1671.

Foreign Quarterly Review, art. 'Pestilential Cholera,' Oct. 1831.

Foresti, Petri, Alcmariani, Observationum et Curationum Medicinalium sive Medicinæ theoricæ et practicæ libri XXVIII. Francofurti a M. 1614.

Foville and Parchappe, De la Nature du Siège, &c. du Cholera. Rouen, 1832.

Fracastorii, Hieronymi, Veronensis, Opera. 2 partt. Lugdun. 1591.

Fraci, Eb. P. en su Aragon regno de Christo, tom. ii. p. 7.

Frajoso, en la Glosa de Llajas Viejas, p. 386.

Franco, De Peste, p. 64.

Franck von Wörd. Chronica, Zeyt-buch und Geschychtbibel von aubegyon biss inn diss Gegenwertz. 1531, jar Strassburgh, 1531, fol.

Frank, I. Doctrina Pestis in Praxeos Med. Univers. præcepta, pars i. vol. ii. sec. 1.

Freylas, part ii. cap. i. p. 43.

Fuller, Thomas, M.D. Exanthematalogia, or, an Account of Eruptive Fevers, especially the Measles and Small-Pox. 1730.

Gallup, Jos. A. Sketches of Epidemic Diseases in Vermont up to 1815. Boston, U.S., 1815.

Gallus, A. Fasc. De Peste et Peripneumonia cum sputo sang., Febre Pestilentiali, &c. fol. Brescia, 1565, et 12mo, Francof. 1608.

Garcia, de la Lena, Conversaciones Malaguenos, p. 31 y siguientes.

Garencieres, T. A Discourse concerning the Nature of the Plague, 1665.

Garmerus, G. Ἐπιτομή, &c., de Peste quæ grassata est Venetiis anno 1576, et Brunt. 1582.

Gastaldi, Cardinal, p. 15. De avertenda et profliganda Peste, lib. iii. del Thercer, cap. 1.

——— en su Tratado Politico-Legal. p. 48.

Gastelbondo, J. J. de, Tratado del Metodo curat. Vomito Negro. 1755.

Gazette, en la, de Madrid Del viernes 11 de Setiembre de 1786.

Geach, F., M.D. Some Observations on the present Epidemic Dysentery. Lond. 1781.

Gemma, J. B. De Vera Ratione curandi Bubonis Carbunculisque Pestilentis. 4to, 1549.

Gemma, Cornelius, De Naturæ divinis characterismis, seu raris et admirandis spectaculis, causis, indiciis, proprietatibus rerum, in partibus singulis universi libri II. Antverpiæ, 1575.

Gerardin, M. Mémoires sur la Fièvre Jaune considérée dans le Rapport avec le Gouvernement, 1820.

Gial, Penada, Delle Osservazioni Medico-practico-meteorologiche dall' anno 1786, fin 1790.

Gibson, T. A Treatise to preserve the people from Pestilence. 4to, London, 1536.

Giessler, L. Observationes Medicæ de Peste Brusvicensi anno 1657.

Gil, Francisco, Modo de precaver las Viruelas, p. 2.

Gilbert, N. P. Mémoire sur la Fièvre Jaune. 1803.

Gilchrist, John, De Febre anomala inter Dumfriesiensis Epidemica. 1774.

Gins Passeri. Della peste col ragguaglio della peste di Tunisi negli anni 1818–1820. Fucig, 1821.

Glisente, Ant. Il Sommario delle cause che disprongono i corpi degli uomini a patire la correttiva pestilenta ver 1576.

Gockel, E. Enchiridion de Peste. 1669.

Godwyn, Francis, (Bishop of Hereford,) *Annals of England*, containing the reigns of Henry VIII., Edward VI., Queen Maria, Englished, corrected and enlarged by Morgan Godwyn. London, 1675.

Gollwald, J. *Memoriale Loimicum de Peste Dant.* ann. 1609.

Gonzales, P. M. *Disertacion Medica sobre la Calentura que regno en Cadiz*, 1801.

Goodwin, R. *An Historical Account of the Plague.* 1743.

Goodskall, J. *King's Medicine for the Plague.* 1604.

Graberg di Hemso. *Lettera al Signore Grossi sulla Peste de Tanjere negli anni 1818–19.*

Grafton's Chronicle, or *History of England*, from the year 1189 to 1558. In 2 vols. London, 1809.

Granero, Don Felix, *Medico de Solana*, p. 114.

Grant, W., M.D. *Essay on the Pestilential Fever of Sydenham.* 1775.

Gastarola, G. *Pestis Descriptio.* 1555.

*Gratiolo, Andrea—di Salo—**Discorso de Peste*, nel quale si contengono utilissime speculazioni intorno alia natura cagioni curazione della peste con un catalogo di tutte le peste piu notabili dei tempi passati—Venezia, 1546.

Grataroli, Guilielmi, *Collectio. Der vollständige Titel dieser sonderbar zusammengewürfelten Sammlung ist: Clarissimi philosophi et medici Petri de Abano de Venenis eorumque Remediis. Item Consilium de Præservatione a Venenis D. Guilielmi Grataroli. Item Generosi Hermanni a Nuenare Comititis περί τοῦ ἰδρῶ πυρετοῦ, id est, sudatoria febris. Item Curatio Sudoris Anglici in Germanica experta. Item Joachimi Schilleri de Peste Britanica Commentariolus aureus.—Omnia Opera D. Guilielmi Grataroli, ex manuscriptis exemplaribus collata, aucta, atque illustrata.* 8vo.

Gray, W. H. C. *Dysenteria Serosa, or Convulsive Nervous Cholera of Hindostan; its progress from Asia, 1817, to England in 1831, and its Remedy*, 1832.

Greenhow, T. M. *Cholera as it appeared in the Towns of Newcastle and Gateshead, with cases illustrative of its pathology, &c.* 1832.

Gregor, M^c. J. *Medical Sketches of the Expedition to Egypt*, 1803.

Gremm, F. K. *Sandschreiben an Haller von der epidemic zu eissenach.* Hildb. 1768.

Gruber, L. *De Febre Acuta Epidemica exanthematico-dysenterica.* 1747.

Gruner, Christianus Gottfridus, *Itinerarium Sudoris Anglici ex actis designatum.* Jenæ, 1805.

Guyon, M. *On the Origin of the Gibraltar Epidemic.—Journal complem. des Sc. Med.* Sept. 1830.

Hacu, De. In *Rut. Med.* part xiv. sect. ii. 1770.

Haen, Antonio, tomo ix. p. 154.

Haftitz, Peter. *Microchronologicum Marchicum, das ist ein kurtz Zeitbüchlein u.s.w.* Handschrift Berliner Königl. Bibl. MS. boruss. fol. 23.

Hall's Chronicle, containing the History of England during the reign of Henry IV. and the succeeding Monarchs to the end of the reign of Henry VIII. London, 1809.

Haller, Alberto, tomo i, p. 402, en su Biblioteca Medica.

Halloran, O. T. Remarks on the Yellow Fever of the south-east coasts of Spain.

Hamet, J. Official Reports on the Cholera at Dantzick, 1832.

Hancock, J. Researches into the Laws and Phenomena of Pestilence, including a Medical Sketch and Review of the Plague of London in 1665. Lond. 1821.

Hantiens, B. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia, 1831.

Haræi, Francisci, Annales Ducum seu Principum Brabantiae totiusque Belgii. Tomi III. Antverpiæ, 1623.

Hargrove, G. An Account of the Islands of Walcheren, &c., the Climate, Causes of Disease, &c. 1812.

Hartmann, Petrus Immanuel, De Sudore unius Lateris Diss. Halæ, 1751.

Harty, W., M.D. Historical Sketch of the Epidemic Fever of Ireland during 1817 and 1819. Dubl. 1820.

Heastie, A. Treatise on the Nature and Causes of the Yellow Fever.

Hecker, J. F. C. The Epidemics of the Middle Ages; translated by B.C. Babington. 8vo, Lond. 1844.

Hellwetter, Johann. Vor die Engelse kranckheyt die Schwersssucht genandt ein Regiment Leiptzick.

Helmont, Van. Tumulus Pestis. 4to, Amst. 1648.

Henley, W. Loimologia Sacra.

Hennen, J. Sketches of the Medical Topography of the Mediterranean, &c. 1830.

Herbert, of Cherbury, Lord Edward. The Life and Raigne of King Henry the Eighth. London, 1649.

Herdman, J., M.D. A Plain Discourse on the Causes of Influenza. 1803.

Hermanni Contracti Chronicon, ex inedito hucusque codice Augiensi, etc. ed. Æmilian. Usurmann. 1790. Magni Hippocratis Coaca præsagia, etc. cum interpretatione et commentariis Jacobi Hollerii Stempiani, nunc primum Desiderii Jacotii Vandoperani opera in lucem editis. Lugduni, 1576.

Heyden, Herm. Van der. Discours sur les Flux de ventre et sur la trousse galante dict. Cholera Morbus. 1643.

Hildenbrand, V. N. ab. Institutiones Practico-Medicæ, tom. iv. p. 480.

Hippocrates, The History of Epidemics, (translated by S. Farr, M.D.) 1780.

Hird, W. Remarks on Pestilence and Pestilential Diseases, 1753.

Hodges, N. Λοιμολογία, sive Pestis nuper apud populum Londinensis grassantis Narratio Historica, 1672.

Hoffmann, F. De Purpuræ genuinæ Origine, &c. 1728. *Idem*, Dissertatio de Choiera Morbo, 1767.

Holinshed's Chronicles of England, Scotland, and Ireland. 6 vols. 1808.

Holliday, J. Tratado sobre la Fiebre Amarilla, 1794.

Hopfengärtner, P. F. Bey träge zur theorie der Epidemischen krankheiten. Stuttg. 1794.

Hosper, M., M.D. Die Epidemische Cholera. Leipsic, 1831.

Hossack, David, Essays on various Subjects of Medical Science, 2 vols.—vol. i. p. 253.

Houllier, J. De Morbi Curatione, de Febribus, de Peste, &c. 1565.

Huber, J. J. Observationes circa Morbos Epidemios. Cassellis, 1755.

Hufeland, C. W. Praktische handbuch der Fieber (ozst der pakt herlkunde). Jena, 1819.

V. Humboldt, Frederick Alexander, Versuche über die Gereizte Muskel-und Nervenfasern, nebst Vermuthungen über den chemischen Process des Lebens in der Thier-und Pflanzenwelt. 2 Bde., Berlin, 1797.

Hunter, J., M.D. Observations on the Diseases of the Army in Jamaica. Lond. 1796.

Huxham, J., M.D. Observationes de Aere et Morbis Epidemicis. 1739.

Ibanez, Fel. Topographia Hippocratica, o Descripcion de las Epidemias en la provincia de la Alcaria, 1792.

——— Discorso preliminar. p. 15, de la Epidem. Alcaria.

Ingram, D. An Historical Account of the several Plagues since 1346.

Ingrassias, J. P. Informazione del Pestifero e Contagioso morbo, il quale afflige ed ha afflitto la citta de Palerme e moltre ultre citta e terre del regno di Sicilia nell' anni 1575 et 1576.

Irvine, W., M.D. Some Observations on the Diseases of Sicily. 1810.

Isaiah, chap. xxxvii.

Jackson, S. H. Observations &c. on the Epidemic Disease which lately prevailed at Gibraltar. 1806.

Jackson, R. Remarks on the Yellow Fever of the South of Spain since the year 1800.

Jeremiah, chap. xxi. ver. 6; chap. xiv.

Johnson, C., M.D. Councell against the Plague. Lond. 1577.

Johnstone, J., M.D. Historical Dissertation concerning the malignant Epidemial Fever, 1756.

Jordani, Thomæ, Pestis Phænomena, seu de iis quæ circa febrem pestilentem apparent Exercitatio. Francofurti, 1576.

Joubert, L. De Peste liber, &c. 12mo, Lyon, 1566.

Jovii, Pauli, Novocomensis, Episcopi Nucerini, Historiarum sui temporis Tomi II. Basil. 1567.

Jusch & Zuberbushlen. De Febre catarrhali Epidemic. (Hall Dod. M. V.)

Keil, And. Λοιμογραφία, oder beschreibung der pest, &c. &c. Cill, 1687.

Kemp, W. A Treatise on the Nature, Causes, Signs, and Cure of the Pestilence, 1665.

Kennedy, P., M.D. Account of a contagious Fever at Aylesbury, 1785.

Kennedy, J. M. S., M.D. A Lecture on Cholera at Ashby-de-la-Zouch, 1832.

Kephale, Richard, Medela Pestilentiae, &c. London, 1665.

Kerandren, De la Fièvre Jaune observ. aux Antilles et sur les Vaisseaux du Roi considérée princip. sans la Rapport de sa Transmission, 1823.

Kircheri, Athanasii, Scrutinium physico-medicum contagiosæ luis quæ dicitur Pestis, ed. Chr. Lange. Lipsiæ, 1671.

Kirchring Gottschalck und Müller Gottschalck. Compendium Chronicæ Lubecensis, oder Auszug und historischer Kern Lübischer Chronicken; aus verschiedenen Authoribus, als Alb. Crantio, Herm. Bonno, Chytreo, Reimaro, Kock, Reckmann, Helmoldo, Rehbeen, Angelo Peterson, u.s.w. Zusammengetragen. Hamburg, 1678.

Klemzen Nicolaus Vom Pommer-Lande und dessen Fürsten Geschlecht. Beschreibung, in vier Büchern, nach einer alten Handschrift heraus gegeben. Stralsund, 1771.

Knoblauch, A. W. Epidemion, oder jahrbuch für epidemien, endemien, &c. Leips. 1815.

Lachaise, sur la Peste en Egypte dans Ballet, de l'Acad. Roy. de Med. tom. i. p. 154.

Lafriente, T. De la Preservacion, &c. de la Fièvre Amarilla, 1803.

Lajuna, Andres, De Peste, p. 14.

Lampriere, J. De, Traité de la Peste et de ses Causes. 8vo, Rouen, 1620.

Landi, B. De Origine et Causa Pestis Patavinæ, 1555.

Langier, E., M.D. L'Art de faire cesser la Peste, &c. Paris, 1784.

Larrey, J. Mémoire sur la Peste, &c. dans Mém. de Chirurg. Milit. tom. i. p. 316.

Larrey, Baron, A Treatise on Cholera, (translated by H. Paterson,) 1831.

Lemnii Levini, Medici Zirizœi, De Habitu et Constitutione Corporis quam Græci κρᾶσις, triviales Complexionem vocant, libri II. Jenæ, 1587.

Lentilius, Rosinus, Eleodromus, medico-practicus, 1711.

Leoblond, J. B. Observations sur la Fièvre Jaune et sur les Maladies de Tropiques. Paris, 1805.

Lepecey, de la Cloture L. Collections d'Observations sur les Maladies Epidémiques années 1763 à 1770, et 1771 à 1773. Rouen, 1778.

Leviticus, chap. xiii.

Leyva, en su Prologo sobre la Peste Cadiz, lib. vi. cap. 19.

Lichtenstadt, J. R., M.D. Die Asiatische Cholera in Russland, in 1829–1831.

Lilie, Geo. Chronicon, sive brevis Enumeratio Regum et Principum, in quos variante fortuna Britanniae imperium diversis temporibus translatus. Francofurti, 1565. Abgedruckt bei Jo. Gualterus, Chronicon chronicorum politicum. Francofurti, 1614, 8vo, welche Ausgabe hier benutzt ist.

Lobb, T. Letters concerning the Plague. 1745.

Lodge, T. A Treatise on the Plague. Lond. 1603.

Lorite, Disertacion Medico-legal sobre la Lepra, p. 193.

Louis, P. C. A. Anatomical, Pathological, and Therapeutic Researches on the Yellow Fever of Gibraltar.

Louis de Toro, en su Tratado de Febre Punctulari, p. 26 y 27.

Lyonet, R. Loimographia, seu reconditarum Pestis Causarum curiosa Disquisitio. 8vo, 1639.

Macculloch, John, M.D. An Essay on remittent and intermittent Diseases.

Mackenzie, M. Letters concerning the Plague at Constantinople, in the Philosophical Transactions for the year 1752, pp. 384, 514,—for 1764, p. 69.

Mackittrick, J., in Balding's Syllog. Select. Opusc. vol. i. p. 87.

M^c Lean, C. A Dissertation on the source of Epidemic and Pestilential Diseases, 2nd edit. Lond. 1800.

Manningham, R. A Discourse concerning the Plague and Pestilential Fevers. 1758.

Maria, de A. Memoria sobre la Epidemia de Andalusiae de 1800 hasta 1819.

Mariana, lib. ii. cap. 2, 3, 4, and 13; cap. 6; cap. 10; lib. iii. cap. 3; cap. 2; cap. 6; lib. iv. cap. 28 and 44; lib. v. cap. 8.

Martinez de Leyva, De Peste, p. 12.

Martiniani, Palermo, Dissertazione sopra l'Origine delle Malattie Epidemiche e Contagiose. Napoli, 1782.

Marton, P. Historica del Monastino de Santa Engracia, p. 637.

Marsolier, de, Histoire de Henry VII. Roy d'Angleterre surnommé le Sage, et le Solomon d'Angleterre. Paris, 1700.

Masdevall, J. Relacion de las Epidemias, des Calenturas Putridas y Malignas en Cataluna, 1797.

Massa, Nicolai. De Febre Pestilentiali, Petechiis, Variolis, et Apostematibus Pestilentialibus, eorundem Curatione, &c. Venice, 1536–1556.

— Veneti, Liber de Febre Pestilentiali ac de Petechiis, Morbillis, Variolis, et Apostematibus Pestilentialibus, ac eorundem omnium Curatione, etc. Venetiis, 1556.

Massaria, A. De Peste, lib. II. 4to, Venice, 1579.

Messer, H. Henricus J. F. De Cholera Morbo. 1740.

Matthai, C. C. Untersuchung über das gelbe Fieber.

Matthew, chap. xxiv.

Masdeu, tom. iii. p. 112, 113; tom. iv. num. 203, 256–257, &c.

Mead, Tratado de Peste, p. 514 y 515.

Melchor de Villena, p. 19, 23, 113.

Melgrado et Rey Don Alonso Dorado, Historia de Salamanca, cap. 35, p. 215.

Meltzer, F. L. Beschreibung der Pest, 1770–2, in Moscau. 1776.

Mémoires de Messire Philip de Comines où l'on trouve l'histoire des Rois de France Louis XI. et Charles VIII. 4 vols. 1747.

Memorial la Académia Gatitana literario del mas de Diciembre, p. 481, an. 1786.

Memorias Academicas de Sevilla, p. 269 y 278.

Menckenii, Joannis Burchardi, Scriptores rerum Germanicarum, præsertim Saxonicarum, 3 voll. Lipsiæ, 1728–30, fol.

Mendez de Silvas, Catalogo Real y Genealogico, p. 79.

Mercurialis, J. De Pestilentia in universum, præsertim de Veneta et Patavina. 4to, Venet. 1577, et 4to, Leyd. 1601.

Merriman, W. Transactions of the Medical and Chirurgical Society, vol. xxvii. p. 405.

Merteus, Carlos, De Peste, tom. ii. part ii. cap. 1.

Mezeray, Comte de, Histoire de France. 3 voll. Paris, 1685.

Millar, John, On the prevailing Diseases of Great Britain. 1770.

Minderer, J. M. Comment. de Peste, eique Medendi Methodo in ratione et experimenta fundata. 1789.

Mohedanos, Hist. Lit. de España, tom. iii. lib. vii. p. 225.

Moir, D. M. Practical Observations on Malignant Cholera. 1832.

Moore, James, The History of the Small-Pox. 1815.

Morales, lib. vii. cap. 41; lib. viii. cap. 2; cap. 8, 27, 28, 29.

Morea, V. Storia della Peste de Noja. 8vo. Napl. 1817.

Moreau, A. de Jonnés, Nosographie Historique et Médicale de la Fièvre Jaune des Antilles, et Recherches sur les Lois du developement et de la propagation de cette.

Mori, Thomæ, Opera Omnia. Francofurti a. M. et Lipsiæ, 1689.

Mosely, B., M.D. Treatise on Tropical Diseases. 1788.

Most, G. F. Influenza Europæa, &c. Hamb. 1820.

Müller, Beschreibung der Epidemie. 1782, Giess.

Mut, D. Vincente, Hist. del Reyno de Mallorca, desde la p. 345, hasta 348.

Nacquart, Dict. des Sc. Méd. (art. Epidémie,) tom. xii. Paris, 1815.

Napple, P. F. Essai sur les Fièvres rémittentes et intermittentes. Paris, 1828.

Naremann, M. E. A. Handbuch der Medici.

Navarrette, Fernandez, en su Paralitica Epistola, p. 66, Miner. 106, p. 64.

Nebrija, de Antonio, fol. 12, tradato 4, cap. 2, lib. i. numb. 5.

Nischen, Klinik, b. iii. Abst. 1, p. 321.

Numbers, chap. xi. ver. 33.

Nuñez, Duarte, p. 10, del garrotillo.

— de accosta Epidemia del puerto de Santa Maria, p. 9.

Ocampo, Florian de, tom. i. lib. ii. cap. 45; lib. iii. cap. 13, 14; lib. xiii. cap. 18, 24, 45; lib. iv. cap. 6; lib. v. cap. 22–24.

Oddis, O. de, De Peste et Pestiferorum Adfectuum omnium Causis, Signis, Præcautione, et Curatione, libri IV. 4to, Venet. 1570.

Omodei, Annibale, Del governo politico medico del Morbo Petechiale, etc. Milano, 1822.

Orgavide, D', Dello Vomito Negro, 1801.

Orræus, G. Descriptio Pestis quæ anno 1778 in Jassia, et 1771 in Moscau grassata est. Peters. 1784.

Ortiz, p. 143 y 144, 174, en su Epidemia de Pamplona.

Osorii, Hieronymi, Lusitani Silvensis, in Algarbiis Episcopi, de Rebus Emmanuelis, regis Lusitaniæ, gestis libri XII. Colonia Agrippinæ, 1576.

Orton, R. An Essay on the Epidemic Cholera of India. 1820.

Ozaman, Histoire Médicale des Mal. Epidémiques, tom. v.

Palloni, Observatt. Médicales sur la Fièvre Jaune regnante en Levoine, 1800.

Palmarius, J. De Morbis Contagiosis, libri VII. Paris, 1577.

Papon, J. P. De la Peste, ou Epoques mémorables de ce Fléau. 2 tomes, 1800.

Paré, Ambroise, Œuvres, 7ième edition, Paris, 1614.

Pariset, Mémoire sur les Causes le Peste et sur les Moyens de la détruire. Paris, 1837.

Parkin, J. Mémoire sur le Traitement curatif de Cholera Epidémique. Montp. 1835.

Pasqual, Juan Miguel el, en Tratado de Febre Pestilente, lib. ii. cap. 9, p. 245, 238, y 242.

Pasquier, Estienne, Les Recherches de la France. 1565.

Patinius, B. De Venenis sive Morbis Pestilentialibus. 8vo. Bry, 1572.

Paulet, J. J. Mémoire pour servir de Suite à la Histoire de la Petite Vérole. 1768.

Penada, Giac. Saggio d'Osservazioni e memoire. Padua, 1793.

Penneck, H., M.D. An Essay on the Indian Pestilence. 1831.

Pepe, Ant. Il Medico-Clinico, o Dissertazione sulla Costituzione catanale nell' anno 1767. Nap. 1768.

Pereira, L. de Beinterna. Loimologia, sive Historia Constitut. Pestil. ann. 1708, 1709, 10, 11, et 13, &c.

Perez, A. Tratado de la Peste y sas Causas. 8vo, 1598.

Petri, Martyris Anglerii Mediolanensis, De Orbe Novo decades octo, labore et industria Rich. Hakluyti, Oxoniens. Paris, 1587.

Petit, Le Jean François, La grande Chronique ancienne et moderne de Hollande, Zelande, Ovest-Frise, Utrecht, Frise, Overysse et Groeningue, jusqu' à la fin de l'an 1600. Dordrecht, 1601, 2 voll.

Pilgram, Antonii, Calendarium Chronologicum Medii potissimum Ævi monumentis accommodatum. Viennæ, 1781.

Piqisier, Andres, Dr. escribio una Disertacion en forma de Carta sobre la Epidemia en Valencia en los anos 36 y 38, citada en la pagina 263 de sus Obras Postumas.

Pisanelli, B. Discorso sopra la Peste. 4to. Roma, 1572.

Pliny, lib. xxvi. cap. 29.

Politheismo Ilustrado, p. 125.

Pomarius, M. Johannes, Chronika de Sachsen und Nidersachsen. Wittenbergk. 1589.

Pontani, Johannis Isaaci, Historiæ Gelricæ libri XIV. Hardervici Gelrorum, 1639.

Porla, L. Memoria sulla Petechia. Lodi, 1817.

Potel, G. Discours des Mal. Epidémiques ou contagieuses advenues à Paris en 1596, 1597, 1606, et 1607, comme aussi en 1619. Paris, 1623.

Pringle, J. Rational Inquiry into the Nature of the Plague. 1722.

Progetto, B. Sull' Origine, Natura, e Carattere della Peste dei Contagie e della Febbre Gialle. 8vo. Lucca, 1804.

Pross, Rapport à l'Acad. Roy. de Médecin sur la Peste et les Quarantaines fait au nom d'une commission, &c. Paris, 1846.

Pucinotti, Fr. Commentario della Periodicità nelle Febbri, 1826.

Pugnet, J. F. X. Mémoire sur les Fièvres de mauvais caractère du Levant et des Antilles. Paris, 1804.

Pye, G. Two Discourses on the Plague. 1721.

Quales funero Medico Hollandes, p. 262.

Quatroux, J. J. Traité de la Peste, de la Difference de la Pouppe, la Petite Vérole, et la Peste. 1671.

Radicofani, F. M. Trattado delle Febri maligne. Perug. 1772.

Raguoglio, Tadino Aless. Dell' origine della gran Peste contagiosa nella citta de Milano dall' anno 1629, sino all' anno 1632.

Ramazzini, B. De Peste Viennec. Vide Opera.

Rapport sur le Cholera dans Paris et le département de la Seine en 1832. Paris, 1834.

Rayer, P. Histoire de l'Epidémie de suette-milliaire, qui a regné en 1821 dans les départemens de l'Oise et de Seine-et-Oise. Paris, 1822, 8vo.

Raymond, M. El nuevo Historiada de la Elefancia, p. 93, 94. num. v.

Raynaud, F., M.D. Traité des Fièvres malignes et pourprées. Bruxelles, 1695.

Reider, Von, J. N. E. Abhandlung über das Gelbe Fieber. Wien, 1828.

Reports of the Epidemic Cholera which has raged throughout Hindostan and the Peninsula of India since 1817. Published by the authority of Government.

Revelations, chap. vi. ver. 6 and 8.

Richter, de, G. M. Geschichte der Medicin en Russland, &c. Moscou, 1813.

Rimati, G. De' mali che Epidermiamente regnarono nella citta di Novaro durante l'anno. Milan, 1817.

Ripermonti, Libri V. de Peste quæ fuit ann. 1630 urbi Mediolanensi. 4to, Milan, 1631.

Robert, L. J. M. Guide sanitaire des Gouvernemens Européens, ou nouvelles Recherches sur la Fièvre Jaune et le Cholera Morbus, &c. Paris, 1826.

Robertson, Rob., M.D. Observations on Fevers from Marsh Miasmata. 4 vols. 1807.

Robledo, Tratado noveno de Cirurgia, cap. 4.

Rodon, pag. 167, De Epidem. Contagena.

Rodrigo, Don, Archbishop, lib. viii. cap. 13 and 14.

Romay, T. Dissertacion sobre la Fièvre Amarilla. 4to, Habana, 1791.

Rondinelli, F. Relazione nel Contagio stato in Firenze l'anno 1630 et 1633.

Rosa, Mich. Scheda ad Catarrhum quem Rossum nominant. Modena, 1782.

Rossi, L. L. Delle Febbre perniciose. Milano 1824.

Rota, M. A. De Peste Veneta 1630.

Rouchoux, J. A. Recherches sur la Fièvre Jaune.

Rubini, P. Refflessioni sulle Febbri chiamete gialle. Parma, 1805.

Ruiz, Diaz de Isca. Como el mismo lo confiesa, p. 3.

Rush, Benj. Inquiry into the late Epidemic Fever at Philadelphia. 1793.

Russell, P. A Treatise on the Plague, containing an account of the Plague at Aleppo, 1791.

Saillant, Tableau historique des Epidémies catarrhales dîtes la Grippe depuis 1510–1780. Paris, 1780.

Salamanca, J. M. Observaciones sobre el Contagion de la Fiebre Amarilla, 1821.

Salgado, Diaz, en la Introduccion Bocangelino de Peste.

Salgado, Blanco, Introduccion a la Pesta de Malaga.

Samuel, book I. chap. v. ver. 6 and 12; book II. chap. xxiv.

Samoilowitz, Mémoire sur la Peste qui en 1771 ravagie l'empire de Russie surtout Moscou, &c. 1783.

Sanchez, Ribiero, cap. 24. p. 247.

Sandoval, Don Fray Prudencio de. Historia de la vida y hichos del Eperador Carlos V. 2 Part. En Pamplona, 1618.

Sardo, Por Informacion y Curacion de la Peste Saragossa, 1565.

Sareone, M. Istoria ragionata de' Mali osservati in Napoli. 2 vols. 1765.

Sarmiento, en su Dictamen sobre la Mesta.

Sartina, M. Constitutiones epidemicæ per Casulanum agrum grassata. 1787, 1788.

Sauvages, Nosologie methodique, tom. ii. p. 511. Practica racional de Medicine, tom. iv. p. 372.

Savaresi, Mémoire sur la Peste, &c. dans son Recueil des Mémoires Physiques et Médicaux sur l'Egypte, 1802.

Saveresy, A. M. T. De la Fièvre Jaune en général et particulièrement de cette qui a regné à la Martinique en 1803 et 1804.

Scarborough, C. Practical Method for the Cure of the Plague in 1665. 1722.

Schanfonsky, Athan. Beschreibung der 1770–72 a Moscau herrschenden seuche. Moscau, 1776.

Schenchios y Hoffman, p. 249 y 25.

Schillerus, J. De Peste Britannica Comment. Basil. 1530.

Schmidt, Tobias, Chronica Cygnea, oder Beschreibung der Stadt Zwickau, u. s. w. 1656.

Schnurrer, F. Geographische Nosologie, oder die lehre von den veränderung der Krankheiten in die verschiedenen gegenden der erde. Stuttg. 1813.

Schoenberg, J. J. A. Ueber die Pest zu Noja in den jahren 1815 und 1816. Nüremb. 1818.

Schotte, J. P. A Treatise on Synochus, which raged at Senegal in 1778.

Schrand, de, F. 8vo, Bude, 1799.

Schreiber, J. F. De Peste quæ annis 1738–39 in Ukrania grassata est. Petr. 1741.

Sedillot, J. Notice sur la Fièvre Jaune, la Peste, et le Typhus, considérés comme non-contagieux. 1820.

Selle, Dr. Médecine Clinique, tom. i. p. 38 et suivant.

Senertus, lib. v. part i. cap. 40.

Sengerisse, J. S. Dissertation sur le Cholera Morbus. 1803.

Sennertus, D., M.D. De Febribus et Dysenteria.

Serrano, Gonzalo Antonio, Apolog. Med. Pract. sobre la Epidemia de Bajalance, p. 7 and 43.

Sick, G. F. Kritische beleuchtung der Europaeischen pestkrankheiten fremden ursprungs. Leips. 1822.

Sims, Jas., M.D. Observations on Epidemic Disorders. 1773.

Shaugnessy, O. W. B., M.D. Report on the Chemical Pathology of Cholera. 1832.

Short, Thomas, A general Chronological History of the Air, Weather, Seasons, Meteors, &c., in sundry places and different times, more particularly for the space of 250 years. 1749.

Smyth, J. C., M.D. A Description of the Jail Fever or Distemper at Winchester in 1780.

Spengholz, And. B. Von der grausamen Seuche der Pestilenz. 1639.

Stainhowel, H. Regiment der Pestilenz. 4to, Ulm. 1482.

Stoeckel, M. Ammerkungen bey der Pest die ann. 1709.

Stow, John, The Annales of England, faithfully collected out of the most authentick Authors, Records, and other Monuments of Antiquitie, from the first inhabitation untill this present year 1592. London, 4to.

Strother, Ed., M.D. Practical Observations on the Epidemical Fever. 1729.

Succession Real de Espana, tom. i. p. 903; tom. ii. p. 59, 309.

Swieten, Van G. Constitutiones Epidemicæ et Morbi Lugduni Batavorum observati. Vind. 1782.

Sydenham, T. Feb. Pest. et Pestis ann. 1665–66. Opera Medica, sec. ii. cap. 2.

Terrion, L. Essai sur l'Erysipile dans les Fièvres adynamiques, p. 1807.

Thuani, Jacobi Augusti (De Thou). Historiarum sui temporis volumina IV. Offenbachii et Ysemburgi, 1609.

Timon, E. De Peste Constantinople grassanti; in Philos. Transact. anno 1720, p. 14.

Tissot, S. A.D. Lettre à Zimmerman sur l'Epidémie courante. 1765.

Tomassini, G. Sulla Febre de Livorno dell' anno 1804.

Townsend, P. S. An Account of the Yellow Fever as it prevailed at New York in 1822.

Tralles, Balth Lud. Historia Cholerae atrocissimæ quam sustinuit ipse 1753.

Triller, D. W. De Carbone Pestilenti Epistolæ. 4to, Vratisl. 1736.

Tully, J. D. The History of the Plague as it lately appeared in the Islands of Malta, Gozzo, Corfu, &c. 1821.

Turriano, O. Memoria Historica del Contagio della citta de Messina dell' anno 1743, 1744.

Ubilis, tomo ii. cap. 27.

Vaidy, Des Sciences Médicales, art. 'Pest.' tom. xli.

Valcarcel, Disputa Epidemica, p. 37.

Vandorpe, M. Essai sur la Dyssenterie qui a regné en Flandres, 1755.

Vater a Vogel, J. G. De Dysenteria Epidemica Maligna.

Vaughan, W., M.D. An Account of Cholera and Cholera Fever at Rochester in 1818.

Veanselas, Efemirides Medicas Madrid, 1737. Appendix a la los Anales de Sevilla.

Venables, R., M.D. The Nature and Treatment of Epidemic Cholera.

Viages, De Morales a la ciudad de Valladolid, tomo x. p. 14.

Viauld, J. B. Essai sur le Constitution de l'an XII. et sur les Epidém. Catarrhales. Paris, 1803.

Villalba, Joaq. Epidemiologia Espanola o Historia Cronologica de la Pestes y Contagios que se han padicido en Espana. 2 vols. 1802.

Vochs, De Pestilentia anni presentis ejusque Cura. 8vo, Magd. 1507.

Wadschmidt, W. U. De Peste Holsatica, in Halleri Disput. Med. vol. v. p. 547.

Wagenaar, Jan. Amsterdam in zyne opkomst aanwas Geschiedenissen, voorregten, koophandel, &c., beschreeven Amsterdam, 1760–65. 8 Bände, 8vo.

Warren, H. Treatise concerning the Malignant Fever of Barbadoes. 1740.

Webster, Noah, A Brief History of Epidemical and Pestilential Diseases. 2 vols. 1800.

Webster, J., M.D. An Essay on the Epidemic Cholera.

Wedekind, G. F. von. Ueber die Cholera von Allgemeinem und die Asiatische Cholera insbesondere. Frankfurt-um-Main, 1831.

Werlich, Engelbert. Chronica der wertbemempten Keyserlichen freyen, und dess H. Reichs Statt Augspurg (Nach. Maix Welser). Franckfurt a M. 1595.

Werlosching, J. B. a Parenbergh, Loimologia, seu Hist. Pestis quæ ab anno 1708 ad 1713 inclusiv. Transylvaniam, Austriam, Hungariam, &c.

Wilson, R. History of British Expedition to Egypt, 1803.

Wilson, J. Memoirs of West Indian Fever.

Wood, Anton. Historia et Antiquitates Universitatis Oxoniensis. 2 tom. Oxon. 1674.

Wurstisen, Christian. Bassler Chronick. Barcl. 1580.

Young, H. Remarks on the Cholera Morbus, its Symptoms, Causes, Treatment, &c. 1831.

Yule, J., M.D. Observations on the Contagious Fever now prevalent in Edinburgh, 1818.

Zacuto, De Hist. Princip. Medic. lib. IV. fol. 724.

Zurita, Geronimo, en sus Anales de Aragon y en al lugar que expressa la cita puesta mas abaxo habla de este sitio de Pomblin cuya precisa situacion no sobre determinar por ahora.

КОНЕЦ.

ССЫЛКИ:

[1] Чудотворный колокол Велильи, маленькой деревушки в Арагоне, в девяти лигах от Сарагоссы, примерно в это время (смерть Фердинанда Арагонского) дал один из тех пророческих звонов, которые всегда предвещают стране великое бедствие. Сторона, с которой падали удары, обозначала квартал, где должно было произойти несчастье. Его звук, говорит доктор Дормер, вызвал ужас и раскаяние, а также мрачный "страх перемен" в сердцах всех, кто его услышал. Ни одна рука не была достаточно сильна, чтобы остановить его в таких случаях, как выяснилось, к своей цене, те, кто пытался это сделать. В двадцатый и последний раз его зловещий голос прозвучал в марте 1679 года. Поскольку за этим не последовало никаких важных событий, он, вероятно, прозвучал на собственных похоронах. См. назидательную историю д-ра Диего Дормера о чудесной силе и действии этого знаменитого колокола, подтвержденную множеством свидетелей. Prescott's 'History of Ferdinand and Isabella'.

[2] Термин "чума" или "мор", используемый здесь, в общем смысле означает все виды бедствий; еврейское "дебер", которое правильно означает "чума", используется в еврейском языке, как и в большинстве других, для выражения всех видов эпидемических заболеваний.

[3] Некоторое время назад в угольный разрез Лингс, принадлежащий Угольной компании Вингерворта, было отправлено несколько фаготов, чтобы засыпать пропасть над лесом, где провалилась крыша. В отверстие небрежно бросили ветку боярышника, которая сейчас всю цветет и распускает листья. Ночью ветку вынесли на улицу, но через несколько часов после того, как она оказалась на свежем воздухе, листья и цветки начали вянуть. Часть терна до сих пор находится в яме, в 500 ярдах от дна шахты, в здоровом растущем состоянии; вся разница между терном, растущим на вершине земли, и тем, который был назван выше, заключается в том, что лист совершенно белый, а цветок без запаха".

[4] Один писатель каламбурно замечает, что "несмотря на наше национальное положение и господство над водной стихией, на которое мы, естественно, претендуем и которым можем похвастаться, среди нас все еще преобладает гидрофобия".

[5] 31 декабря 1695 года Палата общин приняла решение собрать 1 200 000 фунтов стерлингов для покрытия дефицита обрезанных денег за счет налога на окна.

[6] К счастью для народа, этот налог был отменен, пока эти страницы проходили через печать. Однако не было сочтено целесообразным менять формулировки, использованные в тексте.

[7] За дальнейшими доказательствами обратитесь к *Димербруку, Агриколе, Аммиану Марцеллину, Квинси, Вульфиусу* и, наконец, к трудам мистера Джорджа Альфреда Уокера, этого самого *неукротимого* сторонника предотвращения самых отвратительных надругательств над нашими мертвыми с целью облагодетельствовать одурманенных живых.

[8] Объясняя, что подразумевается под этим текстом, "Прокаженный дом", Михаэлис отмечает, что стены домов часто подвергаются нападению чего-то, что разъедает и портит их. Стены становятся влажными и плесневеют от соли, причем до такой степени, что в результате эрозии, распространяющейся все дальше и дальше, дом может рухнуть; штукатурка также повреждается и требует частой замены, мебель портится, а здоровье людей страдает, если они спят возле таких стен. Если мы наблюдаем подобные эффекты в современной Европе, то можно сделать вывод, что в более ранний период они проявлялись сильнее, причем в странах, где дома были одноэтажными и низкими. Таким образом, если принять это за "домашнюю проказу", то цель Моисеева закона или постановления становится достаточно понятной. Кроме того, и по сей день в Египте и Палестине существуют определенные болезни деревьев, которым дано название "проказа". В Швейцарии также говорят о раке в зданиях по тому же принципу, и почему бы нам не понимать проказы в зданиях, о которых идет речь в тексте, как нечто подобное? Верно, что человек, камень и одежда болеют не одинаковыми болезнями; но на основании некоторых аналогичных обстоятельств, реальных или вымышленных, болезни человека могут быть, и уже были, очевидно из вышесказанного, применены в виде фигуры речи к болезням других вещей.

Если мы считаем, что домашняя проказа, о которой здесь говорится, имела отношение к одноименному заболеванию человека, то трудно объяснить симптомы и способ лечения; а если мы предположим, что стены дома приняли проказу от человека и были в состоянии, когда действительно были заражены, передать ее человеку, то само указание убрать мебель перед входом священника приведет к противоположному мнению, поскольку удаление мебели было бы рассчитано на распространение проказной инфекции. Именно на сырость и нездоровое состояние дома было обращено внимание.

Примечание переводчика:

Очевидные типографские, орфографические и пунктуационные ошибки исправлены. Некоторые оригинальные написания сохранены.